

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Владимир Куземко Менты в законе	4
Справка о состоянии преступности	18
Криминальная Россия	23
Яков Гишинский Догоним и перегоним Америку?	26
Статистика УИС России	31
Тюремное население в странах мира	35
Василий Малинин Чтобы сильные были не сильнее слабых	46
Валерия Мухина Тотален ли тюремный антагонизм?	51
Акции протеста заключенных весной–летом 2007 года	61
Валерий Абрамкин Бунт в Крестах	70
Александр Муленко Колея	74
Олег Павлов Великая степь	79

ЗА СТЕНОЙ. НЕНОРМАЛЬНЫЕ

Альбина Скрипник Как в капле воды...	90
Елена Васильева Возобновление психиатрических репрессий	101
Юрий Савенко История Ларисы Арап, или Как поместить любого в психиатрическую лечебницу?	107

НА ТОМ СТОЮ. ЗАЩИТНИКИ

Максим Прытков «Дружба» вышла боком 114

Максим Прытков «Закон и порядок» по-прокурорски 129

ИСТОРИЯ

Сергей Ходорович Люди Русского фонда 142

POST MORTEM. 80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАЛЕНТИНА СОКОЛОВА

Александра Истогина О Валентине Соколове 154

Редационный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Зам. главного редактора
Елена Ознобкина
Ответственный секретарь
Наталья Мальхина
Макет
Лев Михалевский
Обложка
Василий Валериус
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Владимир Куземко

Менты в законе (из записок районного опера)

Введение в тему

Милиция – это власть над людьми. А власть меняет и деформирует души тех, кто ею обладает. Обычно так: чем больше у человека власти, тем меньше в нем – человека.

Нашу милицию народ не любит. Мы, менты, ощущаем это кожей и в принципе понимаем, за что недолюбливают нас сограждане...

Они не любят нас всех, скопом, за одну лишь нашу принадлежность к милицейской профессии. Но при этом мы между собою четко различаем, кто из нас более, а кто менее заслуживает этой народной нелюбви своими словами, поступками и всем образом жизни.

Мы видим и знаем, кто из нас всегда старался и старается оставаться человеком в самых бесчеловечных порою условиях. Не буду утверждать, что это всегда хорошо удается. А иногда не удается и вовсе... Но они – *старались!* Тогда как многие другие и не старались.

«Я – не *мусор*, я – честный мент!» – любимая присказка многих моих товарищей, самоотверженных трудяг – разыскников. То есть в нашем понимании «мусор» много хуже, вреднее, несправедливее «мента»... Кроме того «зла по необходимости», которое вынужденно творим все мы и каждый из нас, ментов, *мусор* привносит в свою работу и личную озлобленность, и корыстолюбие, и много-много других своих маленьких и больших недостатков, слабостей и пороков.

Мусор – это милицееское отребье, глухо презираемое даже своими.

Плохие люди ведь есть везде, даже в раю. И работают они повсюду, даже и в филармонии... Почему же органы внутренних дел должны быть каким-то исключением?..

Но еще более достойна презрения и людской ненависти та разновидность милицейских сотрудников, которых лично я бы назвал «ментами в законе».

Это те из нас, кто с годами не только нахватал себе достаточно звезд на погоны, но и заручился «мохнатой лапой» наверху, стал одним из членов привилегированной стаи и теперь пользуется вполне осязаемой и действенной поддержкой на еще более высоком уровне.

На этом основании он считает себя вправе вытворять что угодно и идти безнаказанно на практически любое злодеяние – ничего не страшась и не оглядываясь на закон, моральные табу и мнение окружающих.

Вообще-то, в законченном и до конца сформировавшемся виде таковых – единицы. Это высший ментовский комсостав, на уровне генералов и занимающих наиболее влиятельные должности полковников.

Но бациллы «мента в законе» дремлют, потихонечку разрастаясь, в очень многих из нас, и мало кто смог уберечься от их развращающего воздействия.

Кусочек власти, которой ты обладаешь, эта небольшая, врученная и тебе частичка общего права твоего государства творить над людьми замаскированный, но от этого не менее безграничный произвол – как яд, как наркотик, как самое сладкое и вкусное из всех лакомств!

Молекула власти

Начнем с меня. Старший лейтенант милиции, рядовой оперуполномоченный – «территориал» районного угрозыска. Ментовская «шестёрка», если называть вещи своими именами. Хотя нет, скорей уж «семерка»... Все-таки не первый год оперюсь!

За каждую провинность начальство увлеченно дрючит меня во все отверстия и использует, в числе прочих оперов, как затычку во все дырки. Ноль без палочки я для своих командиров, если честно!

Но это – только для них...

Для граждан же я – представитель государства, одна из полноправных молекул его бездушной и всепокрушающей власти... Перед мною заискивают... Ко мне бегут за помощью пострадавшие от злоумышленников. Моей «крыши» жаждут и добиваются многие, начиная с торгующих на рынке мелких коммерсантов и кончая желающей завербоваться в ментовские сексоты и тем самым получить временную амнистию собственным грешкам уголовной шушерой.

И от того, помогу ли я этому конкретному человеку или не помогу, зачастую целиком и полностью зависит его судьба в обозримом будущем.

Тем же *терпилам*, допустим, я могу помогать, бросив прочие свои дела, а потому быстро и эффективно... Но могу и не делать ни хрена, для гарантии обложившись со всех сторон оправдывающими мою пассивность бумажками... А у человека ведь, возможно, украли все сбережения, оставив практически без копейки, в совершенном отчаянии... Ну куда ему теперь деться?! Хоть в петлю лезь!.. Я же могу решить его проблему... Равно как могу и не решать!

Вот только не говорите, что помогать я обязан каждому! Мало ли кто чего и кому обязан. Всем и каждому – не получается, нет на то ни времени, ни сил, да и желания. Если понравится лицо данного человека (или, как вариант, если стимулирует материально) – могу посузиться для него в ущерб остальным, а не понравился или не отсыпал мне вовремя лавэ – извини, брат!.. На всех страждущих мои возможности не растянешь.

Так это ж я о честных людях говорю, о полноправных гражданах Отечества... Формально – хозяевах этой страны, в которой весь госаппарат только и существует для того, чтобы служить их интересам.

Что ж тогда о криминальной мелюзге говорить, о всяких там хулиганах, алкашах, наркушниках, воришках, проститутках, гопниках, наконец?.. Для них-то я и вовсе Царь и Бог! Что хочу, то с ними и сделаю!.. (В разумных пределах, разумеется...) Они это знают и трепещут, боятся меня, безжалостного и справедливого...

И недаром стерегу я каждый их шаг, обложив со всех сторон своими юркими агентиками и взяв «под колпак» всевозможными способами и методами пристального оперативного наблюдения... Они знают, что рано или поздно я «закрою» их всех, но для каждого отмерен свой срок... И для каждого – колоссальная разница, брошу ли я его за решетку сегодня или отложу на завтра, а то и вовсе на несколько месяцев... или лет...

Дергая их за ниточки, я определяю многие повороты их доль и судеб. Это в моих руках занесенная над ними державная секира, и зачистую (хоть и не всегда) только я и решаю, нанесу ли удар сейчас или замешкаюсь...

Я на своей «земле»

Вот он я – неприметный, шупленький, ничем не выделяющийся в людской толчее... Иду по своей «земле», по обслуживаемому моим подотделом микрорайону. Не виден и малозаметен, но многие меня и видят, и замечают.

В окружающей людской толчее происходят неразличимые постороннему взгляду, но хорошо заметные мне перемещения и протуберанцы.

Одни – поскорее отвернулись, чтобы случайно не встретиться со мною глазами...

Другие – спешно заскользили между людских фигур, ускользая от моих бдительно стерегущих бандитское отребье глаз.

Третьи, напротив, преувеличенно громко и любезно поздоровались, еще издали протягивая для рукопожатия распахнутую ладонь. Я не брезглив, на чистоту рук и помыслов в подобных случаях внимания не обращаю, некоторым из таких руку даже и пожму – нужный человечишко, полезный, пригодный как источник информации... Или же может быть использован как *подстава* в одной из многочисленных затеваемых мною оперативных комбинаций...

Но от многих других небрежно отворачиваюсь. Протянутая ко мне рука так и повисает в воздухе... Недостойны со мною ручкаться! Гниляки, ничтожества, падаль, компры у меня на них уж на пять лет строгой изоляции, пора уж «закрывать»... Завтра и закрою, последние деньки они на воле болтаются, хоть сами про то еще не ведают... Гондоны!..

Я иду по своей «территории». Она не только моя. Над нею много и других *паханов*, хозяев нынешней жизни, но те брезгуют кусочничать, не поднимают с земли упавшие крохи, оставляя их доклевывать мелким птахам, вроде меня.

Но зато уж эти крошки – мои!

Тусующиеся на моей «земле» мелкие ларечники, карманные воришки, спекулянты, компашки подростков, наркоманы, любители бухнуть, проститутки.

Это все – мой народец, мои крепостные...

Что захочу, то и сотворю с ними!..

Понадобится мне женщина – бесплатно сниму любую из орудующих поблизости шлюшек, выбрав помоложе и незатрепанной... И пусть попробует отказать мне, кошелка!..

Захочется после утреннего скандала с женою отвести на ком-либо душу – остановлю первого же попавшегося на глаза ханурика, отведу в безлюдное место, начну цепляться: «Чё у тебя в сумке?.. А в карманах?.. А чё глазенки подозрительно бегают?.. А где ты был в позапрошлую среду, ориентировочно с 19.30 до 19.45?.. Ах, не помнишь... Ну тогда н-на тебе за это!.. Н-на!.. Н-на, сволочь!» И угощаю его десятком-другим отнюдь не пирожков с повидлом...

А если, упаси боже, еще и наркота при нем найдется или ножик, похожий на тот, который описывал *терпилой* во вчерашнем гоппе... или еще что-либо явно незаконное или подозрительное – тогда всё!.. Амбец ему... Отведу в райотдел, запремся в моем тесном кабинетике, и

побью я его, как мамонта, дубиночкой, рученьками и ноженьками, периодически приговаривая: «А теперь говори, педрила, чего такого-этого успел натворить ты со времени нашей последней беседы?»

И ведь как следует нажмешь на такого гаденыша, так обязательно за каждым – за каждым! – найдется какое-нибудь злодейство. Вонючая кражонка хотя бы или мелкий наркосбыт...

Абсолютно невиновных людей в природе не существует. И зря усмехаетесь, дорогие мои читатели, морща недоверчивые гримасы. Допроси я вас сейчас по полной программе – за каждым из вас что-нибудь обязательно да всплывет...

Хочете – пари? Не хотите?! Ну-ну...

О блат-публике и говорить нечего, бью и прессую я их, уже заранее зная, что – виновны. Остается только уточнить, в чем именно...

Но это не значит, что я сразу же и непременно навешу на сознавшегося «делюгу» и упеку его в «зону»... Зачем?! Мест на «зонах» все равно хватает лишь на каждого второго-третьего из заслуживающих отсидки... Вот лишь каждого третьего я и «закрываю», руководствуясь в своем отборе – «кого казнить, кого миловать» – не самодурством и случайным выбором, а целесообразностью, интересами дела, конкретной криминальной обстановкой в районе и на моей «земле»...

Этого я прощаю и амнистирую потому, что дружков-блатарей у него много, вполне подходящий он в мои сексоты...

А тот – дал мне на лапу, и преступление им совершенно пустяшное, обязательной кары не заслуживающее...

Ну а те – просто хорошие люди, случайно оступившиеся и втянутые в конфликт с законом... Без особой надобности хороших людей в тюрьгу я стараюсь не кидать. Хотя, если понадобится для дела, не дрогнет рука!..

Что, скажете, суд определяет степень виновности и меру наказания, а не я?... Да, и суд тоже... Но суды перегружены делами. Где уж им вникать в тонкости, различать нюансы? Судья за те считанные часы, которые он видит подсудимого перед собою, не в состоянии узнать его поближе, почувствовать его душу, понять, чем человек дышит и на что пригоден. Для судебных все подсудимые в принципе на одно лицо.

Я же, опер, с обвиняемым общался плотно неделями, а то и месяцами... А то и годами, если он регулярно прохладжался на моей «территории». И я знаю о нем то, чего ни один судья никогда не узнает! И пусть не в моих силах вытащить человека из суда и отменить судебный приговор, но ведь я могу сделать так, что человек тот под суд просто не попадет, верно?

Система правосудия в любой стране – это бесконечный конвейер сотворения различных бумажек. Совершено преступление, и орган дознания (то есть опер) оформляет необходимые для возбуждения уголовного дела материалы – первый этап.

Следователь строчит свои бумажки и подшивает их в уголовное дело, втыкая в него все нужные протоколы, справки, акты и экспертизы – второй этап.

Суд на основании материалов следствия и происходящего в зале суда проводит процесс и выносит свой приговор – третий этап.

А там еще кассационные жалобы, апелляции, просьбы о помиловании... В общем, бесконечная лавина всевозможных бумажек!

Так вот, хоть и не во всех, но достаточно во многих случаях, стоит только мне, рядовому оперу, на самом первом этапе оформить одну из бумаг не так, а этак, и второго со всеми прочими этапами просто не будет!.. Или, как вариант, состоятся и они, но совершенно уж по иному сценарию, и вместо длительного срока страдалец отсидит короткий срок, а то и вовсе отделается «условняком»...

Вот и получается, что не суд решил судьбу этого конкретного человека, а я. Хотя об этом, очень может быть, никто или почти никто даже и не узнал.

Проиллюстрирую примером. Ночью двое подвыпивших парней у коммерческого киоска шумели, требуя продать им бутылку водки и две пачки сигарет. Бабла у них немножко не хватало, а давать товар им в долг ларечник, естественно, отказался... Тогда они со злости разбили два стекла в киоске валяющимся невдалеке на асфальте куском арматуры, но сделать больше ничего не успели: на шум прибежал милицкий патруль и задержал их.

Обоих доставили в райотдел, где они переночевали в «обезьяннике», а утром ими занялся я. Налицо были рапорт патрульных о задержании, объяснения ларечника о произошедшем, «сознанка» обоих парней о том, что бедокурили и били стекла. Мне осталось только определить, в какую сторону повернуть общее течение набирающего постепенно скорость бумажного потока.

Можно без особых укоров совести оформить все как заурядную хулиганку: парнишкам по имеющимся уже материалам суд автоматом влепит от 10 до 15 суток, плюс к этому еще и стоимость разбитых стекол после освобождения им придется возместить... В общем-то это пустяк.

Но можно сконцентрировать внимание на том, что требуемый парнями товар не был оплачен ими сполна, то есть имел место как бы даже и грабёж, а если разобраться досконально, то именно грабёж, без вся-

ких оговорок! Внагляк ночью два негодяя пытались взять на гоп несчастного продавца. Нарисуй я такое в своем материале, тотчас будет возбуждено уголовное дело. Этим двоих – в СИЗО, где они как миленькие отсидят несколько месяцев, пока длится следствие и готовится суд. (Впрочем, некоторых угораздило дожидаться суда и по нескольку лет!) А там – и приговор. Минимум по этой статье – четыре года, но могут дать им и пять, и шесть лет...

Но и это еще не всё!.. Начни я копать совсем глубоко, чем стеклота били?... Ломиком!.. Тем же ломиком они вполне могли и голову ларечнику разбить... Отсюда вывод: грабеж был осуществлен опасным для здоровья и жизни пострадавшего способом, то есть это самый что ни на есть стопроцентный разбой!.. Двое озверевших маньяков замыслили убить торговца и забрать его выручку, что и случилось бы непременно, кабы патруль не подоспел... Слава нашей доблестной милиции, предотвратившей очередную жестокую мокруху!..

А разбой, братцы, это уж особо тяжкое преступление!.. За него сроки дают – будь здоров, и при данном раскладе восемь лет усиленного режима каждому – это минимум светящего им. При неблагоприятном же настроении судей могут влить и полновесный «червонец»! На моей памяти было даже два случая, когда в такой же ситуации давали и по двенадцать лет...

Отсидеть 10 суток в изоляторе временного содержания или 12 лет в «зоне» усиленного режима – есть разница? Есть! Да еще какая!

Так что вполне могли ребята загреметь в узилище на пару пятилеток и покорежить себе всю оставшуюся жизнь этой в общем-то заурядной хулиганкой: подумаешь, выпили хлопцы и покуражились маленько... И все основания имел бы суд с ними так поступить, но не поступил. И не потому, что месяцами разбирался в ситуации и просек, что не опаснейшие бандиты перед нами, а обыкновенные ребята, каких кругом море...

Нет, не по этой причине их судьбы остались неизуродованными, а потому лишь, что встретился в самом начале конвейера затянувшего их в свои шестеренки грозного механизма правосудия я, молодой и пригожий. Сориентировался сразу, пробил личности обоих, понял – яйца выеденного то дело не стоит! И недостойно наше вонючее государство того, чтобы во имя его абстрактных принципов «законности и правопорядка» губить этих вот двух вполне конкретных парнишек.

Тем более, кстати, что один из них в прошлом помог мне разоблачить и посадить своего знакомого домушника, а у второго маманя в супермаркете отделом заведует, и с нее можно получить в знак благодарности за освобождение сыночка некоторый презентик... Но мож-

но и не получать, это необязательно, желательно лишь... Я – не шкурник. Но тут важен принцип: мне выгоднее оказывается не «закрывать» эту парочку, и обществу это выгоднее, и в конечном счете это выгоднее даже и государству.

А я всегда стараюсь делать то, что выгоднее и полезнее!

Вот почему никакого грабежа, а тем более разбоя. Хулиганка! Чистой воды хулиганка! Народный суд по моему определению в тот же день отштамповал обоим по 10 суток, честно отмотали они их от звонка до звонка, мамаша одного из парней заплатила хозяину ларька за разбитое стекло и мне выставила парочку бутылок коньяка – за проявленный мною гуманизм...

Всем хорошо! (В данной ситуации я вправе был потребовать и более серьезной мзды, но не захотел. Могло бы потянуть на «дачу взятки», что чревато... А выпивка – это не взятка, а угощение! Сегодня добрая женщина угощает меня коньяком, завтра я ее, что ж тут плохого?... И уважение ко мне проявлено, и риска для меня ни малейшего. А в будущем, если мне понадобится более серьезная услуга с ее стороны, будет возможность напомнить об оказанной ее семье услуге...)

Уже полтора года прошло со времени описанной истории. Оба парня наверняка уже и забыли об этом неприятном для них, но в общем-то мелком инциденте. А ведь сложись все иначе – были б сейчас за решеткой и еще до-о-о-о-олго находились бы там. Я их спас от большой беды. Они это знают (если забыли, в случае надобности обновлю им память), и я это знаю. И мне приятно.

Собачья у меня работа, согласен... Но и она кое-что дает. И самое главное – это ощущение силы и власти, ежедневно подкрепляемая уверенность в том, что я умней, напористей, талантливей и удачливей многих других.

Работа периодически рождает во мне чувство того, что я – Хозяин Жизни.

Моя текучка

Вчера, к примеру, наглого бандюгу запутал в сетях оперативных комбинашек, и при сильнейшем дефиците улик и вещдоков сумел вначале «закреть» его, а затем и вытрясти из этой падлы «чистосердечные», что обеспечит ему суровый приговор...

Сегодня вернул состоятельному чмырю часть уворованного у него мебельного гарнитура, а он в благодарность выставил мне *поляну* в кабаке средней руки...

Завтра прихлопну наркобарыгу. Не всех торговцев «дурью» надо прихлопывать, многие из них вполне полезны в проводимых угрозыском «играх» с криминалом. Но есть и такие, которых пора уж к ногтю! Вот одним из таких и займусь. Он хитер и изворотлив, а я еще шустрей и изобретательней, и никуда ему от меня не деться. Он будет моим!

Есть и совсем исключительные случаи – вроде того, что случился в позапрошлом месяце...

Мокрогубый пацан-пэтэушник завел знакомую ему с детства девочку на пустырь, там изнасиловал ее вдоль и поперек, а затем перепилил ей горло прихваченной из дому ножовкой. А позднее, когда на пустыре был найден растерзанный труп, первый же сочувствовал зареванным родителям девочки и клялся-божился найти и растерзать неведомых убийц.

И не следак-кретин выследил его, куда ему... А я, опер, с самого начала этого пацана в чем-то смутно заподозривший. Глазки у него были какие-то... блудливые! Вот и намекнул гаденышу, что кое-что о нем знаю.

Заметался он от моих темных намеков, замандражировал, совершая одну промашку за другой. Я следил за ним внимательно, используя каждую возможность прокачать его «на косвенных». Он и *поплыл*.

Сначала кинулся перепрятывать те простенькие золотые сережки, которые снял с убитой – после того, как я ему насвистел, что знаю, где они лежат... Он и поверил, дурашка! Сам меня к ним, фактически, привел.

А позднее, на допросе, когда стал он от всего отрещиваться, мол увидел ее на пустыре уже мертвой и забрал сережки себе на память, и заключение экспертов не позволяло припереть его неоспоримо к стенке, именно я полностью расколол его!.. И не только побоями, нет... Я его морально измордовал!.. Допек его словами так, что убитая девочка встала проклятием перед ним, и не выдержал он взгляда ее мертвых глаз, сломался... Всхлипывал и рыдал в моем кабинетике, живописуя подробности того, как насиловал и убивал, но самое важное – заодно и рассказал, куда ножовку закинул, со следами крови и отпечатками своих пальчиков...

Он ведь почему так легко сдался-то?.. Потому что я ему подсказал: если не отпираться, а все признать, тогда больше шансов скосить «под дурику» и вместо «пожизненки» отделаться небольшим сроком принудительного лечения в психушке... Он так и планировал: подлечусь маленько, потом выйду на волю – и еще кого-нибудь изнасилую и убью!..

Но напрасно он губу раскатал!.. И не только потому, что никто из него, смысленыша, делать дурику и не собирается, а и оттого еще, что

уж позаботился я пустить перед ним слушок в СИЗО, в ту камеру, где ему до суда сидеть придется: вот вам, ребяташки, подбрасываем на перевоспитание редкостного уродца, который дитя оттрахал, убил и ограбил в придачу!.. О-о-о, чую – тяжело ему в камере той придется...

И почему-то уверен я, что уж никого больше этот губастенький не насильничает и не убьет.

Власть над людьми – страшная сила. Привыкаешь к ней почти мгновенно, а отвыкнуть потом почти невозможно...

Ненавижу!..

Спросите нас, рядовых разыскников, кого мы ненавидим больше всего?

Бандитов? Нет.

Большинство бандитов – сволочи. Иногда какая-нибудь бандитская мразь натворит совсем уж несусветку, ребенка, к примеру, по-садистски убьет или руку на мента подымет... Такая иногда злоба вспыхивает на таких – прибил бы!

Но, отведав душу на этой мрази руками и ногами, успокоишься, оттаешь душой... Кто целиком и полностью находится в твоей власти, кто уж неопасен, тот не может быть объектом жгучей ненависти. Вот почему отношение оперов к бандитам в целом – спокойное, сугубо профессиональное, бесстрастное, почти что благодушное. Их дело – воровать, грабить, насиловать и убивать. Наше дело – ловить и изобличать их. Как говорят в Голливуде, «ничего личного, только бизнес!». А начни мы волноваться и палить с каждым криминалом нервную систему, долго не протянем.

Кого же еще можем ненавидеть мы долго и жарко – уж не своих ли горячо любимых тещ?..

И опять – мимо. Теща – тоже человек, особенно если общаться с ней не очень часто. Согласен, раздражает она порою чертовски...

Но кого ж тогда дружно и сплоченно ненавидят лютой злобой практически все опера?.. Кому в любую секунду готовы вцепиться в глотку?.. О ком не могут вспоминать без зубовного скрежета и душевной боли?

Ответ один: это наше Начальство! Ох и допекло же оно нас – до самых что ни на есть печенок! И так норвят нас утеснить отцы-командиры, и этак. То одну подлянку кинут личному составу, то совсем другую... словно живут по принципу: ни дня без того, чтобы не учудить побольше гадостей подчиненным!..

И дело даже не в том, что наши начальники так уж плохи. Тогда хоть была б надежда, что плохих начальников когда-нибудь заменят

хорошие и дела наладятся... Но нет, «начальник» – это как клеймо на занимающем эту руководящую должность, вне всякой зависимости от того, хорош или плох он сам по себе.

Просто поганый человечек в шкуре начальника делается еще поганее, а совестливого место руководителя курвит и портит. Иначе нельзя, должность такая!

Наше начальство – как передаточное звено между морем терзающих наше общество проблем и неспособностью властей (по всевозможным объективным и субъективным причинам) их своевременно и в полном объеме решать. А пытаются решать, и отсюда – куча идиотских законов, инструкций, приказов, указаний и поручений...

С самого верха эта снежная лавина катится вниз. Руководство всех уровней призвано обеспечить «неукоснительное исполнение» того, что исполнить невозможно, даже и теоретически... «Верхи» дают, «низы» химичат и ловчат, начальство сердится и гавкает, подчиненные оправдываются, врут, выкручиваются и живчиками уваливают от разоблачения и кары... Но то и дело кого-нибудь все ж разоблачают и наказывают, позабыв только объяснить еще не разоблаченным, как можно жить и полноценно исполнять служебные обязанности, не совершая именно того, за что недавно был покаран наш «засветившийся» товарищ.

В одном нашему начальству не откажешь – обойтись совсем без него все-таки нельзя. Кто-то же должен управлять стихией! Кем-то так или иначе приходится жертвовать, испохабив его назначением на руководящую должность. Вот и жертвуем. Иногда достойными, совестливыми и работающими (таких потом жальче!), но в основном типичными *мусорами*. Если уж кто-то должен исполнять роль курвы и гниды, так уж лучше они!..

Лично я, к примеру, ни за какие коврижки в руководители не пошел бы! Ну его... Делать «как надо» мне все равно не дадут, а исполнять слепо все, что требуют, не хочу! Ну то есть как... На своем уровне именно этим я каждодневно и занимаюсь, но при этом отвечаю только за себя и сам держу ответ перед своей совестью. А если поставить меня во главе какой-нибудь команды – поневоле придется заставлять других делать немалое количество гнусностей, гадостей и подлостей... Не желаю!

Какашка средней вредности

Что способна сделать пусть и маленькая, но все-таки власть над людьми с ее обладателем, покажу на примере возглавляющего наш территориальный подотдел старшего оперуполномоченного.

(Для справки: наш подотдел курирует один из микрорайонов Заводского района города Энска. Жилмассив поделен на две половины. Два опера (или, как вариант, опер + помощник опера) опекают одну из половин, еще два – другую, возглавляющий же подотдел старший оперуполномоченный (обычно в капитанском звании) координирует их деятельность и отчитывается за них перед начальником угрозыска.)

В общеизвестной и правильной мысли «Чем выше занимаемая должность, тем дерьмовее человек!» есть маленькое исключение: это когда и на невысоких должностях оказываются личности малозначимые и вредненькие.

Нельзя сказать, впрочем, что наш капитан – дурак. Сам по себе он вовсе не глуп... (Да дураки начальниками обычно и не становятся. Чтобы выбиться в чины, нужна хоть какая-нибудь, да смекалка, определенная хватка, некоторая ловкость, наконец.

И человек-то наш старший опер не из самых паршивых, нет в нем природной зловредности и желания нагадить ближнему. А в свое время, когда был он еще рядовым оперуполномоченным в этом же райотделе, даже и уважали его товарищи за старательность и работящность.

Но потом, оценив его плюсы и за неимением большого выбора кандидатур, назначило его руководство пусть и маленьким, но боссом! И сразу же таким «тормозом» заделался...

Не имея ни малейших организационных талантов, будучи не способным сплотить и повести за собою свой маленький коллектив, с максимальной пользой эксплуатируя сильные стороны и достоинства каждого, он в то же время суетился изо всех сил, стараясь доказать начальству, что оно не ошиблось в выборе, приподняв его над общей массой. Доказывал всячески, что вполне заслуживает если и не дальнейшего повышения по служебной лестнице, то хотя бы оставления в прежнем, «приподнятом» состоянии, и больше всего боялся возврата в былое, «молекулярное» состояние.

Постоянные крики, матюки, идиотские поручения, зачастую бессмысленные, еще чаще – неисполнимые... Дергал ребят по мелочам, а в серьезных вопросах помощи от него не дождешься! Понятно, что в таких условиях работа завалилась, и показатели покатались под уклон.

На оперативках в РОВД нас все чаще начали склонять во всех падежах. Но своей вины в этом капитан вполне искренне не замечал: «Вы же видите, я днюю и ночую на работе!» А поскольку кто-то конкретный ответить за провалы должен, то за все неудачи клял подчиненных

ему оперов: такие и сякие, блины, болваны, бездельники, шишкастая палка им всем в рот! А все почему? Да потому, что гениальных его указаний не исполняют в точности!

Ладно. Разберемся с тем, что же конкретно он указывает.

Скажем, вызывает меня к себе и интересуется: «Чем думаешь заняться?..» Ну, думать-то я могу про пивка хлебнуть в любимом мною пивбаре «Три богатыря», недалеко от райотдела... Но отвечаю, что положено: «Через час со следователем Сысуевым и вором-форточником Демьяненко едем на “территорию”... Вор дал вчера явку с повинной на совершение им кражи по Мостостроительной, дом 24, в позапрошлом месяце. И теперь воспроизведем события на месте, пусть все покажет и расскажет, под протокол и при понятых. На этот месяц следок уже не успевает закончить оформление раскрытия кражи, а вот в показатели следующего месяца это пойдет!»

Казалось бы, ясно все объяснил, да? А старший опер взрывается: «Ты об этом месяце думай, а не о следующем! У нас в этом месяце по раскрытиям полный завал. Значит, так: немедленно езжай на опрос свидетелей по краже “Москвича” у фотографа Фридмана!»

Недоуменно пожав плечами, пытаюсь объяснить: следователь уже ждет доставки домушника из СИЗО, и та кража уже раскрыта, осталось только задокументировать. А эту еще только предстоит раскрыть, и удастся ли найти вора – большой вопрос! Наверняка «Москвич» уж разобран на запчасти и продан в качестве таковых на местном рынке.

Затем, поколебавшись, сообщаю заветное: с «Демьяном» есть негласная договоренность, что вдобавок к своей «родной» краже он при воспроизведении возьмет на себя еще и две «левых», не им совершенных... Ему ведь все равно придется сидеть – что за одну кражу, что за три... А нам – приличный довесок к показателям раскрываемости!.. Мы же за это его куревом и чаем в СИЗО «подогреем».

Любому оперу такие аргументы что железобетон. Но капитана заклинило: «Я сказал – езжай на адрес к фотографу, и точка!..» И кулаком уж по столу стучит, словно и впрямь меня в чем-то худом уличил.

А ведь я лишь о службе беспокоюсь!.. Мне-то лично что – больше всех надо?..

Хотя и вру. Его долбоёбство рекошетом бьет и лично по мне. Послушайся я старшего опера – не будет в следующем месяце трех раскрытий преступлений в мой план... Запишут невыполнение!.. А если еще и на работу угораздит разок опоздать или же залететь в какую-нибудь халепу по пьяни – объявят строгий выговор, а то и неполное служебное соответствие. Так недолго и из органов вылететь! И этот

мудила за меня ни за что не вступится, наоборот, напомнит: «Ты же и к Фридману тогда лишь после второго напоминания выехал!»

Самый лучший вариант в таких случаях: внимательно выслушать старшего опера, старательно ему поддакивая, а затем сделать по-своему, как и планировал. Ну а отмазку перед капитаном потом придумать – это уж дело техники!

И оно мне надо – вместо поддержки своего непосредственного начальника иметь от него постоянно одни чиряки на задницу?.. А ведь у нас в «конторе» такое – за правило. Редко когда встретишь дельного руководителя, да и тот вынужден как-то маскироваться, подделываясь под общий стиль долбоёбства, чтоб «вышестоящие» не опознали чужака и не съели. Таких примеров – уйма.

Состояние преступности в Российской Федерации за первое полугодие 2007 года¹

	I полугодие 2007 г., тысяч	В % к I полугодию 2006 г.
Зарегистрировано преступлений	1860,2	95,4
в том числе:		
особо тяжкие	67,5	103,3
тяжкие	452,1	90,2
средней тяжести	735,3	97,6
небольшой тяжести	605,3	96,1
из общего числа зарегистрированных преступлений по отдельным составам преступлений:		
убийство и покушение на убийство	12,1	82,4
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	24,3	90,6
изнасилование и покушение на изнасилование	3,5	80,6
разбой	24,7	80,8
грабеж	152,0	84,3
кража	761,3	95,2
в том числе из квартир	104,4	87,7
вымогательство	6,6	79,7
присвоение или растрата	46,5	111,0
мошенничество	120,5	97,6
хулиганство	11,2	72,7
взяточничество	8,1	108,8
неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон)	25,1	100,5

В I полугодии 2007 г. зарегистрировано 761,2 тыс. преступлений, предварительное следствие по которым обязательно, что составило 40,9% от общего числа преступлений.

Зарегистрировано: 260 фактов бандитизма (в I полугодии 2006 г. – 274), 21 факт терроризма (68), 496 фактов похищения человека (515), а также 6,1 тыс. фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего (7,2 тыс.), и 6,6 тыс. фактов нарушения Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших по неосторожности смерть человека, двух или более лиц (6,1 тыс.).

Число зарегистрированных преступлений в расчете на 100 тыс. человек населения в I полугодии 2007 г. составило 1308 против 1366 в I полугодии 2006 г. (снижение на 4,2%). Максимальное значение этого показателя зафиксировано в Пермском (2141), Хабаровском (2123), Приморском (1943) краях.



В июне 2007 г. зарегистрировано 331,5 тыс. преступлений, что на 8,3% ниже уровня июня 2006 г. и примерно соответствует уровню мая 2007 г. Тяжких и особо тяжких преступлений зарегистрировано 89,4 тыс. (снижение на 10,2% по сравнению с июнем 2006 г. и увеличение на 2,2% по сравнению с маем 2007 г.).

По сравнению с июнем 2006 г. произошло уменьшение числа убийств и покушений на убийство (на 15,6%), фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (на 10,7%), изнасилований и покушений на изнасилование (на 17,2%), разбоев (на 24,8%), грабежей (на 19,3%), краж (на 10,0%), хулиганств (на 33,5%). Увеличилось

число фактов присвоения или растраты (на 2,6%), преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (на 10,6%). Количество фактов хищения либо вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств снизилось за указанный период на 16,0%, число выявленных фактов взяточничества – на 1,9%.

Из общего числа преступлений, зарегистрированных в I полугодии 2007 г., 519,6 тыс. отнесено к тяжким и особо тяжким. Удельный вес подобных преступлений в общем числе зарегистрированных преступлений составил 27,9%. Среди раскрытых преступлений доля тяжких и особо тяжких составила 29,3%.

Зарегистрировано 157,4 тыс. преступлений, причинивших крупный ущерб или совершенных в крупных и особо крупных размерах, что на 16,4% больше, чем в I полугодии 2006 года. Их раскрываемость составила 62,1% против 62,4% в соответствующем периоде прошлого года.

В I полугодии 2007 г. число зарегистрированных преступлений, **связанных с незаконным оборотом наркотиков**, выявленных правоохранительными органами, увеличилось на 13,7% по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков

	I полугодие 2007 г., тысяч	В % к I полугодию 2006 г.
Зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, сильнодействующих веществ	121,6	113,7
из них тяжкие и особо тяжкие	83,3	105,4
из общего числа преступлений совершены:		
в крупных размерах	45,8	123,3
в особо крупных размерах	23,7	129,7
из числа зарегистрированных преступлений, уголовные дела и материалы о которых окончены расследованием либо разрешены в отчетном периоде, совершены:		
группой лиц по предварительному сговору	4,9	95,3
организованной группой либо преступным сообществом	4,4	129,0

Среди преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, 90,2% составляли факты незаконного производства, сбыта, пересылки, приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки, а также нарушения правил оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

В I полугодии 2007 г. из числа зарегистрированных преступлений, уголовные дела о которых окончены расследованием, 6,0 тыс. преступлений совершены в состоянии наркотического опьянения, что на 9,7% больше, чем за аналогичный период 2006 года. Число преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, снизилось на 13,1% и составило 139,6 тыс.

В I полугодии 2007 г. зарегистрировано 17,4 тыс. преступлений, связанных с **незаконным оборотом оружия**, что на 3,0% больше, чем за соответствующий период 2006 г. Зарегистрировано 992 случая хищения либо вымогательства огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, что на 7,0% меньше, чем в I полугодии 2006 г. Раскрываемость этих преступлений составила 57,3% против 61,0% в I полугодии 2006 года. С применением оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств было совершено 8,1 тыс. преступлений, из них 3,2 тыс. преступлений совершено с использованием огнестрельного и газового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, их раскрываемость составила 65,7% против 62,7% в I полугодии 2006 г.

В I полугодии 2007 г. **в общественных местах** зарегистрировано 324,5 тыс. преступлений, что на 3,9% меньше аналогичного периода прошлого года. На улицах, площадях, в парках и скверах совершено 188,2 тыс. преступлений (снижение на 5,6%), из них 69,5 тыс. отнесено к тяжким и особо тяжким (уменьшение на 11,6%). Из числа преступлений, совершенных на улицах, площадях, в парках и скверах, число выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков увеличилось на 14,0%. Снизилось число убийств и покушений на убийство на 2,5%, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 5,4%, изнасилований и покушений на изнасилование – на 9,0%, краж – на 0,9%, в том числе краж транспортных средств – на 4,3%, грабежей – на 14,5%, разбоев – на 16,4%, хулиганств – на 20,2%. На улицах, площадях, в парках и скверах совершено 41,4% всех зарегистрированных грабежей, 31,9% – разбоев, 36,6% – хулиганств, 29,5% – краж транспортных средств.

В I полугодии 2007 г. зарегистрировано 23,0 тыс. **экологических преступлений** (на 0,3% больше, чем за соответствующий период предыдущего года).

В I полугодии 2007 г. количество выявленных **лиц, совершивших преступления**, снизилось на 2,2% по сравнению с аналогичным периодом 2006 г.

Число лиц, совершивших преступления

	I полугодие 2007 г., тысяч	В % к I полугодю 2006 г.
Выявлено лиц, совершивших преступления	697,4	97,8
из них:		
женщины	106,5	97,4
несовершеннолетние	71,0	89,8
не имеющие постоянного источника дохода	411,2	96,7
из них безработные	39,3	86,4
ранее совершавшие преступления	201,0	98,3
из них ранее судимые	161,1	96,9

В I полугодии 2007 г. число лиц, совершивших преступления в составе организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации), составило 7,2 тыс. человек, что на 9,2% больше, чем за соответствующий период предыдущего года. Число несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, уменьшилось за указанный период на 22,8% и составило 7,6 тыс. человек.

По оперативной информации **Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации**, в федеральные суды общей юрисдикции и мировым судьям в I полугодии 2007 г. поступило 606,9 тыс. уголовных дел. Судебным производством окончено 591,8 тыс. уголовных дел. К различным видам наказания осуждено 464,2 тыс. человек, оправдано 5,2 тыс. человек. По результатам рассмотрения в судах дел об административных правонарушениях, 2,2 млн. человек были подвергнуты административным взысканиям. В отчетном периоде судами вынесено 3,6 млн. решений по рассмотренным гражданским делам.

Криминальная Россия

Число зарегистрированных преступлений (тысяч)

	1992	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Зарегистрировано преступлений – всего	2761	2756	2952	2968	2526	2756	2894	3555	3855
в том числе:									
убийство и покушение на убийство	23,0	31,7	31,8	33,6	32,3	31,6	31,6	30,8	27,5
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	53,9	61,7	49,8	55,7	58,5	57,1	57,4	57,9	51,4
изнасилование и покушение на изнасилование	13,7	12,5	7,9	8,2	8,1	8,1	8,8	9,2	8,9
разбой	30,4	37,7	39,4	44,8	47,1	48,7	55,4	63,7	59,8
грабеж	165	141	132	149	167	198	251	344	357
кража	1651	1368	1310	1273	927	1151	1277	1573	1677
преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков	29,8	79,9	244	242	190	182	150	175	212
нарушения Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	90,1	50,0	52,7	54,5	56,8	53,6	26,5	26,6	26,3
из них повлекшие по неосторожности смерть человека	17,5	14,4	15,4	15,5	16,1	17,6	16,0	15,7	15,8

Состав лиц, совершивших преступления, по полу, возрасту и виду занятий (тыс. человек)

	1992	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Выявлено лиц, совершивших преступления	1149	1596	1741	1644	1258	1237	1223	1297	1361
в том числе:									
по полу:									
мужчины	1018	1358	1457	1365	1035	1031	1059	1119	1156
женщины	131	238	284	279	223	206	163	178	205
по возрасту во время совершения преступления, лет:									
14–15	59,3	69,2	49,3	51,9	40,1	43,2	46,0	44,6	44,1
16–17	129	139	129	121	100	102	106	105	104
18–24	252	363	465	441	348	359	348	365	378
25–29	186	231	289	273	199	200	202	224	242
30–49 ¹⁾	523	792	676	625	463	436	425	454	478
50 и старше	133	132	108	96,1	96,3	106	114
по занятию на момент совершения преступления:									
рабочие	546	502	451	426	335	322	258	262	277
работники сельского хозяйства ²⁾	55,1	20,8	30,4	24,6	13,9	12,4	11,3	9,6	8,1
служащие	60,5	59,6	64,8	61,3	65,1	57,2	53,5	57,7	63,5
учащиеся	104	91,1	101	94,3	77,7	82,0	85,8	87,1	90,1
лица без постоянного источника дохода	294	721	954	906	658	664	719	782	811
из них безработные	...	73,2	91,4	85,8	63,3	65,9	73,1	82,0	84,1

¹⁾ До 2000 г. – 30 лет и старше

²⁾ До 2000 г. – колхозники

**Распределение осужденных по основным мерам наказания,
назначенным судами**
(в процентах к итогу)

	1992	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Осуждено – всего	100								
в том числе:									
к лишению свободы	34,2	34,5	29,9	29,5	31,0	32,5	32,5	34,9	34,5
к исправительным работам без лишения свободы	18,3	8,9	4,3	5,0	5,1	5,2	4,6	4,9	4,6
к условному осуждению к лишению свободы и к иным мерам наказания	11,2	21,5	45,9	54,9	54,5	55,0	52,4	48,4	46,3
к штрафу	9,5	11,4	5,3	6,0	6,1	6,5	9,9	10,3	10,8
к другим мерам наказания	6,5	5,5	14,6	4,6	3,3	0,8	0,6	1,5	3,8

Численность осужденных по приговорам судов, вступившим в законную силу, по отдельным видам преступлений
(тыс. человек)

	1992	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Осуждено – всего	661	1036	1184	1244	859	767	794	879	910
в том числе:									
за убийство	12,4	19,3	19,4	22,2	20,1	19,6	20,2	20,3	18,2
за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	23,1	34,5	35,0	38,5	38,2	38,8	42,4	43,0	40,5
за изнасилование	11,5	10,3	6,4	6,5	6,0	5,7	6,7	6,6	6,9
за разбой	11,0	19,3	27,5	30,1	26,3	24,2	25,5	28,0	27,8
за грабеж	41,2	56,2	64,7	67,9	59,5	57,7	69,0	82,4	86,1
за кражу	275	457	599	541	281	245	290	316	297
за незаконные действия и нарушение правил обращения с наркотическими веществами и психотропными средствами	10,4	38,6	99,1	127	95,0	83,5	59,4	61,2	77,1
за нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека, двух или более лиц	13,4	12,1	4,5	6,6	6,2	5,3	6,2	6,2	6,1

Яков Гилинский

Догоним и перегоним Америку?

Хорошо известно, что Россия и США прочно занимают первые места в мире по уровню заключенных – лиц, находящихся в местах лишения свободы (в расчете на 100 тыс. населения), оторвавшись по этому прискорбному показателю от остального мира. При этом оба «чемпиона» поочередно занимают то первое, то второе место, как будто соревнуясь между собой.

Так, уровень заключенных на 100 тыс. человек населения в **1992** г. был в России – 520,2; в США – 518,9, в **1994** г. в России – 580,2, в США – 553,9. В те же годы высокий уровень заключенных был только в странах бывшего СССР – в Белоруссии – 314; 477, в Латвии – 313; 359, в Украине – 345, в Киргизии – 216; 299, в Эстонии – 292; 293 и т.д. Для сравнения, этот показатель в 1994 г. был в Польше – 160, в Венгрии – 123, в Канаде – 118, в Австралии – 94, в Финляндии – 62, в Японии – 37, в Греции – 16¹.

В **1999** г. уровень заключенных (на 100 тыс. населения) составлял: Россия – 729, США – 682, ЮАР – 327, Венгрия – 161, Канада – 123, Австралия – 108, Германия – 97, Франция – 91, Австрия – 85, Нидерланды – 84, Дания – 66, Финляндия – 46, Япония – 43 и т.д.²

В **2001** г. этот показатель составил: США – 689, Россия – 673, ЮАР – 411, Венгрия – 171, Австралия – 116, Канада – 101, Нидерланды – 94, Австрия – 87, Германия – 85, Франция – 77, Финляндия – 60, Дания – 58, Япония – 50 и т.д.³

¹ Newman G. (Ed.) Global Report on Crime and Justice, 1999. P. 330.

² Barclay G., Tavares C., Siddique A. International comparisons of criminal justice statistics 1999 // Home Office Statistical Bulletin Issue 6/01. May 2001. P. 7.

³ Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal justice statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin Issue 12/03. October 2003. P. 7.

На начало 2005 г. уровень заключенных (на 100 тыс. населения) составлял: США – 714, Россия – 577, Украина – 416, ЮАР – 413, Польша – 209, Нидерланды – 123, Австралия – 117, Канада – 116, Австрия – 106, Германия – 96, Франция – 91, Финляндия – 71, Дания – 70, Япония – 58 и т.д.⁴.

Итак, к 2005 г. США явно вырвались вперед...

Однако с января 2005 г. Россия начинает потихоньку «наверстывать упущенное». Если, по данным ФСИН, на 01.01.2005 г. количество заключенных составило 749 647 человек (здесь и далее без системы военной юстиции), то к июлю 2005 г. их было уже 782 935 человек, к июню 2006 г. – 832,4 тыс. человек, к ноябрю 2006 г. – 855,0 тыс. человек, а на 01.01.2007 г. – 871,7 тыс. человек. При этом количество населения России за это же время сократилось, а следовательно, *уровень* заключенных (на 100 тыс. населения) растет еще быстрее, чем абсолютное число наших сограждан, находящихся в местах не столь отдаленных...

Если учесть, что, по последним данным, количество заключенных приближается к 900 тыс., то у нас появляются шансы вновь догнать США.

Что же все это значит?

Во-первых, к сожалению, мы наблюдаем постепенное усиление репрессивности во многих странах мира, что вызывает тревогу наиболее разумных политиков и ученых⁵. Репрессивное сознание формируется в населении под воздействием таких страшилок, как организованная преступность, терроризм, наркотизм, которые действительно опасны, но страх перед ними активно раздувается популистскими политиками и СМИ.

Во-вторых, российская власть – монархическая, советская, современная – традиционно тяготеет к репрессивной политике, «простому решению» сложных социальных проблем. «Оттепель» Н. Хрущева и – в еще большей степени – «перестройка» М. Горбачева были «лучами света в темном царстве»... Кстати говоря, за этим литературным образом стоят вполне объективные, достоверные факты – снижение уровня преступности, тяжких насильственных преступлений, самоубийств и других негативных явлений в оба названных периода отечественной истории.

⁴ *Walmsley R. World Prison Population List (Sixth Edition). L., 2005; Council of Europe. Space I. Strasburg, 2007. P. 16.*

⁵ См., напр.: *Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к Гулагу западного образца. М., 2001; Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб., 2006.*

В-третьих, возможное «обоснование» усиления репрессий «ростом преступности» не выдерживает критики. Так, «пик» зарегистрированных убийств Россия прошла в 2001 г. (абсолютное количество – 33 583, уровень – 23,1), и к 2006 г. их число снизилось до 27 462 (уровень – 19,2). «Пик» зарегистрированных фактов причинения тяжкого вреда здоровью также миновал (в 2002 г. – 58 469, уровень – 40,7; в 2006 г. – 51 429, уровень – 35,9). А ведь именно за эти наиболее тяжкие насильственные преступления виновные могут быть наказаны лишением свободы. Поясню свою мысль.

Хорошо известно, что тюрьма не «перевоспитывает», а служит местом повышения криминальной квалификации и профессии. Лишение свободы – *вынужденная* мера, пока человечество не придет к более совершенным средствам социального контроля над преступностью. Криминологическая наука и многовековая практика свидетельствуют о том, что, пока человечество не научилось обходиться без тюрем, к этой *высшей* мере наказания (смертная казнь давно должна быть запрещена во всем мире) допустимо прибегать только в отношении *совершеннолетних*, виновных в *тяжких насильственных* преступлениях (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, разбойные нападения, терроризм, геноцид). За имущественные, экономические, должностные, экологические и прочие преступления должны, как правило, применяться меры наказания, не связанные с лишением свободы (ограничение свободы, исправительные и принудительные работы, штраф, конфискация, возложение обязанности возместить ущерб и т. п.). «Вор *не* должен сидеть!»

Посмотрим, какова же в России структура осужденных к лишению свободы в зависимости от совершенного преступления. В 2001–2005 гг. лица, виновные в совершении убийств, причинении тяжкого вреда здоровью, изнасиловании и разбое, составили не более 21–28% осужденных к реальному лишению свободы⁶. А остальные 70–80%? Вся ли эта огромная масса людей (напомним, счет идет на сотни тысяч человек), отправленных за решетку, так уж опасна, что их нельзя оставить на свободе, осудив и назначив иную меру наказания? К концу 2005 г. в российских местах лишения свободы, помимо осужденных за убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, грабеж и разбой, находились: 163 977 человек, осужденных за ненасильственные (кража, мо-

⁶ Здесь и далее, если не оговорено иное, источник: ежегодники «Преступность и правонарушения. Статистический сборник» (М.: МВД РФ, МЮ РФ).

шенничество, присвоение) виды хищений, 49 951 человек, осужденных за преступления, связанные с наркотиками, 60 649 человек, осужденных за иные преступления⁷. Все ли они «заслужили» лишение свободы?

А суды разучились назначать эти «иные меры». Так, если в 1986–1991 гг. к исправительным работам приговаривались 22–26% осужденных, то в 1998–2005 гг. – 4,8 – 5,2%. К штрафу приговаривались в 1986–1987 гг. 16–17% осужденных, а в 1998–2003 гг. – 5,5–6,5%. И только в 2004–2005 гг. доля штрафов увеличилась до 9,9–10,3%. В результате если к реальному лишению свободы + с обязательным привлечением к труду + условно в 1986 г. было приговорено 49,2% всех осужденных, то в 2005 г. к реальному + условному лишению свободы суды приговорили 83,2% осужденных. И это в то время, когда в странах Западной Европы к лишению свободы приговаривается не более 20–40% осужденных, а в Японии – 3–5%...

Наполняемость пенитенциарных учреждений (и судьбы людей, их наполняющих...) зависит и от сроков лишения свободы. В сентябре 2005 г. в местах лишения свободы находились лица, осужденные: на срок до 1 года – в России – **1,2%**, в Австрии – 23,5%, в Дании – 42,1%, во Франции – 27,7%, в Нидерландах – 44,4%, в Норвегии – 42,7%; на срок от 1 до 3 лет – в России – 22%, в Австрии – 37,4%, в Дании – 27,8%, во Франции – 22,9%, в Нидерландах – 23,6%, в Норвегии – 27,4%; на срок от 3 до 10 лет – в России – **62%**, в Австрии – 28,7%, в Дании – 23,0%, во Франции – 26,4%, в Нидерландах – 23,7%, в Норвегии – 22,6%; на срок свыше 10 лет (включая пожизненное заключение) – в России – 14,8%, в Австрии – 10,5%, в Дании – 8,0%, во Франции – 19,3%, в Нидерландах – 5,0%, в Норвегии – 7,3%. И так, в России свыше **76,8%** осуждаются на срок свыше 3 лет (в Нидерландах, например, 24,2%).

И последнее. Каковы же возможные *последствия* нашей «победы» в гонке за мировое первенство по уровню заключенных (да и занятия любого «призового» места вообще)?

- Чем больше и на больший срок мы отправляем соотечественников в пенитенциарные учреждения, тем больше получим их «на выходе» – обозленных, с искалеченной психикой, вооруженных криминальной профессией. И, соответственно, «все опять повторится сначала», но на более опасном уровне.
- Чем больше людей проходит через «зону», тем сильнее и масштабнее «*призонизация*» («отюрьмовление») сознания и пове-

⁷ Council of Europe. Space I. L.c., p.35.

дения сограждан. Общество впитывает криминальную, тюремную субкультуру, когда она достаточно обширна. Отсюда, кстати, всенародная любовь к «блатным» песням. Отсюда же – жизнь «по понятиям» в быту, бизнесе, политике.

- Миллионы искалеченных «зоной» судеб виновников в краже велосипеда, банки огурцов, дюжины бутылок пива (это все реальные факты нашего «правосудия»), а также их родителей, супругов, детей.

Нам это надо? Может быть, пора перейти от *провозглашаемых* принципов справедливости и гуманизма (ст.ст. 6, 7 УК РФ) к реальному практицизму и целесообразности: во избежание *вредных для общества* последствий «сажать» надо минимально, в исключительных случаях, за действительно тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления. Лишение свободы – исключительная мера наказания в цивилизованном мире.

Да и условия отбывания этого наказания должны максимально гарантировать честь, достоинство, здоровье осужденных, по возможности *воспитывать* их, а не унижать (тоже ведь упомянуто в ст. 7 УК), морить голодом, издеваться над ними. Утопия? Да, в современной России. Нет, реальность, судя по тому, что автор лично видел в тюрьмах Германии, Ирландии, Финляндии, да и Венгрии с Польшей. Кстати говоря, США и по условиям отбывания наказания в тюрьмах – наш достойный соперник...

По состоянию на 1 сентября 2007 г. в учреждениях УИС содержалось 886,4 тыс. человек, в том числе в 766 исправительных колониях – 718,1 тыс., в 216 следственных изоляторах, 7 тюрьмах и 160 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, – 156,2 тыс. человек, в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 11,8 тыс. человек. В учреждениях содержится 63,7 тыс. осужденных женщин, при женских колониях имеется 11 домов ребенка, в которых проживает 732 ребенка.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 131 больница различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 57 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС входят также 2442 уголовно-исполнительные инспекции, в которых состоят на учете 591,2 тыс. человек, осужденных к наказанию, не связанным с лишением свободы.

Производственный потенциал УИС составляют 602 предприятия исправительных учреждений (в настоящее время 532 предприятия находятся в стадии ликвидации, на их базе создаются центры трудовой адаптации, производственные мастерские), 243 центра трудовой адаптации осужденных, 19 лечебно-, 17 учебно-производственных мастерских.

При исправительных и воспитательных колониях функционирует 300 вечерних общеобразовательных школ и 364 учебно-консультационных пункта, 338 профессионально-технических училищ, действуют 436 церквей, 741 молитвенная комната.

Штатная численность персонала УИС составляет 355,3 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 253,9 тыс. человек.

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 47 учреждений здравоохранения, в том числе 25 центров медицинской и социальной реабилитации, 13 больниц, 6 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют 5 высших учебных заведений (с 7 филиалами), в том числе Академия права и управления Минюста России, 2 юридических колледжа, 1 средняя специальная школа, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных и производственных технологий с филиалами в городах Иваново, Владимир, Челябинск, 2 кадетские школы-интерната: «Московский кадетский корпус юстиции» и «Симбирский кадетский корпус юстиции».

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание» и «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

За четыре года в 19 регионах страны возведено 20 новых режимных корпусов на 4901 человека, число мест в СИЗО возросло на 14 тыс. (причем количество мест в следственных изоляторах, отвечающих санитарной норме, увеличилось до 94,4%). За счет капитального ремонта и перепрофилирования бывших военных городков, неиспользуемых зданий и помещений в учреждениях УИС за три последних года открыто дополнительно 736 комнат для длительных свиданий; вместимость общежитий увеличена почти на 26 тыс., ПКТ-СИЗО – на 2,8 тыс., бань – на 2,3 тыс. мест, столовых – на 10,3 тыс. посадочных мест.

Преобладающее большинство исправительных учреждений (около 68%) не в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к учреждениям уголовно-исполнительной системы по нормам санитарной площади, бытовым, санитарно-гигиеническим условиям содержания осужденных. В них недостает 6,4 тыс. комнат длительных свиданий, более 19 тыс. мест в общежитиях, 9 тыс. мест в столовых.

По постановлению Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2006 г. № 540 была объявлена Федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)», рассчитанная на 10 лет. После ее выполнения возникнут условия для содержания подследственных и осужденных в соответствии с нормами законодательства Российской Федерации и создания предпосылок для перехода к европейским стандартам содержания подследственных. Для достижения этих целей предусматриваются строительство и реконструкция действующих следственных изоляторов и исправительных уч-

реждений, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации, а также сооружение следственных изоляторов, отвечающих требованиям международных стандартов. В программе предусматривается в течение первых трех лет завершить строительство 39 объектов, возводившихся в рамках Федеральной целевой программы «Реформирование уголовно-исполнительной системы на 2002–2006 годы», и уже в 2010 г. условия содержания заключенных в 96 следственных изоляторах и исправительных учреждениях будут приведены в соответствие с требованиями законодательства Российской Федерации. К тому же году должно быть построено 27 новых следственных изоляторов, отвечающих международным стандартам, в которых обустройство камер должно исходить из европейского стандарта – 7 кв. метров санитарной площади, приходящейся на одного подследственного. Программа носит ярко выраженный социальный характер. Ее реализация окажет влияние на различные стороны жизнедеятельности подследственных и осужденных, функционирование уголовно-исполнительной системы в целом. Объем государственных капитальных вложений, направляемых на реализацию программы, составляет около 73,5 млрд. рублей и почти в шесть раз превышает сумму финансирования Федеральной целевой программы «Реформирование уголовно-исполнительной системы на 2002–2006 годы». Эти средства будут использованы при строительстве и реконструкции 607 объектов. Для 568 объектов предстоит выполнить проектно-изыскательские работы.

В настоящее время в России насчитывается 165 колоний-поселений (КП) и более 70 участков колоний-поселений (УКП), созданных при исправительных колониях.

В 2006 г., несмотря на большое количество попыток побега (72 случая), в сравнении с 2005 г. число побегов из-под охраны уменьшилось на 29,4% (с 17 до 12 случаев), в том числе групповых – в 5 раз (с 10 до 2). Количество побегов из следственных изоляторов сократилось с 5 до 2, из воспитательных колоний – с 2 до 1, не допущено побегов из тюрем. Более чем вдвое (с 33 до 14) сократилось количество бежавших из-под охраны осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Умелыми действиями караулов и дежурных смен предотвращено 60 покушений на побег из-под охраны (в 2005 г. – 58). Положительная тенденция в обеспечении надежности охраны объектов УИС сохраняется и в 2007 г. Так, несмотря на рост (на 20%) количества попыток побега осужденных и лиц, содержащихся под стражей, за 3,5 месяца 2007 г. в сравнении с аналогичным периодом 2006 г. не допущено

увеличения их числа. Предотвращено 22 покушения на побег осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

В 2006 г. осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми совершен 371 суицид.

Последние пять лет относительное число женщин в общем числе осужденных нестабильно и вызывает тревогу: 1999 г. – 11,8%; 2000 г. – 13%; 2001 г. – 13,7%; 2002 г. – 13%; 2003 г. – 14,2%; 2004 г. – 12,9%; 2005 г. – 13,2%. На 1 октября 2006 г. число осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы, составило более 58 тыс., что в сравнении с аналогичным показателем 1998 г. на 50% больше.

Среди сотрудников пенитенциарной системы растет число женщин, доля их составляет 27% списочного состава. Среди рядового и младшего начальствующего персонала женщин – более 30%, а в следственных изоляторах и тюрьмах – 40%.

В 2007 г. максимальное количество заключенных, содержащихся в СИЗО, составляло 155,6 тыс. человек и превышало лимит наполнения на 7,1%. К 1 августа это число значительно снизилось и составляло 156 тыс. человек (100,5 % от лимита наполнения).

Тюремное население в странах мира (шестое издание)

Таблица 1

Африка

	Тюремное население в целом (включая досудебное содержание под стражей)	Дата	Население страны (млн)	Количество заключенных на 100 тыс. населения	Источник
Северная Африка					
Алжир	38 868	01/01/04	32,05	121	ГСИН ¹
Египет	ок. 80 000	1998	66	121	эксперт (Египет)
Ливия	11 790	31/07/04	5,7	207	ГСИН
Марокко	54 200	06/04	31,1	174	Доклад Марокканского комитета прав человека
Судан	ок. 12 000	03/03	33,2	ок. 36	ГСИН
Тунис	23 165	31/12/96	9,15	252	5-й Доклад ООН
Западная Африка					
Бенин	4961	30/09/00	6,1	81	ГСИН
Берег Слоновой Кости	10 355	08/03/02	16,6	62	ГСИН
Буркина-Фасо	2800	09/02	12,2	23	ГСИН
Гамбия	450	09/02	1,4	32	ГСИН
Гана	11 379	26/12/03	21,5	54	ГСИН
Гвинея (Конакри)	3 070	середина 2002	8,4	37	ГСИН
Мали	4 040	02/02	11,9	34	ГСИН
Мавритания	1 185	09/03	2,9	41	Доклад госдепа США

Международный центр тюремных исследований, www.prisonstudies.org

¹ Государственная служба исполнения наказаний.

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

	Тюремное население в целом (включая досудебное содержание под стражей)	Дата	Население страны (млн)	Количество заключенных на 100 тыс. населения	Источник
Нигер	ок. 6 000	середина 2002	11,6	ок. 52	ГСИН
Нигерия	39 153	29/02/04	126	31	ГСИН
О-ва Зеленого мыса	755	12/99	0,423	178	ГСИН
Сенегал	5360	09/02	9,9	54	ГСИН
Того	3200	08/03	4,9	65	Afrol News
Центральная Африка					
Ангола	6008	04/04/03	13,6	44	ГСИН
Дем. Республика Конго	ок. 30 000	01/04	52,8	ок. 57	эксперты (ДРК)
Камерун	20 000	06/03	16	125	ГСИН
Конго (Браззавиль)	918	1993	2,4	38	PRI ¹ , ГСИН
Сан-Томе-и-Присипе	130	04/02	165	79	
Центр.-Африканская Республика	4168	2001	3,8	110	ГСИН
Чад	3883	2002	8,4	46	ГСИН
Восточная Африка					
Бурунди	7914	2003	6,8	116	Минюст Бурунди
Джибути					
Замбия	384	16/12/99	0,629	61	МИД Джибути
Зимбабве	ок. 20 000	31/12/03	12,9	ок. 155	Доклад госдепа США
Кения	55 000	09/04	32,5	169	офис вице-президента Кении
Коморы	ок. 200	1998	0,658	ок. 30	эксперт, Коморы
Мадагаскар	ок. 19 000	2003	17,4	ок. 109	Минюст, Мадагаскар
Малави	8566	20/11/03	12,2	70	ГСИН
Маврикий	2565	04/03	1,2	214	ГСИН
Мозамбик	8812	31/12/99	17,6	50	ПР ООН
Руанда	112 000 ²	2002	8,1	–	ГСИН
Сейшельские о-ва	149	2003	0,08	186	Доклад госдепа США

¹ Международная тюремная реформа.

² Сюда включены 103 134 человека, задержанных по подозрению в участии в геноциде.

	Тюремное население в целом (включая досудебное содержание под стражей)	Дата	Население страны (млн)	Количество заключенных на 100 тыс. населения	Источник
Танзания	43 244	01/05/04	37,2	116	ГСИН
Уганда	ок. 21 900	05/02	24,7	ок. 89	ГСИН (15 902) + 6000 (в региональных тюрьмах)
Эфиопия	ок. 65 000	2003	70,7	ок. 92	эксперт, Эфиопия
О. Майот (Франция)	161	01/12/04	0,189	85	Минюст Франции
О. Реюньон (Франция)	1054	01/12/04	0,772	137	Минюст Франции
Южная Африка					
Ботсвана	6105	03/12/04	1,8	339	ГСИН
Лесото	3000	2002	2,1	143	ГСИН
Намибия	4814	31/12/01	1,8	267	ГСИН
Свазиленд	3245	31/12/02	1,0	324	ГСИН
ЮАР	186 739	31/08/04	45,2	413	ГСИН

Недоступны данные по Гвинее-Биссау, Либерии, Сьерра-Леоне (Западная Африка); Экваториальной Гвинее, Габону (Центральная Африка); Эритрее, Сомали (Восточная Африка).

Таблица 2

Северная, Центральная, Южная Америка

	Тюремное население в целом (включая досудебное содержание под стражей)	Дата	Население страны (млн)	Количество заключенных на 100 тыс. населения	Источник
Северная Америка					
Канада	36 389 ²	2002–2004	31,44	116	Канадская статистика

² Среднее количество заключенных ежедневно, включая малолетних правонарушителей.

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

	Тюремное население в целом (включая досудебное содержание под стражей)	Дата	Население страны (млн)	Количество заключенных на 100 тыс. населения	Источник
США	2 085 620	31/12/03	292,2	714	Бюро правовой статистики США
Бермудские о-ва (Великобритания)	343	11/11/03	0,0645	532	ГСИН
Гренландия (Дания)	107	05/10/04	0,0564	190	ГСИН
Центральная Америка					
Белиз	1074	2003	0,256	420	Доклад госдепа США
Гватемала	8307	02/03	12,2	68	PRI
Гондурас	11 236	2004	7,1	158	Ассоциация коррекции и тюрем
Коста-Рика	7619	11/04	4,3	177	Минюст Коста-Рики
Мексика	191 890	28/11/04	105,5	182	ГСИН
Никарагуа	12 117	31/10/04	5,6	100	ГСИН (искл. задержанных в полицейских участках)
Панама	10 630	03/03	3,0	356	эксперт, Панама
Сальвадор	12 117	2004	6,6	184	Ассоциация коррекции и тюрем
Карибские острова					
Антигуа и Барбуда	184	24/1/05	0,068	269	ГСИН
Багамские о-ва	1280	10/02	0,312	410	ГСИН
Барбадос	992	11/11/03	0,270	367	ГСИН
Гаити	3519	2003	8,3	42	ГСИН (искл. задержанных в полицейских участках)
Гренада	237	22/02/05	0,089	265	ГСИН
о. Доминика	243	31/12/03	0,072	337	Доклад госдепа США
Доминиканская Республика	13 836	28/04/04	8,8	157	ГСИН

	Тюремное население в целом (включая досудебное содержание под стражей)	Дата	Население страны (млн)	Количество заключенных на 100 тыс. населения	Источник
Куба	ок. 55 000	2003	11,3	ок. 487	Нильс Кристи, Университет Осло
Сент-Китс и Невис	195	09/03	0,047	415	Доклад госдепа США
Сент-Лусия	460	08/03	0,160	287	Доклад госдепа США
Сент-Винсент и Гренадины	397	01/02/05	0,117	339	ГСИН
Тринидад-и-Тобаго	3991	10/03	1,3	307	ГСИН
Ямайка	4744	18/11/03	2,7	176	ГСИН
Аруба (Нидерланды)	231	21/01/05	0,071	324	ГСИН
Виргинские о-ва (Великобритания)	43	19/08/99	0,02	215	координатор PRI
Виргинские о-ва (США)	559	31/12/03	0,114	490	Бюро правовой статистики США
Гваделупа (Франция)	767	01/12/04	0,444	173	Минюст Франции
Каймановы о-ва (Великобритания)	187	17/12/04	0,043	429	ГСИН
Мартиника (Франция)	671	01/12/04	0,396	169	Минюст Франции
Нидерландские Антильские о-ва	780	11/98	0,214	364	Датская ГСИН
Пуэрто-Рико (США)	15 046	31/12/03	3,9	386	Бюро правовой статистики США
Южная Америка					
Аргентина	56 313	31/12/02	38,5	148	Тюремная статистическая система SNEEP
Боливия	6768	12/03	8,9	76	ГСИН
Бразилия	330 642	06/04	180,7	183	ГСИН
Венесуэла	21 342	08/07/03	25,7	83	ГСИН
Гайана	1 295	01/05	0,768	169	ГСИН
Колумбия	68 545	10/04	45,2	152	ГСИН

	Тюремное население в целом (включая досудебное содержание под стражей)	Дата	Население страны (млн)	Количество заключенных на 100 тыс. населения	Источник
Парагвай	4088	1999	5,48	75	ILANUD ¹ , от ГСИН
Перу	32 129	10/04	28,1	114	ГСИН
Суринам	1933	30/06/99	0,442	437	ILANUD, ГСИН, др.
Уругвай	7100	09/03	3,4	209	эксперт, Уругвай
Чили	33 098	30/06/02	15,6	212	ГСИН через ILANUD
Эквадор	13 045	2003	13	100	ГСИН
Гвиана (Франция)	691	01/12/04	0,193	358	Минюст Франции

Таблица 3

Азия

	Тюремное население в целом (включая досудебное содержание под стражей)	Дата	Население страны (млн)	Количество заключенных на 100 тыс. населения	Источник
Передняя Азия					
Бахрейн	911	31/12/97	0,589	155	6 доклад ООН
Израиль	13 603	06/09/04	209		ГСИН
Иордан	5448	02/02	5,15	106	PRI
Ирак	ок. 15 000	04/04	25,2	ок. 60	«Вашингтон таймс», США
Йемен	14 000	1998	16,9	83	PRI, 1998
Катар	570	2000	0,599	95	7 доклад ООН
Кувейт	ок. 3700	2003	2,5	ок. 148	доклад госдепа США
Ливан	5375	12/11/04	3,7	145	ГСИН
ОАЭ	ок. 6000	12/98	2,4	ок. 250	эксперты, ОАЭ
Оман	2020	2000	2,5	81	7 доклад ООН
Саудовская Аравия	23 720	2000	21,6	110	7 доклад ООН
Сирия	14 000	1997	15,0	93	доклад на конференции, 1998
Центральная Азия					
Казахстан	58 300	31/08/03	15,1	386	PRI, Алматы

¹ Латиноамериканский институт ООН.

	Тюремное население в целом (включая досудебное содержание под стражей)	Дата	Население страны (млн)	Количество заключенных на 100 тыс. населения	Источник
Киргизстан	19 500	03/02	5,0	390	ГСИН
Таджикистан	ок. 10 000	09/03	6,3	ок. 159	эксперт, Таджикистан
Туркменистан	ок. 48 000	10/00	4,5	ок. 489	ВВС, Интерфакс
Узбекистан	48 000	08/03	26,1	184	ГСИН
Южная Центральная Азия					
Бангладеш	74 170	05/04	149,5	50	ГСИН
Индия	313 635	2003	1065,5	29	Национальная комиссия по правам человека
Иран	133 658	07/04	69,0	194	ГСИН
Мальдивские о-ва	1098	1996	0,265	414*	Миниуст Мальдивы
Непал	7132	2002	24,2	29	PRI
Пакистан	86 000	2004	157,3	55	эксперт, Пакистан
Шри-Ланка	20 975	31/12/03	19,5	110	ГСИН, АТК ¹
Юго-Восточная Азия					
Бруней	463	2004	0,366	127	– “ –
Восточный Тимор	ок. 320	01/02/03	0,778	41	Доклад комиссара по правам человека ООН
Вьетнам	55 000	1998	77,6	71	ГСИН, Тихоокеанская конференция
Индонезия	84 357	09/03	219,9	38	– “ –
Камбоджа	6778	2004	14,5	47	– “ –
Малайзия	43 424	2004	24,9	174	– “ –
Мьянма	ок. 60 000	2004	50,1	ок. 120	ГСИН
Сингапур	16 835	2004	4,3	392**	ГСИН, АТК
Таиланд	168 264	31/12/04	63,85	264	
Филиппины	70 383	1999	74,5	94	эксперт, Филиппины
Дальний Восток					
Китай	1 548 498	12/03	1 308,7	118*	ГСИН, АТК
Корея (Южная)	57 902	30/06/04	48	121	– “ –
Монголия	6 400	2004	2,6	246	– “ –

* Только осужденные.

¹ Ежегодная Азиатско-Тихоокеанская конференция.

** Не включены находящиеся в реабилитационных наркоцентрах, также управляемых Сингапурской системой исполнения наказания.

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

	Тюремное население в целом (включая досудебное содержание под стражей)	Дата	Население страны (млн)	Количество заключенных на 100 тыс. населения	Источник
Тайвань	57 037	11/04	22,7	251	ГСИН
Япония	73 734	01/01/04	127,8	58	ГСИН, АТК
Гонконг (Китай)	13 226	30/06/04	7,0	189	ГСИН
Макао (Китай)	875	30/06/04	0,445	197	АТК

Недоступны данные по Афганистану, Бутану (Южная Центральная Азия); Лаосу (Юго-Восточная Азия); КНДР (Восточная Азия).

Таблица 4

Европа

	Тюремное население в целом (включая досудебное содержание под стражей)	Дата	Население страны (млн)	Количество заключенных на 100 тыс. населения	Источник
Северная Европа					
Великобритания					ГСИН
– Англия и Уэльс	75 320	25/02/05	53,02	142	ГСИН
– Северная Ирландия	1275	24/02/05	1,78	72	ГСИН
– Шотландия	6742	25/02/05	5,11	132	ГСИН
Дания	3774	05/10/	5,41	70	ГСИН
Ирландия	3417	30/09/04	4,03	85	ГСИН
Исландия	115	01/09/04	0,292	39	ГСИН
Латвия	7796	01/01/05	2,31	337	ГСИН
Литва	8063	01/01/04	3,45	234	ГСИН
Норвегия	2975	01/09/04	4,6	65	ГСИН
Финляндия	3719	15/04/04	5,22	71	ГСИН
Швеция	6755	01/10/03	8,96	75	ГСИН
Эстония	4571	01/04/04	1,35	339	ГСИН
Гернси (Великобритания)	107	02/12/04	0,065	164	ГСИН

	Тюремное население в целом (включая досудебное содержание под стражей)	Дата	Население страны (млн)	Количество заключенных на 100 тыс. населения	Источник
Джерси (Великобритания)	168	26/11/04	0,090	185	ГСИН
О. Мэн (Великобритания)	62	24/11/04	0,075	83	ГСИН
Фарерские о-ва (Дания)	14	05/10/04	0,047	30	ГСИН
Южная Европа					
Албания	3778	11/03	3,6	105	ГСИН
Андорра	61	01/09/03	0,068	90	ЕПС СЕ ¹
Босния и Герцеговина					
– Федерация	1509	31/01/05	2,6	58	Минюст
– Республика Сербская	1052	31/12/04	1,4	75	Минюст
Греция	8760	16/12/04	10,65	82	ГСИН
Испания	59 899	18/02/05	42,93	140	ГСИН
Италия*	57 046	30/06/04	58,17	98	ГСИН
Македония	1598	01/09/03	2,06	78	ЕПС СЕ
Мальта	278	01/09/03	0,388	72	ЕПС ЕС
Португалия	13 498	01/12/04	10,54	128	ГСИН
Сербия и Черногория					
– Сербия	7487	01/09/03	8,1	92	ЕПС ЕС
– Черногория	734	01/09/03	0,68	108	ЕПС СЕ
– Косово	1182	07/03	1,9	62	Статистическая служба Косова
Словения	1129	24/02/05	2,0	56	ГСИН
Хорватия	3010	30/06/04	4,44	68	ГСИН
Гибралтар (Великобритания)					
	19	17/12/04	0,028	68	ГСИН
Западная Европа					
Австрия	8700	01/02/05	8,18	106	ГСИН
Бельгия	9245	01/03/04	10,5	88	ГСИН
Германия	79329	31/08/04	82,6	96	минюст
Лихтенштейн**	18	01/09/03	0,034	53	ЕПС СЕ
Люксембург	655	16/02/05	0,455	144	ГСИН

¹ Ежегодник пенитенциарной статистики Совета Европы.

* По соглашению с Италией, осужденные Сан-Марино и Ватикана содержатся в итальянских тюрьмах.

** По соглашению с Австрией, некоторые осужденные Лихтенштейна содержатся в австрийских тюрьмах.

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

	Тюремное население в целом (включая досудебное содержание под стражей)	Дата	Население страны (млн)	Количество заключенных на 100 тыс. населения	Источник
Монако***	13	10/98	0,033	39	инф. Пьера Турнье
Нидерланды	19 999	01/07/04	16,32	123	ГСИН
Франция	55 028	01/12/04	60,14****	91	Минюст
Швейцария	6021	01/09/04	7,39	81	Федеральная статистическая служба
Европа/Азия					
Азербайджан	16 345	01/09/03	8,24	198	ЕПС СЕ
Армения	2866	01/04/04	3,21	92	ГСИН
Грузия	7091	18/08/04	4,3	165	РRI
Кипр (без Северного Кипра)	355	01/09/03	0,709	50	ГСИН
Российская Федерация	763 054	01/01/05	143,3	532	ГСИН
Турция	67 772	03/04	71,43	95	ГСИН
Центральная и Восточная Европа					
Беларусь	52 500	2003	9,87	532	МВД
Болгария	11 060	01/02/05	7,76	143	ГСИН
Венгрия	16 700	20/11/03	10,11	165	ГСИН
Молдова (без Приднестровья)	10 729	01/09/03	3,61	297	ЕПС ЕС
Польша	79 087	31/10/04	38,17	209	ГСИН
Румыния	39,015	11/01/05	21,65	180	ГСИН
Словакия	8891	08/01/04	5,38	165	ГСИН
Украина	198 386	01/09/03	47,7	184	ГСИН
Чехия	18 830	31/01/05	10,22	184	ГСИН

*** По соглашению с Францией, некоторые осужденные Монако содержатся во французских тюрьмах.

**** Без учета владений Франции в Африке, Америке и Океании.

Таблица 5

Океания

	Тюремное население в целом (включая досудебное содержание под стражей)	Дата	Население страны (млн)	Количество заключенных на 100 тыс. населения	Источник
Австралия	23 362	2004	19,9	117	ГСИН, АТК
Вануату	93	2003	0,212	44	ГСИН, АТК
Кирибати	81	2004	0,101	80	ГСИН, АТК
Маршалловы о-ва	23	1994	0,052	44	5 Доклад ООН
Микронезия	39	1997	0,114	34	Статистический ежегодник Микронезии
Науру	6	02/03	0,012	48	«Великий независимый о-в», США
Новая Зеландия	6802	2004	4,06	168	ГСИН, АТК
Палау	103	19/02/03	0,02	523	Минюст
Папуа – Новая Гвинея	3302	2002	5,0	66	ГСИН, АТК
Самоа	281	12/11/03	0,178	158	ГСИН
Соломоновы о-ва	275	2004	0,491	56	ГСИН, АТК
Тонга	116	2004	0,110	105	ГСИН, АТК
Тувалу	6	2000	0,011	56	ГСИН, АТК
Фиджи	1083	2004	0,847	128	ГСИН, АТК
Восточное Самоа (США)	174	31/12/03	0,058	301	Бюро правовой статистики США
Гуам (США)	579	31/12/03	0,164	353	Бюро правовой статистики США
Кука о-ва (Новая Зеландия)	19	2003	0,021	90	ГСИН, АТК
Новая Каледония (Франция)	286	01/12/04	0,235	132	Минюст Франции
Сев. Марианские о-ва (США)	136	31/12/03	0,078	173	Минюст Франции
Французская Полинезия (Франция)	327	01/12/04	0,250	131	Минюст Франции

Василий Малинин

Чтобы сильные были не сильнее слабых

До настоящего времени при учреждениях системы исполнения наказаний функционировали государственные унитарные предприятия (ГУПы). Сейчас ГУПы ликвидируются, и на базе имущественного комплекса этих предприятий создаются центры трудовой адаптации осужденных, учебные или лечебные производственные мастерские.

Государственные унитарные предприятия имели статус юридического лица и имели право осуществлять хозяйственную деятельность (непосредственно заключать договора с предприятиями, фирмами, иметь лицевой счет, рассчитываться за получаемые материалы и получать прибыль за продаваемую продукцию).

Центр трудовой адаптации – это производственная единица, структурное подразделение учреждения, исполняющего наказание, но не имеющего статуса юридического лица.

К сожалению, эти преобразования не предусматривают льгот по налогам, внебюджетная деятельность подпадает под Налоговый кодекс, в частности под налог на прибыль. Однако производство всегда тесно связано с экономическими составляющими – рентабельностью, прибылью, ценой изделия и прочим. Но теперь эти показатели не будут фигурировать в рейтинге.

Конечно, работали далеко не все колонии, но были в системе УИС и такие, как, например, 7-я колония Новгородской области. Здесь, в «семерке», каждый метр территории организован с тщательностью, старанием, вкусом. Здесь есть пасека, фруктовые деревья, разные забавные скульптуры, выполненные заключенными из дерева. Бывший начальник этой колонии В.С. Карагодин рассказывает:

В.Б. Малинин – доктор юридических наук, профессор ВАК по кафедре уголовно-исполнительного права, профессор Межрегионального института экономики и права, г. Санкт-Петербург.

– Страшно вспоминать, что здесь тогда было. Территория промышленной зоны, которую мы отгородили от домостроительного комбината, подсобного хозяйства и казармы роты охраны, напоминала большую свалку. Глядя на всю эту разруху, я про себя думал: если мы сами все не приведем в порядок, не наладим производство, то пропадем, и никто нам не поможет...¹

Карагодин справедливо полагал, что без эффективно работающего предприятия при плохом бюджетном финансировании колония не сможет нормально функционировать.

Он нашел деловых партнеров, установил контакты с новгородскими предприятиями. В колонии стали выпускать комплектующие для фотоаппаратов и фотоприборов, детали для трубопроводной арматуры. Значительную часть прибыли направляли на создание собственного производства по глубокой переработке древесины.

Закупили три пилорамы. Красногорский завод помог приобрести в Германии элинг, в котором их разместили, чтобы они не мокли под дождем. Занялись лесом, для его заготовки и вывоза всевозможными путями обзаводились необходимой техникой. Был создан участок по изготовлению сувенирных изделий, товаров народного потребления и оказания платных услуг населению; организовали участок по изготовлению бревенчатых срубов, ввели в строй деревообрабатывающий цех. Производство организовано таким образом, что в дело идут даже опилки, а оборудование используется круглосуточно, в три смены. Мебель, изготовленная мастерами колонии, отличается хорошим качеством и пользуется большим спросом. Часть готовой продукции реализуется в двух магазинах учреждения, которые работают с прибылью.

Помимо лесопереработки начали развивать швейное, обувное производство. Шьют форменную одежду, нижнее белье – не только для своих нужд, но и для армии.

Кстати, а почему бы не поручить государственный заказ на изготовление многих вещей, необходимых для армии ФСИН России?

Отдельный разговор – подсобное хозяйство колонии № 7. Оно одно из лучших в УИС Новгородской области. Поначалу Карагодин хотел его специализировать на разведении крупного рогатого скота. Договорились с ближайшим колхозом на аренду скотного двора. Начали там разводить телок и бычков. Но ожидаемого эффекта это не принесло, очень дорого обходились корма. Поэтому вместо коров за-

¹ Интервью с начальником ИК-7 Новгородской области В.С. Карагодиным // Преступление и наказание. 2007. № 1. С. 27.

вели свиней. Построили свиарник на четыреста голов животных. Обзавелись птичником на пять тысяч кур. Организовали колбасный цех, в котором для сотрудников делают колбасы, копчености, фарш и прочее. Еще имеется большая теплица. Подсобное хозяйство круглый год обеспечивает столовую учреждения зеленью и мясом.

Кроме подсобного хозяйства, задачу самообеспечения учреждения продуктами питания в ИК-7 решают собственные хлебопекарня и участок по производству макаронных изделий.

Развивая производство, не забывал Карагодин и о социальной сфере. С помощью красногорского завода удалось наладить строительство жилья. На средства, предоставленные предприятием, на берегу Волхова возвели гостиницу для проживания заводских специалистов, командированных в колонию.

– Когда появились свободные средства, – говорит Владимир Степанович, – я решил их направить на строительство жилья для сотрудников, причем не типового, многоэтажного, а коттеджей. Нашли площадку под застройку, все согласовали в ведающих вопросах строительства инстанциях. К нам тоже в качестве застройщиков присоединились другие организации – речной порт и завод стекловолокна, также решившие заняться сооружением коттеджей для своего персонала. Мы сделали планировку, заложили фундаменты под тридцать коттеджей. Проект домов заказали в Питере с учетом особенностей влажного и холодного климата Северо-Западного региона. Строили коттеджи трехуровневого типа: внизу гараж, дальше – первый этаж, затем – второй, а на третьем еще и мансарда.

По проекту должны были построить 35 коттеджей, а построили только 5, а потом грянула реформа...²

Очень серьезно помогает В.С. Карагодин не только своим сотрудникам, но и сторонним организациям. Хотя, конечно, вряд ли «чужими» следует считать детский садик, школу, больницу, православный храм...

Разумеется, далеко не все ГУПы работали столь успешно, в целом они задолжали бюджету много миллионов рублей. И руководители ФСИН решили, что для их системы рыночная конкуренция неприемлема, главное для пенитенциарной системы – выполнение рекомендаций Совета Европы о том, что производственная деятельность в местах лишения свободы не может преследовать своей целью получение прибыли, а должна способствовать исправлению осужденных³.

² Там же. С. 29.

³ См.: Интервью с начальником Финансово-экономического управления ФСИН России Ю.Ю. Кузнецовым // Преступление и наказание. 2007. № 1. С. 3.

Владимир Степанович Карагодин пока не знает, что из этого получится на практике:

– Меня лично беспокоит одно – сохранится ли возможность что-то делать для людей, когда предприятие зарабатывает как центр трудовой адаптации? Ведь все деньги будут находиться на едином счете в казначействе и расходоваться по определенным статьям и кодам. Между тем статьи и коды, скажем, для поощрения ветеранов, приобретения подарков детям сотрудников к Новому году и многое-многое другое в смете исправительного учреждения, насколько я знаю, не предусмотрено⁴.

Владимир Степанович прав на 100%. Невозможно загодя предусмотреть все расходы и на производственную деятельность и включить их в годовую смету.

После реорганизации руководство ФСИН предлагает взять средства у успешно работающих предприятий и использовать их для погашения долгов более слабым.

Не напоминает ли это картину ушедших времен советского периода, когда, к примеру, чтобы выполнить любой ценой план одного предприятия, забирали средства у более сильного?

На этот вопрос начальник УФСИН Республики Марий Эл М. А. Айрян отвечает так:

– Параллель, конечно, весьма относительная. Сейчас не то время, не те условия. Но, думаю, руководители и коллективы эффективно действующих предприятий, у которых возьмут часть средств, вряд ли будут довольны таким решением. Они вкладывали силы, знания, средства, живая, как говорится, добро, и вдруг приходит чужой «дядька» и его забирает. А с другой стороны, в чем виноваты более слабые предприятия, оказавшиеся в таком положении и вынужденные функционировать в сложных условиях?⁵

У ГУПа был свой счет, предприятие могло самостоятельно распоряжаться полученной прибылью. А теперь финансовые операции будут осуществляться через казначейство. Все виды производственной деятельности должны быть зафиксированы в генеральном разрешении, и если что-то там не записали, то этим невозможно будет заниматься.

ГУП имел возможность самостоятельно выбирать себе партнера, быстро менять его, если он по каким-то причинам не выполнил условия

⁴ Там же. С. 33 – 34.

⁵ Кабакин. В., Васильева А. Не числом, а знаниями и умением. Интервью с начальником УФСН Республики Марий Эл Айряном М. А. // Преступление и наказание. 2007. № 2.

договора, немедленно переходить на выпуск иной продукции в зависимости от рыночной конъюнктуры. Теперь этот вопрос усложнится.

Если раньше предприятия могли оперативно реагировать на рыночные изменения, то сейчас колониальное производство как бы выпадает из рыночной экономики.

К примеру, колонии необходим металл для осуществления деятельности центра трудовой адаптации, администрация обязана объявить торги. По закону эта процедура занимает примерно два месяца, предназначенных на поиск поставщика и приобретение необходимого сырья. Для центра трудовой адаптации это практически невозможно.

Как признают сами организаторы реформы, «к тому же еще не до конца определено, как будут строиться взаиморасчеты между бюджетными и внебюджетными секторами учреждений. Ведь все расчеты будут осуществляться через казначейство. Раньше предприятие как самостоятельное юридическое лицо имело свой счет в том или ином банке и в праве было распоряжаться деньгами, полученными от производственной деятельности. Сейчас у учреждения будет внебюджетный счет в казначействе, и наверняка возникнут определенные трудности, в частности, в том плане, что сама производственно-хозяйственная деятельность предполагает оперативное проведение взаиморасчетов между сторонами (чего, естественно, не будет. – В.М.)»⁶.

Практически реорганизация ГУПов в центры трудовой адаптации приведет к тому, что вместо самоокупаемости колоний (а в советское время Министерство внутренних дел за счет системы исправительных учреждений по доходности занимало 4-е место среди всех промышленных министерств страны)⁷ система УИС полностью будет финансироваться из бюджета государства, что скорее всего будет означать развал трудовой деятельности исправительных учреждений.

Как криминолог предвижу еще одну опасность. Для заключения договоров с предприятиями и фирмами администрации исправительных учреждений придется согласовывать этот вопрос с аппаратом УФСИН и финансовым казначейством. А это неизбежно приведет не только к невозможности оперативно реагировать на рыночные изменения, но и к коррупции в этих органах.

⁶ Из интервью с начальником Управления трудовой адаптации осужденных ФСИН России А.Г. Матвеевым // Преступление и наказание. 2006. № 11. С. 11.

⁷ См.: Интервью с начальником центра научно-производственного объединения (комплекса) ГУИН МВД России // Российская газета, 8 июля 1995.

Тотален ли тюремный антагонизм?

Особое место в сложной системе социально-психологических зависимостей занимает психолог в тюрьме. В его функциональные обязанности входит требование руководствоваться принципами законности, гуманизма, толерантности, равенства перед законом. Кроме того, психологу требуется профессиональное умение индивидуального подхода к каждому сотруднику УИС и к каждому осужденному. Психолог должен охранять права и свободы каждой стороны, обеспечивать законность применения средств психологического воздействия, правовую защиту, личную безопасность каждого. При этом тюремный психолог должен соблюдать законность, содействовать дисциплине сотрудников и осужденных¹ и оказывать им психологическую поддержку.

Положения и должностные инструкции для учреждений УИС часто обращены одновременно как к сотрудникам, так и к осужденным. Реально эти люди вынуждены взаимодействовать в жестко установленных правилах. Условия взаимодействия определяют специфику диспозиций сотрудников УИС и осужденных.

В тюрьме особое значение обретают установленные порядки, правила.

Правило – принцип, служащий руководством в чем-либо; норма поведения, принятый образ действий. Правила определяют как позиции, так и диспозиции людей в их взаимодействиях.

Диспозиция – противоположная позиция, которая несет в себе отрицание, отчуждение. Сама приставка *ди-* сообщает понятию «позиция» смысл противостояния.

¹ Перечень обязанностей составлен по материалам предписаний, рекомендаций и должностных инструкций для психологов УИС.

Безусловно трудно себе представить единство позиций у сотрудников УИС и осужденных. Для них психологически понятны отношения диспозиций. Однако сама нормативно устанавливаемая ситуация требует от обеих сторон толерантности и довлеет над их диспозициями.

В этих условиях *несогласие* в чем-либо осужденных обычно не вырастает до *неподчинения*: в противном случае их ждут репрессивные меры со стороны сотрудников УИС. Здесь речь не идет о толерантности, но о внешней дисциплине и вынужденном послушании.

Однако в самих диспозиционных отношениях заложены деструктивные тенденции, на что давно указывали исследователи. Особенно наглядно это продемонстрировал стенфордский тюремный эксперимент². Автор эксперимента – Филипп Дж. Зимбардо со своей командой разработал концепцию и сценарий проведения исследования – были продуманы условия проведения эксперимента и правила поведения «надзирателей» и «заклученных».

Все испытуемые (это были студенты университета) подписали документ, в котором подтверждали, что предупреждены и согласились на то, что, если они будут исполнять роль заключенных, некоторые из их гражданских прав будут нарушены.

«Надзиратели» должны были адаптироваться к роли господствующей персоны, обладающей властью над заключенными и неукоснительно осуществляющей надзор.

Встречи участников двух групп в первый день были отмечены ощущением неловкости. Однако на второй день ситуация кардинально изменилась – несколько «заклученных» склонили остальных к бунту против принудительных правил и ограничений. Согласно сценарию руководителя эксперимента «надзиратели» должны были справиться с этими нарушениями порядка.

В противостояниях, которые носили непосредственный характер, естественно сформировалась неприязнь «тюремщиков» к «заклученным». «Надзиратели» изменились до неузнаваемости. Они наказывали «заклученных»: раздевали догола, держали в карцере в течение многих часов, заставляли делать отжимания, прыжки и другие бессмысленные действия. Наибольшую степень садизма «надзиратели» проявляли, заставляя «заклученных» просыпаться по несколько раз за ночь для «перекличек», оскорбляя беззащитных людей, манипулируя ими как игрушками. Именно в ночную смену «надзиратели» издева-

² Зимбардо Ф.-Дж. Стэнфордский тюремный эксперимент // Эксперименты и жизнь. СПб., 2007. С. 4–23.

лись наиболее жестоко: они полагали, что за ними никто не следит. «Надзиратели» использовали приемы психологического воздействия для того, чтобы разобщить бунтовщиков и подчинить их себе. Они организовали «привилегированную камеру», где более лояльные могли получить хорошую еду и нормальную постель. «Такая тактика дала незамедлительный эффект, выразившийся в том, что у заключенных возникли подозрительность и недоверие друг к другу»³.

Исследователи пришли к выводу, что экстремальные ситуации и люди без явных отклонений и аберраций⁴ зачастую являются корнем проблем коллективного зла, социальных патологий и различных дисфункций общества⁵. Я бы здесь позволила себе выразить мнение: среди нас, людей, нет среднестатистически предполагаемой нормы – человеческая норма как раз и состоит в допустимых пределах аберраций.

Наблюдения за студентами, прошедшими специальный отбор и диагностированными как люди без выраженных отклонений, показали следующее.

С каждым днем в поведении «надзирателей» увеличивалась агрессивность. Они подавляли, унижали и негуманно относились к «заключенным». Они злоупотребляли своим положением.

Организаторы тюремного эксперимента были вынуждены напоминать «надзирателям» о том, что они должны воздерживаться от злоупотреблений.

Результат эксперимента оказался неожиданным. Через 36 часов после ареста пришлось освободить первого «заключенного». Его поведение стало на грань патологии.

После этого события некоторые «заключенные», забыв об экспериментальной условной ситуации, решили стать дисциплинированными и соблюдать правила, «следуя тюремным процедурам с покорностью зомби».

Ф.-Дж. Зимбардо отмечал, что «под давлением вынужденного подчинения общим нормам были нивелированы индивидуальные особенности каждого»⁶. Многие «заключенные» притворялись безумными, чтобы освободиться досрочно.

Ситуация была так накалена, что *эксперимент был прекращен через шесть дней* вместо запланированного двухнедельного исследования.

³ Там же. С. 8.

⁴ Аберрация – здесь: личностные отклонения.

⁵ Хэйни К. СТЭ и анализ социальных институтов // Эксперименты и жизнь. СПб., 2007. С. 32.

⁶ Там же. С. 32.

Ф.-Дж. Зимбардо как исследователь пристально изучал различные сочетания дегуманизирующих и деиндивидуализирующих социальных условий. В эксперименте было санкционирование власти в конкретных условиях социально-психологического контекста. Эти условия радикально изменяли личностные установки, продуцируя агрессивное поведение, исходящее из жестко установленных правил, регулируемых обществом⁷.

Ф.-Дж. Зимбардо создал условия для того, чтобы испытуемые все-рез приняли те роли, которые им достались по принципу случайного выбора. При этом он смог показать, насколько сильно может подчинить личность и изменить поведение даже условная лабораторная ситуация.

Не буду оценивать этический аспект СТЭ и обсуждать те стрессы, которые пережили «заклученные» и «надзиратели». Ф.-Дж. Зимбардо был их профессором, а они – его студентами, которые прошли конкурсный отбор для участия в эксперименте. Кроме того, «надзирателей» жестко инструктировали, а «заклученных» подкупали и провоцировали на доносительство. Здесь были созданы особые реальные социальные условия, которые определили реакции студентов на ситуацию эксперимента: помимо жестко установленных правил, регулируемых обществом, здесь присутствовал еще и авторитетный профессор, который ожидал определенного поведения от «надзирателей». Установки и ожидания профессора идеально воздействовали на участников эксперимента. Вначале он волновался, будут ли «надзиратели» и «заклученные» серьезно относиться к заданию или они будут переводить все в игру⁸. Однако если поразмыслить серьезно, то исследователю можно было не беспокоиться: ведь в проективной ситуации, заложенной в эксперименте, возникали реальные оппозиционные отношения молодых непосредственных в проявлении своих чувств людей.

Удался ли эксперимент? Исследователь получил желаемые результаты, извлек из них 10 уроков и оповестил об этом мир.

Выводы, которые сделал Ф.-Дж. Зимбардо, опираясь на результаты своего кратковременного эксперимента, реально должны касаться молодых людей поставленных в проективную ситуацию тюремных условий. Однако ученый зашел за пределы исследования и позволил себе писать о самой тюрьме как о социальном институте.

Ф.-Дж. Зимбардо писал: «Тюрьма – это место, где попираются принципы гуманности, разрушается благородство человеческой природы

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Там же. С. 14.

и подвергаются деградации социальные отношения среди людей. Они пагубно сказываются как на надзирателях, так и на заключенных, оказывая деструктивное воздействие на самооценку, чувство справедливости и человеческое сострадание. Они созданы с целью изоляции человека от других людей и даже самого себя. Нет ничего хуже для здоровья личности или общества, чем миллионы людей, лишенных социальной поддержки, социальной значимости или социальных связей со своей семьей. Тюрьма – это провалившийся социально-политический эксперимент»⁹. Это декларативное заявление Ф.-Дж. Зимбардо не вытекает из его стенфордского тюремного эксперимента: ведь истинная тюрьма – место заключения преступников или подсудимых. В эксперименте участвовали студенты, но не преступники. Однако, безусловно, тюрьма – тотальное ограничение естественных человеческих потребностей, она неумолимо депривирует психику и разрушает позитивное начало в человеке.

В то же время Ф.-Дж. Зимбардо обнаружил феноменологическую сущность так называемых тотальных ситуаций, «которые могут произвести такие трансформации человеческой природы, что наше мнение о стабильности и постоянстве личности, характера и модальных уровней человека может быть поставлено под вопрос».

Исследователь выразил уверенность в том, что «хороших людей можно заставить, соблазнить, склонить к плохому (иррациональному, глупому, саморазрушающему, антисоциальному) поведению, погрузив их в тотальные ситуации»¹⁰. Проводя экскурс в историю нацистских концентрационных лагерей, в историю разрушительных сект и террористических групп, Ф.-Дж. Зимбардо пришел к выводу о том, что «любой поступок, когда-либо совершенный каким-либо человеком, каким бы ужасным он ни был, может быть совершен любым из нас под тем или иным давлением ситуации»¹¹.

История знает массу примеров, когда «обычные люди» совершали зверства под влиянием условий, в которых они оказывались. Но история знает и массу примеров, когда обычные люди противостояли условиям концлагерей и лагерей, которые создавались для уничтожения человеческой сущности в человеке¹². История знает массу приме-

⁹ *Browning K.* Обычные люди. 1992.

¹⁰ *Мухина В.С.* Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. № 3, 2002. С. 51–60; № 4, 2002; С. 100–114; все последующие номера вплоть до № 4, 2007.

¹¹ *Фуко М.* Ненормальные. СПб., 2005; *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 376.

¹² Там же. С. 387.

ров, когда конкретный человек утверждал свою личность в, казалось бы, невыносимых ситуациях. Чем выше духовность – тем устойчивее человек к «тотальным ситуациям».

Ф.-Дж. Зимбардо писал: «Мы отобрали хороших людей, случайным образом дали им роли надзирателей или заключенных и провели наблюдение того, как они менялись к худшему, пребывая день за днем в порочном месте».

Однако эксперимент не был корректен: молодые люди, попав в ситуацию проективного эксперимента, были естественным образом втянуты в реальные отношения при неравных возможностях оппонирования и оппозиционирования.

Эксперимент проходил столь короткое время, что период адаптации к заданной экстремальной ситуации (условия изоляции; пребывание на добровольных началах в условиях системы уголовного наказания; строгий режим; бедность предметного мира; специфические формы общения со стороны «надзирателей», выходящие за рамки уставных нормативных правил и др.) еще не был пройден – *действовали механизмы естественной регрессии*: индивидуальная внутренняя позиция, четко выражаемая у большинства молодых людей в ситуации обыденной жизни, была в этот период микширована. Кроме того, Ф.-Дж. Зимбардо не удосужился сообщить, входил ли в содержание исследования, помимо этапа отбора и этапа собственно эксперимента, третий, совершенно необходимый этап – этап реабилитации и психологического сопровождения как находившихся в заключении, так и надзирателей.

Исходя из своего эксперимента, Ф.-Дж. Зимбардо настаивал на том, что человеческая природа может трансформироваться под влиянием определенного социального окружения.

Идея быстрой *трансформации характера под влиянием ситуации* объясняет выраженный интерес к эксперименту не только ученых, но и обычных людей. Однако *идея зависимости характера и других личностных особенностей человека от условий* в развернутой, теоретически обоснованной форме давно является достоянием философии, психологии и других заинтересованных в этой области знаний.

Не желая стоять в позиции противоборства по отношению к мыслям Ф.-Дж. Зимбардо, все-таки считаю обязательным утверждать, что сама по себе так называемая человеческая природа в ее социально-психологическом контексте несет огромный потенциал как позитивных, ценимых человеческой культурой качеств, так и негативных, порицаемых человеческой культурой качеств. Эти качества присущи человеку феноменологически – они не только отражены в словарях род-

ных языков народов, но реально представлены в разнообразных формах в сфере ценностных ориентаций человека, определяют его самосознание и его личностные характерологические особенности.

В реальной тюрьме взаимодействуют две зависимые друг от друга социальные группы: 1 – сотрудники уголовной исполнительной системы; 2 – осужденные за преступления перед обществом и отдельной личностью.

Вынужденное взаимодействие, естественно, вызывает постоянное напряжение между обеими сторонами: здесь сталкиваются чаще всего *разные стереотипы ценностей*; противостоят не совпадающие в большей своей части *социотонности* к условиям обыденной жизни; разные возможности – сотрудники УИС и осужденные не только стоят по разные стороны правил (одни осуществляют надзор, другие подчиняются), но они имеют разные степени свободы в проявлении своих личностных качеств в непосредственном общении друг с другом¹³.

Тюрьма как особый социальный институт несет в себе глубинные специфические особенности – она не только изолирует преступников, но и *создает условия, в которых могут прорасти негативные личностные свойства некоторой категории людей, у которой выражена амбивалентность социально и личностно значимых качеств*. Такими условиями являются изоляция от мира обыденной жизни людей, функциональные особенности профессиональной деятельности – надзор и наказание.

Многие философы гуманисты писали о сущностных особенностях тюрьмы. Мишель Фуко пытался выявить особенности надзора и наказания. Он обсуждал общие принципы наказания и тюремной дисциплины, справедливо настаивал на том, что тюремное наказание сокрыто за мощными стенами архитектурных сооружений и охраняется административной тайной¹⁴. М. Фуко, как и многие другие исследователи, утверждал, что тюрьму в ее реальности и очевидных следствиях следовало бы объявить «великой неудачей уголовного правосудия»¹⁵.

Как бы то ни было, но и в XXI веке тюрьма – одна из основных форм отчуждения преступников от общества. Особенно остро это отчуждение проявляет себя в условиях пожизненного осуждения¹⁶.

¹³ Пенитенциарная психология // Энциклопедия юридической психологии. М., 2003. С. 231–282; Прикладная юридическая психология. М., 2001.

¹⁴ Мухина В.С. Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. № 1. 2007. С. 150.

¹⁵ Там же. С. 387.

¹⁶ В России сегодня изолировано от общества до 900 000 осужденных, из них около 1600 человек находятся в ситуации пожизненного лишения свободы.

В условиях тюрьмы вынуждены взаимодействовать надзирающие и осужденные за преступления. Обе эти стороны связаны друг с другом денно и нощно, на самой территории и за ее пределами.

Служба в системе УИС превращается в отбывание в замкнутом измерении зоны или тюрьмы, где рабочее пространство находится за ключей проволокой, под контролем ключей и режимных нормативов.

Осужденным, однако, дела нет до того, что и надзирающий находится по эту же сторону от свободы. Для них надзирающий – символ их несвободы. И все предметы в руках надзирателя – символы власти над «зэками». Среди них ключи, ПР-73, наручники.

Ключ – это не только приспособление для запираания и отпираания замка. Ключ – это и символический предмет, которым владеет надзирающий и который категорически недозволен осужденному. Именно надзирающий, согласно Уголовно-исполнительному кодексу и правилам внутреннего тюремного распорядка, держит осужденного под замком, взаперти. Правила сами по себе не воспринимаются как основа режима – для осужденного они чуть ли не эфемерны. А вот ключи в руках у надзирающего выступают как символ его насильственной власти. Замыкание дверей камеры ведет к тому, что осужденный спасается бегством в себя самого. Он или становится замкнут, или подпадает под волну поднимающейся в нем агрессии, которая направлена прямо на того, кто непосредственно осуществляет надзор.

ПР-73 – палка резиновая, черного цвета, 73 см в длину. ПР сама по себе выглядит устрашающе, при этом она реально обладает высокой эффективностью удара. Надзирающих учат правильно применять эту ПР как средство активной обороны. В руках надзирающего ПР-73 – это и символический предмет, сигнализирующий о том, что в каждое мгновение этот символ может превратиться в оружие.

Наручники – еще один атрибут: БРС – браслет ручной стягивающий. Наручники являются средством предупреждения агрессивных действий, которые могут быть направлены как на других (прямая физическая агрессия), так и на самого себя (аутоагрессия – нанесение самому себе телесных повреждений).

Все названные атрибуты тюремного содержания находятся в поле деятельности осуществляющих надзор.

Кроме того, сами функции человеческой речи в условиях УИС для надзирающих подвержены контролю служебного нормативного поведения: допускаются команды, распоряжения; не допускаются формы эмпатийной беседы, сопереживания и сочувствия.

Отчужденная форма речи вызывает ответное отчуждение. Так как все происходит на уровне межличностных отношений, весьма часто обе стороны невольно втягиваются на уровень межличностной неприязни, плохо скрываемой агрессии.

Один из моих подопечных, пожизненно осужденный, специально указал на взаимную неприязнь надзирающих и поднадзорных: «Вы знаете о том, что испокон веков преступники недолюбливали своих вертухаев (охранников), считая их за личных врагов»¹⁷.

Я по своим профессиональным ориентациям направлена на науку (меня интересует человек как личность) и на практику (в частности, на психологическую помощь тем, кто попал в экстремальные условия). Как психолог, я ставлю перед собой задачу смягчить ту неприязнь, то отчуждение, которое возникает естественным образом противостоящими сторонами: надзирающими и надзираемыми.

Тюремный психолог – значимый персонаж, который помещен между двумя противостоящими сторонами, причем не важно, работает он непосредственно с сотрудниками УИС или с осужденными. Психолог призван изменить отношения антагонистов.

Перед психологом стоит задача довести до сознания сотрудников УИС и сформировать у них ценностные ориентации на толерантную позицию в отношении к другим людям, в том числе и к осужденным.

Гуманное отношение к осужденным, как известно, предусмотрено международными стандартами и уголовно-исполнительным законодательством. Однако, как говорится, легко сказать, что должно. Надзирающие втянуты в психологически насыщенные отношения с осужденными. Кроме того, на отношения сотрудников и осужденных оказывают влияние неофициально складывающиеся нормы¹⁸. В каждом отдельном учреждении можно увидеть разнообразные варианты особой корпоративной культуры сотрудников УИС. Как живые люди, как социальные единицы, сотрудники УИС непосредственно реагируют на

¹⁷ Мухина В.С. Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. № 1. 2007. С. 150.

¹⁸ См.: Батенок С.В. Неформальные взаимоотношения сотрудников УИС как фактор исправительного воздействия на среду осужденных. М., 1998; Дриль Д.А. Преступность и преступники. М., 2006; Кинг Дж. Тюрма. М., 2006; Ламброзо Ч. Преступный человек. М., СПб., 2005; Мухина В.С. Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. № 3. 2002. С. 51–60; № 4. 2002. С. 100–114; все последующие номера вплоть до № 4, 2007; Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М., 1998; Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991.

грубое, вызывающее отношение со стороны осужденных. И хотя их служебное поведение должно быть обусловлено социально-правовым статусом, институциональными нормами, правилами и традициями внутреннего распорядка, порой их внутренняя позиция в отношении к ожиданиям в общении и исполнении наказаний ломается о специфические особенности субкультуры осужденных. Возникает особая корпоративная культура закрытых учреждений.

Однако, если устанавливается достоверность нарушений законности, виновные несут ответственность. При этом самое легкое наказание – увольнение. Возможно и привлечение к уголовной ответственности.

Психолог призван помочь сотруднику УИС увидеть преимущества толерантной позиции к осужденным. Толерантность сотрудника следует рассматривать как условие профессионального отношения к осужденным и как лично значимое качество. Толерантная позиция знаменует собой истинную силу личности и профессионализм.

Что касается осужденных, находящихся в условиях пожизненного лишения свободы, то они являются рабами зарегламентированных условий содержания в камере и зарегламентированных форм общения, особенно со стороны непосредственно надзирающих.

Совершенные преступления, часто предвещающая их социальная среда и условия тюрьмы приводят к постоянному психическому напряжению, к так называемому тюремному стрессу: к готовности уйти в себя – в состояние тюремного аутизма или выйти из себя – к агрессивному всплеску. Выдерживать установленные в исправительном учреждении нормы – чрезвычайные испытания для человека. *Профессиональная обязанность психолога – укреплять осужденных в принятии необходимости подчинения установленным правилам, укреплять их в желании жить и надеяться на лучший исход. Обязанность психолога – не поддаваясь возможным манипуляциям со стороны некоторой категории преступников, найти приемлемые формы индивидуального сопровождения, защитить отчаявшихся от отчаяния*¹⁹.

Тюремный психолог, будучи профессионалом, призван помочь как надзирающим, так и надзираемым. В этом случае вместо антогонизма двух противостоящих сторон *возникают отношения единства трех сторон – триады, которые принципиально должны менять сам стиль взаимодействия.*

¹⁹ Серен Кьеркегор называл отчаяние смертельной болезнью. Отчаяние осужденных на пожизненное заключение действительно может приводить к аутоагрессии, вплоть до суицида.

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Акции протеста заключенных весной–летом 2007 года (по материалам Фонда в защиту прав заключенных)

Тюменская область

Апрель – август

Бунт в колонии для несовершеннолетних и его причины

13 апреля 2007 года в Тюменской области в воспитательной колонии поселка Винзили около 2 часов ночи 50 осужденных учинили в следственном изоляторе массовые беспорядки, сопровождавшиеся поджогом и уничтожением имущества в камерах. По горячим следам событий ФСИН заявляла, что осужденные требовали послаблений режима и льгот. Вместе с тем дальнейшая прокурорская проверка выявила многочисленные нарушения Трудового кодекса в колонии. Ни один из 30 работающих воспитанников колонии не имел трудового договора, а приказ о приеме на работу не объявлялся под роспись. Табель учета рабочего времени администрация колонии составляла на основе данных, отраженных в приказах, не учитывая фактически отработанное время. По сведениям прокуратуры Тюменской области, нередко приказ о приеме на работу касался одной деятельности, а фактически подростки направлялись на совершенно другие работы. Было установлено, что максимальная зарплата воспитанников не превышала 702 рублей, что ниже установленного законом минимального размера оплаты труда.

Самарская область

3 мая

В туберкулезной зоне назревает голодовка

Обострилась ситуация в ЛИУ-4 г. Самары (Заводское шоссе, 15, лечебная колония для больных туберкулезом). Заключенные отчая-

лись получить помощь от аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ и Уполномоченного по правам человека по Самарской области Ирины Скуповой и готовы начать массовую голодовку. Несмотря на вопиющий характер жалоб, аппарат уполномоченного переправляет эти жалобы самарскому прокурору по надзору Шуваткину, который, по сообщениям заключенных, не проявляет заинтересованности ни в дальнейшем их продвижении, ни в прокурорских проверках ЛИУ-4. Осужденные жалуются на жестокие избиения, преследования тех заключенных, жалобы которых выходят за пределы колонии. ЛИУ-4 – колония для больных туберкулезом, при этом условия содержания здесь даже хуже, чем в обычной колонии: сырые бараки, проваленные полы, окна без стекол заклеены целлофаном, антисанитария в столовой и на кухне. Медицинская помощь и особое питание практически отсутствуют. В апреле 2007 года ООД «За права человека» и Фонд «В защиту прав заключенных» были вынуждены повторно обратиться в прокуратуру Самарской области и Генеральную прокуратуру РФ по поводу нарушений прав человека в ЛИУ-4.

Смоленская область

20 мая

Заключенные протестуют против издевательств

29 мая произошли массовые беспорядки в колонии ФГУ ИК-3 в поселке Горный. Это случилось после того, как утром в тот день во время поверки на плацу были жестоко избиты несколько заключенных (санчасть зафиксировала травмы у Дмитрия Журавлева, Анатолия Егоркина и Павла Хоминца). В ходе протестов были разрушены перегородки между 2–3 локальными участками колонии («локалками»). Колония была окружена подразделениями спецназа Министерства юстиции.

Москва

25 мая

Голодовка в Бутырском СИЗО

Заключенные одного из корпусов Бутырского СИЗО объявили голодовку, протестуя против условий содержания. Первая информация об этом поступила от матери одного из заключенных, не пожелавшей называть свою фамилию. Причиной голодовки стало отсутствие в Бутырской тюрьме медицинского обслуживания и горячей воды, плохое

качество пищи, закрытие библиотеки, непредставление заключенным свиданий с родственниками, переполненность камер.

Томская область

9 июня

51 заключенный нанес себе порезы

51 заключенный колонии строгого режима в Асино (ФГУ ЯУ 114/2 ГУФСИН России, Томская область) нанес себе порезы в знак протеста против условий содержания. Участники акции требовали облегчения условий содержания, в частности разрешения курения в местах, где раньше это запрещалось, а также отправки для отбывания наказания к местам проживания. По словам представителя УФСИН, они требовали «облегчения режима сверх того, что положено законодательством». Однако Комитет «За гражданские права» располагает информацией о грубом нарушении прав осужденных в данном учреждении, а также о массовых суицидах среди осужденных. Родственники осужденных сообщили о вводе специальных подразделений в учреждение с последующим избиением осужденных первого отряда, в результате чего ряду лиц были причинены серьезные телесные повреждения.

Калужская область

24 июля

Заключенные ИК-55/3 в поселке Товарково начали голодовку протеста

Из учреждения ИК-55/3 ГУФСИН РФ по Калужской области (п. Товарково) поступила информация, что содержащиеся в ПКТ и ШИЗО заключенные объявили голодовку. Эти осужденные находятся в изоляторах более 60 суток. Причина отказа от приема пищи – то, что администрация не выводит осужденных хотя бы на сутки в БУР или в СУС. Вот уже более 2-х месяцев осужденные не могут получить письма от своих родственников. Бытовые условия содержания ужасны – в некоторых камерах по нескольку дней нет света, санузлы работают с перебоями. Администрация учреждения отказывается давать какие-либо объяснения по этим проблемам. И хотя в настоящее время в колонии работает комиссия по правам человека, эти вопросы так и остаются нерешенными. Посетивший изолятор прокурор по надзору за исполнением законности в ИУ никаких действий для решения этих вопросов также не предпринял. Обстановка в колонии обостряется.

Воронежская область

25 июля

После убийства надзирателями заключенного в колонии прошла акция неповиновения

Воронежская прокуратура по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях вчера предъявила обвинение двум надзирателям Россошанской колонии строгого режима, избившим заключенного Павла Копцева, который после этого скончался в штрафном изоляторе (ШИЗО). В воронежском управлении Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) утверждают, что действия надзирателей были правомерными. Поводом для применения силы стало сопротивление заключенного при проведении обыска в ШИЗО, где он в тот момент содержался. Спустя три часа после избиения осужденный попросил вызвать врача, но тот по прибытии обнаружил его уже мертвым. Побои, нанесенные эзку, вызвали внутреннее кровоизлияние. В Россошанской колонии строгого режима содержится 1300 заключенных. Инцидент повлек за собой акцию протеста росошанских эзков, отказавшихся 19 июля принимать пищу. В тот же день появились слухи, что в исправительных учреждениях области начались массовые голодовки эзков с требованием наказать виновных в смерти Павла Копцева. Вместе с тем ФСИН утверждает, что голодовок не было. По ее версии, смертью эзка пытались воспользоваться «представители криминального мира», заинтересованные в дестабилизации обстановки в исправительных учреждениях и получении поблажек от их администрации. «Профилактические мероприятия», полагают здесь, позволили предотвратить бунт. Сами надзиратели не отрицают факт избиения, но тоже считают, что действовали в рамках полномочий. Между тем, как пояснил прокурор Сергей Козлов, спецсредства должны применяться с причинением минимального вреда здоровью, а в случае с осужденным Копцевым данное требование явно не было соблюдено. Он добавил, что после проведения судебно-медицинской экспертизы помимо превышения полномочий надзирателям Владимиру Лузанову и Сергею Зубко может быть инкриминирована часть 4 статьи 111 (причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего) УК РФ.

Татарстан

27 июля

Голодовка заключенных в ИК-5

Четвертый день продолжается голодовка в колонии № 5, расположенной в селе Свяжжск Татарстана. По словам родственников заключенных, пойти на эту меру их вынудило жестокое обращение администрации колонии. В главном управлении Федеральной службы исполнения наказаний заявили, что намерены разобраться в ситуации. Как сообщили из Управления исполнения наказания по Республике Татарстан, в колонии накануне работали сотрудники казанской прокуратуры по надзору и соблюдению законности в исправительных учреждениях. Никакого решения принято не было, при этом фактов нарушения также не обнаружено. Заключенные никаких конкретных требований к администрации учреждения не предъявляли, но, как было сказано в документах по итогам проверки, «их поведение носит провокационный характер». Осужденные отказываются от пищи в столовой, но едят то, что им передали родственники. Теперь проверку проводит прокуратура республики.

Пермский край

30 июля

Воспитательский беспредел

В воспитательной колонии № 2 (п. Гамово Пермского края) 16 июля произошли беспорядки, в результате которых четверо воспитанников привлечены к уголовной ответственности. Поводом стал конфликт, в ходе которого сотрудник учреждения бросил ракетку в воспитанника. В отрядах прозвучал призыв всем выйти на улицу. Активная часть воспитанников потребовала переговоров с начальником колонии, а также освободить воспитанника, находящегося в дисциплинарном изоляторе, преодолела заграждения изолятора и покинула помещение ДИЗО после применения спецсредства «Черемуха». Была взломана решетка магазина колонии и разграблена часть находящихся в нем продуктов. Камнями были выбиты несколько стекол, в том числе большое стекло пункта визуального наблюдения. Четыре сотрудника, попытавшиеся вмешаться в ситуацию, были избиты и забросаны камнями и кирпичами. Двое из них получили телесные повреждения, не опасные для жизни. Все продолжалось не более одного часа. В связи с названными событиями возбуждено уголовное дело, следственной бригадой ведется расследование, в настоящее время четверо воспитанников привлече-

ны к уголовной ответственности. Главным управлением ФСИН России по Пермскому краю приняты меры по проверке деятельности учреждения, отдельные сотрудники по ее результатам могут быть уволены или переведены в другие исправительные учреждения, принимаются меры по обеспечению нормальной работы воспитательной колонии.

Свердловская область

3 августа

В ИК-53 произошли массовые беспорядки с участием 700 человек
Руководитель правозащитной организации «Правовая основа» Алексей Соколов утверждает, что руководство ГУФСИН по Свердловской области скрывает истинную картину произошедшего в минувший понедельник в исправительной колонии № 53 под Верхотурьем. По данным «Правовой основы», руководство ИК-53 вербует осужденных в так называемый «актив». Представители «актива» сотрудничают с администрацией, за что получают дополнительные преференции. Поэтому они чувствуют себя в колонии довольно безнаказанно. В минувший понедельник произошел конфликт между представителями «актива» колонии и простыми осужденными. В частности, на территории отряда № 2 некий Салтанов Антон избил Василия Дидяева. В то же время в отряде № 3 двое завхозов избили осужденного. После чего эски, уставшие от нападков со стороны «активистов», якобы устроили массовую драку, в которой участвовало до 700 человек. 18 осужденных пострадали. В настоящее время в колонию не пускают адвокатов и родственников. Между тем пресс-служба ГУФСИН по Свердловской области заявляет, что до массовых беспорядков на ИК-53 не дошло. Конфликтную ситуацию удалось урегулировать мирным путем. В настоящее время обстановка в учреждении стабильная. По данному факту проводится проверка ГУФСИН России по Свердловской области и прокуратурой по надзору за соблюдением законности в местах лишения свободы Свердловской области.

16 августа

По региону прокатилась волна тюремных бунтов

По области прокатилась волна тюремных бунтов. По разным данным, в них приняло участие 700 человек. Первой «залихорадило» исправительную колонию № 53 под Верхотурьем. После бунта в ИК-53 «вспыхнула» колония для малолетних преступников под Кировградом. По официальным данным, в беспорядках приняли участие 40 заклю-

ченных, которые, выйдя на плац, устроили потасовку с младшим инспектором колонии. Но, как утверждает Алексей Соколов, руководитель правозащитной организации «Правовая основа», на самом деле в массовой драке приняли участие около сотни несовершеннолетних эков, и они избили не одного, а нескольких инспекторов, вдобавок расколотили стекла в штабе колонии. В обеих колониях представители УФСИН и прокуратуры в местах лишения свободы проводят проверку. Инспекция пока еще не закончена. «Вряд ли приезд ревизоров решит назревшую проблему, скорее всего, ничего не изменится, – с сожалением заявил Алексей Соколов. – Когда высокие чины приезжают с проверками, заключенных, которые готовы рассказать о беспределе, прячут в ШИЗО либо в срочном порядке переводят в другое исправительное учреждение». 20 августа «Правовая основа» и Межрегиональный центр прав человека намерены провести возле здания Управления Федеральной службы исполнения наказаний митинг против беспредела на зоне.

Якутия

6 августа

Массовая драка в колонии строгого режима

Поводом для драки послужил конфликт, произошедший между двумя заключенными колонии строгого режима № 6. Около 00.30 в ночь на понедельник ссора переросла в массовую драку, что подтвердил официальный представитель Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России Александр Сидоров. «К драке присоединились еще порядка двух десятков человек, – поясняет Сидоров, – в результате чего от полученных побоев один из зачинщиков, осужденный Мурашов, скончался, еще девять человек попали в медсанчасть». По словам представителя ФСИН, «никаких оснований говорить о каком-то бунте в колонии нет». «Речь идет о банальной драке с тяжкими последствиями. Каких-либо претензий со стороны осужденных к администрации не предъявлялось», – подчеркнул Сидоров. Тем не менее на место происшествия выехали руководители силовых структур, в том числе республиканского Министерства внутренних дел, Управления Федеральной службы исполнения наказаний по республике и сам прокурор Якутии Анатолий Подласенко. В колонии № 6 строгого режима, расположенной в 110 километрах от Якутска в поселке Мохсоголлох, отбывают наказание 1100 человек, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Амурская область

21 августа

Осужденные в колонии вскрыли себе вены и объявили голодовку

В Возжаевской исправительной колонии № 2 Амурской области осужденные порезали себе вены и объявили голодовку. Инцидент произошел во время обхода камер. Администрация колонии утверждает, что действия сотрудников, применивших силу и резиновые дубинки, были правомерными. Осужденные объявили голодовку. В прокуратуре по надзору за соблюдением законодательства в исправительных учреждениях считают, что это была спланированная акция с целью ослабить режим в колонии. Резать вены осужденные начали по команде, уверяют правоохранители. Во время обыска один из них крикнул: «Режьтесь!» – и более 15 сокамерников с помощью одноразовых лезвий вскрыли себе вены. Сотрудники дежурной смены стали применять кулаки и резиновые дубинки, после чего осужденные объявили голодовку. Сейчас по этому факту проводится проверка. Решается вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников колонии, которые применили физическую силу. Зачинщик инцидента будет отправлен в колонию с более строгим режимом содержания за пределы Амурской области, сообщают представители пенитенциарной системы. Такое решение вчера, 20 августа, принял Белогорский райсуд Амурской области. В отношении трех осужденных, подстрекавших сокамерников к конфликту с администрацией, принято решение о переводе их на тюремный режим.

Южно-Сахалинск

23 августа

Осужденные разгромили кабинет начальника отряда. Трое избиты

После заявления о массовом избиении осужденных проводится проверка по факту применения спецсредств сотрудниками первой исправительной колонии в ночь на 23 августа этого года. По предварительным данным прокуратуры Сахалинской области, в ночь со среды на четверг осужденные взломали входную дверь в только что отремонтированном кабинете начальника отряда и разгромили его. На следующее утро попавших под подозрение троих осужденных доставили в дежурную часть колонии. Там они отказались объяснить, что произошло и, по словам сотрудников, стали «выражаться нецензурной бранью, угрожали, на предупреждения не реагировали, хватались за

форменную одежду». Только тогда, согласно официальной информации прокуратуры, сотрудники колонии применили резиновые дубинки ПР-73 и наручники БРС. В полдень 23 августа возле дежурной части собрались 300 осужденных с требованием освободить помещенных в камеру подозреваемых в порче кабинета. Ситуацию удалось урегулировать без вызова отряда спецназа. В настоящее время проводится две проверки: одна – по избиению осужденных, вторая – по умышленному повреждению имущества.

Санкт-Петербург

24 августа

В петербургской колонии повесился заключенный

В петербургской колонии «Яблоневка» повесился 41-летний заключенный Сергей Виноградов. Его тело нашли в минувшую среду на утреннем обходе. Как рассказала его вдова Елена, руководство колонии сообщило, что, по их версии, это было самоубийство, так как у Виноградова была найдена предсмертная записка. Между тем вдова погибшего полагает, что ее мужа убили, поскольку повода покончить с собой у него не было. После четырех лет заключения он должен был выйти на свободу уже в декабре 2007 года. Виноградов проходил свидетелем по делу проверки в колонии «Форносово», устроенной осенью якобы сотрудниками спецподразделения «Тайфун». Тогда ряд заключенных, в том числе и Виноградов, получили серьезные телесные повреждения. После этого он был переведен в «Яблоневку». Последний месяц, по словам Елены, Виноградов находился в одиночной камере.

Кемеровская область

10 сентября

Избиение заключенных, объявивших голодовку

По неподтвержденным сведениям из двух различных источников в двух колониях – поселке Абагур Лесной Новокузнецкого района Кемеровской области в ИК-12 и ИК-16, – спецназ Минюста 5 сентября избивал заключенных, объявивших в конце августа голодовку. Об этом сообщила Региональная общественная организация «Центр общественной информации». Акция протеста вызвана очень плохим питанием и переводом на «голодный паек» так называемых «отрицательных» заключенных.

Валерий Абрамкин

Бунт в Крестах

«Бунт в Крестах» – так окрестили журналисты беспорядки, которые произошли в Санкт-Петербургском следственном изоляторе № 1, расположенном в центре города. Информация о «бунте» прошла по лентам новостных сайтов 20 сентября. Сообщалось, что «15 подследственных вырвались из камер и разбежались по территории Крестов» (так чаще всего называют крупнейшую в Европе следственную тюрьму, построенную в конце XIX века).

Впрочем, жители окрестных улиц и водители машин, проезжавших по Арсенальной набережной, еще за три часа до появления этих сообщений могли наблюдать арестантов, забравшихся на крышу прогулочного двора и дым от загоревшейся (или подожженной) сторожевой будки.

Движение по набережной было на некоторое время перекрыто, пришло семь пожарных машин и автомобили спецслужб. Однако пожарным сообщили, что возгорание ликвидировано собственными силами, и на территорию тюрьмы машину не пропустили. Милиционеров тоже.

Ближе к полуночи официальный представитель Федеральной службы исполнения наказаний России Александр Сидоров сообщил, что беспорядки в Крестах устроили подростки, недовольные тюремным режимом. Из камер они не вырывались, а, наоборот, отказались в них возвращаться после прогулки, потребовав увеличить время прогулок и прекращения досмотра посылок и передач. Для подавления бунта был срочно вызван «Тайфун» (подразделение тюремного спецназа), а здание тюрьмы оцепила милиция.

По информации из неофициальных источников, «Тайфун» в Крестах так и не появился. Бойцы спецподразделения почти в полном со-

Текст представляет собой авторизованную версию радиопередачи «Облака» (от 25 сентября 2007 г.).

ставе оказались в отпуске. И хотя к отдыхающим «тайфуновцам» приезжал «генерал из Москвы» и пытался уговорить срочно выйти «на работу» – от предложения прервать свой отпуск и вернуться к своим непростым карательным обязанностям бойцы отказались. Видимо, им не понравилось решение нового руководства регионального управления службы исполнения наказаний: уволить их прежнего командира Дениса Седых. Приводить малолеток в чувство по инициативе милицейского руководства отправился СОБР. Но внутрь его не пустили, опасаясь дальнейших естественных вопросов: а где был «Тайфун»? На всякий случай милиционеры выстроились по периметру тюрьмы.

Как сообщил чуть позже представитель ФСИН, после переговоров, которые провели с несовершеннолетними заключенными начальник управления Службы исполнения наказаний по Санкт-Петербургу и Ленинградской области вместе с заместителем прокурора города, бунтари вернулись в свои камеры...

Судя по всему, несовершеннолетним заключенным Крестов сказочно повезло: главное в таких случаях — не попасть под спецназовский «обмолот»: могут забить до смерти. Кроме того, малолеткам удалось добиться переговоров с руководством Службы исполнения наказаний. Кроме того, об их акции узнал город и журналисты.

Что касается официальной версии руководства Службы исполнения наказаний, то она ничего, кроме недоумения, вызвать не может. К сожалению, как это в последние годы принято, в официальной версии не приводится сколько-нибудь внятного изложения требований протестантов. При этом довольно странно выглядит утверждение, что требование арестантов увеличить продолжительность прогулки было заведомо невыполнимым. Господин Сидоров даже утверждал, что и «расписание прогулок определено законом». В «Законе о содержании под стражей...» установлена лишь минимальная продолжительность прогулки: **не менее одного часа** для взрослых арестантов и **не менее двух часов** — для несовершеннолетних. Если администрация СИЗО увеличит продолжительность прогулки, никакого нарушения закона не будет. Тем более, возможность увеличить время прогулки (хотя бы для малолеток) в Крестах есть. Сейчас там всего две с половиной – три тысячи заключенных, среди них не более сотни несовершеннолетних. Насколько мне известно, при прежнем начальнике СИЗО (Алексее Житневе) подобные «послабления» допускались. Новый начальник вполне мог удовлетворить просьбы малолеток об увеличении продолжительности прогулки, не дожидаясь акций протеста.

В пункте 78 Правил внутреннего распорядка СИЗО мы находим упоминание о процедуре досмотра посылок и передач, которую, по всей видимости, и требовали изменить несовершеннолетние заключенные Крестов: «Администрация СИЗО обеспечивает сохранность вложений посылок и передач... однако за утерю **товарного вида** этих вложений в результате досмотра ответственности не несет...» О том, насколько «нетоварен» мог быть вид вложений, которые получали заключенные Крестов, можно судить по отклику, который появился 22 сентября в разделе «Правильный базар» официального сайта «Крестов». Участник форума, который, по-видимому, имеет прямое отношение к тюремной службе, комментируя выступление руководства ФСИН по одному из телеканалов, с видимым сочувствием к малолеткам и со знанием тюремных обыкновений пишет:

«В чем-то малолетки были правы – зачем же было сигареты из их дачек на три части ломать? Что там хотели найти? Сотовый телефон? Или зарядку к нему? А героин-то уж точно не через дачки идет на Кресты. Так что ерундой занимаются начальнички, утверждая, что большая часть запретного идет через дачки. Смех и грех. Лучше б молчали».

В официальном сообщении говорится о том, что заключенные добивались прекращения досмотра передач, и это требование участвующих в акции малолеток также называется незаконным. Впрочем, я думаю, требования заключенных представлены не совсем точно. Даже малолетки вряд ли стали бы просить о таких нелепых вещах, как отмена досмотра передач и посылок. Скорее всего, они добивались человеческого к себе отношения. И для взрослого арестанта передача, как и любая весточка из дома, с воли – праздник. Что же должен испытывать ребенок, который в предвкушении этого праздника даже не дни – часы считает? А ему высыплют из мешка в коробку раскромсанную колбасу-сыр, измятый пирог с капустой, переломанные сигареты... Это унижение достоинства ребенка и нарушение его прав. К тому же заключенные СИЗО, пока им не вынесен приговор в виде лишения свободы, имеют те же права, что и вольные люди.

Почему процедура досмотра посылок и передач не может быть такой же цивилизованной, как, скажем, при посадке пассажиров в самолет? Современные средства контроля позволяют выявить наркотики и другие запрещенные вещи, не вскрывая пачек и не ломая сигарет. Существует соответствующая аппаратура, приборы и т.п. Пусть ее в СИЗО и используют. Тогда у подростков не будет перебора стрессовых ситуаций, которых в тюрьме и без того хватает. И поводов к протестным акциям будет меньше.

В официальных сообщениях ФСИН России также говорится, что «все посылки должны проверяться в целях безопасности и обеспечения режима строгой изоляции подсудимых и подследственных». Дескать, только так можно предотвратить поступление информации с воли, которая помешает проведению следствия, поступлению в СИЗО «предметов, веществ и продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию». При этом нас уверяют, что главный источник поступления в тюрьму всего запретного – родственники заключенных и адвокаты, поэтому необходимо **тщательно** проверять все посылки и передачи, сумки и портфели адвокатов, которые приходят на свидание к своим клиентам...

На самом деле в подобных утверждениях проявляет себя стремление «спрятать» одну из главных причин безобразий, творящихся в правоохранительных органах и службе исполнения наказаний, – коррупцию. Судя по письмам заключенных и их родственников, основываясь на беседах с ними, мы можем уверенно утверждать: и мобильные телефоны, и наркотики, и все прочие запрещенные вещи поступают в следственный изолятор, как правило, через сотрудников службы исполнения наказания и следственных органов. Вместо того чтобы бороться с реальными причинами нарушений, руководство ФСИН валит все с больной головы на здоровую. Главными виновниками массовых акций протеста (и поступления в тюрьму запрещенных предметов) всякий раз называют каких-то мифических «криминальных авторитетов» или правозащитников с адвокатами.

Одна из причин яростного сопротивления соответствующих ведомств введению реального общественного контроля за закрытыми «казенными домами» – это понимание того, что при таком контроле возможностей заработать на чужом горе будет меньше. Сейчас даже пословица в кругу казенных людей ходит: «Это **наша** корова, и **мы** ее доим».

Напомним, что именно в тюрьмах и колониях Санкт-Петербурга и Ленинградской области в конце февраля 2004 года прошла многотысячная голодовка заключенных, с которой начались массовые акции протеста и в других регионах России.

Александр Муленко

Колея

Жизнь долга, если она полна... Будем измерять ее поступками, а не временем. Сенека. Этот транспарант висит над зоновским плацем, где произошли описанные мною события...

Рожденный от плоти большого мира маленький мир – зона, город осужденных – имел два десятка построек. Столовая, клуб, церквушка – самое свежее здание лагеря и разделенные клетками двухэтажные общежития окружили горбатый плац, уложенный подневольными мастерами во время оно – неаккуратно, но вечно. Когда-то выступающие из плоскости кромки его бетонных плит рвали казенную обувь и энкам, и солдатам, но скоро они надломились и округлились от шарканья человеческих ног: частых проверок и шмонов.

Старая тележка, скрипя телесами, катилась по плацу, груженная бидонами с супом для работяг. В иные годы ее стальные колеса имели резиновый обод, но он истерся, и разбитая колея расплосковала пространство от столовой и до ворот на промышленную зону, где чадили цеха завода. Впереди, надев на шею хомут, понуро, чтобы не запотели очки, тянул оглобли могучий очкарик, выдыхая под ноги две струйки морозного воздуха. Но очки сползли на кончик носа, и нервным движением головы человек отбрасывал их обратно на лоб. Над ним глумились: «Ретивый мерин!» От неуклюжих движений ведущего тележка дрожала. Трое других осужденных толкали ее сзади. Целое облако пара откатывалось от них на толстые прутья клеток, оседая инеем на железе. Бидоны раскачивались, капли супа выплескивались на плац из неплотно закрытой тары и стыли. Кошки, ждавшие этой минуты на теплотрассе, бежали с насименных мест вылизывать липкий жир. Их было много. Они дрожали от холода, стоящая дыбом шерсть не скрывала худобы животных.

Шел третий день голодовки. В первый осужденные потребовали вернуть им теплую одежду и обувь, изъятые во время шмона.

– Вы не по форме одеты, – отвечала администрация, и зачитывали, какой должна быть одежда осужденных.

– Выдайте, что положено: ботинки, кальсоны, носки, костюмы... в тапочках ходим! – твердили ээки, показывая на «коты», сшитые из старого сукна. Вещевые склады пустовали.

– Будут ботинки – обуем всех!

– А сейчас? – бесновались люди. – Мороз на плацу!

Чтобы сломить сопротивление упрямцев, самых голосистых осужденных закрыли по камерам и избили. На следующий день вся зона отказалась выйти на плац, протестуя против произвола администрации.

– Вы провоцируете побои, – твердили сотрудники.

У зоны стояли солдаты ОМОНа и журналисты. Первые ждали команды для штурма, а вторые – примирительную комиссию из Москвы. Писакам пообещали сенсацию и зеленую улицу на территорию лагеря. Но комиссия работала в другой зоне, где недавно хотели заставить эзков браво маршировать из отряда в столовую с песней «Прорвемся!». Подневольные люди отказались «орать эту расторгувескую мерзость». Их вывели на мороз вместе с матрацами и держали стоя полдня. Один человек упал на плац и умер. Искали виновных.

Узнав, что комиссии не будет до вечера, «когда у нормальных гражданских людей заканчивается работа и наступает отдых у телевизора со всеми слезоточивыми сериалами и ментовскими войнами», разочарованные журналисты покинули посты у порога зоны и поспешили питаться в офицерскую столовую, где в этот день были свежие скатерти и теплые пирожки.

Нехотя падал снег. Безжалостные метелки «обиженных» отметали его в сторону люка, ведущего в противопожарную емкость, откуда тянуло затхлым запахом времени. Шла уборка плаца. На этот раз тележка подпрыгнула выше обычного. Крышка у бака откинулась до отказа вбок, и целая лужа горячего супа выросла в колее под ногами у толкающих ее поваров.

– Потише, мерин! Уйми ретивость... – зарычали, задетые супом, люди. – По башке получишь!..

Рабочие на промзоне отказались от пищи в солидарность с основным контингентом лагеря. Ее отдали собакам в питомник. Извозчики долго ждали, пока откроют транспортные ворота, пока кинологи обернутся туда и обратно, накормят собак и вернут бидоны. А тем временем...

В «жилку» вошел ОМОН. Его солдаты ворвались в помещения, где находился отрицательный контингент, «баламутивший лагерь», и принялись методично избивать осужденных. Вся операция длилась чуть более часа. После ухода штурмовиков в лагере стало тихо. Избитым «подрезали» языки, а уцелевшие шептались, с ужасом прислушиваясь к каждому шуму извне. «Атасники» беспокойно дышали на стекла окон и, растирая иней, разглядывали холодное пространство зоны.

- Куда они пошли?
- Я не вижу...
- А кто на плацу?..
- Козлы...

«Локалки» были закрыты. Любое хождение из отряда в отряд порицалось администрацией и отныне пресекалось другими осужденными – «козлами», надевшими «косяки». Людьями, которые, отрицая нравственные устои общества, где жили, встали на путь предательства. Не желая копошиться в грязи, как иные «красные», они решили зарабатывать прощение иначе, передавая в руки офицерам зоны нарушителей распорядка дня.

Во время атаки милиции «обиженные», убиравшие плац, поднялись по пожарной лестнице на крышу общежития и переждали репрессии. Теперь они спускались вниз, чтобы продолжить работу. Снег распоясался и валил отовсюду тяжелыми хлопьями, замечая следы расправы, – мороз упал.

Когда повара возвращались из «промки» пустые, пролитая лужа супа застыла и тележка промчалась, весело грохоча бидонами, не испачкав колес помоями. Как и прежде, она подпрыгнула, и очкарик не без гонора заметил ближайшему дворнику:

- Борода, убери кирпич!..

Старый седой «петух» Агасфер был единственным в лагере бородатым мужчиной. Еще при советской власти его избили за карточные долги, отжали дом и хозяйство... Он долго сопротивлялся насилию и...

выжил, но с той поры у него остались рваные щеки, вставные челюсти и борода, скрывавшая шрамы. Его давно никто не трогал, не бил: ни администрация, ни осужденные – Агасфер знал свое место в жизни, он честно работал на плацу и не перечил никому: ни офицерам, ни блатным, ни юнцам, «не видевшим жизни», впервые поднявшимся на зону и «сдавшим экзамен на мужика». Старик упал на колени перед остывшей лужей супа и выдавил злополучный камень руками. Лед еще не окреп. Он отслаивался от стенок легко, как распаренные мозоли, был мягким. Агасфер снял рабочие рукавицы и пальцами, пядь за пядью, очистил канаву от жира и грязи. Брезгливости не было, морщины лежали ровно. Работая, старик обнаружил, что колея имеет неровности, похожие на вековые кольца деревьев. Их было шесть.

«Более тридцати лет жизни я провел в этом лагере», – удивился он, плотно касаясь пальцами стенок, дрожали руки.

Эту тележку купили во время Олимпиады в Москве. Она бесшумно летала по плацу, толкаемая одним человеком... Но годы безжалостны: полысели колеса, и, словно ткань, расползался под ними бетон, сверкая стальными нитками арматуры...

«Шестая судимость – шестое кольцо», – коченели худые пальцы, стучала под кожей кровь.

Шестой ребенок родился на воле у его сестры в Казахстане, которая в свое время лишилась жилья ради жизни брата и мыкалась по чужим углам с оравой детишек. Катаклизмы в политике отодвинули льготы за материнство в далекий ящик. Страна задыхалась в дыму реформ...

«А был бы дом?.. – ему стало стыдно, что он не умер в молодости, когда пытали за карточные долги. – Не свил гнезда, ни петлю на шею – трусил, не оставил потомства, прожил напрасную жизнь».

Шесть колец позора эстампом лежали на площади, как приговор. Чтобы избавиться от этой навязчивой мысли, Агасфер пополз по плацу на четвереньках, тщательно ощупывая все стенки разбитой колесами колеи.

«Три шестерки! – подумал он и, заговаривая память, задался вопросом о будущем: – А куда будет расти колея: вширь или вглубь? А если тележка сядет на ось?.. И остановится?» Ему было страшно...

– Что ищешь? – сурово спросил у него другой осужденный, патрулирующий плац. Чтобы снять с себя только одно взыскание, полученное за курение в неположенном месте, нужно было сдать дежурному по колонии не менее десяти нарушителей распорядка дня. Таков был эквивалент – и если нет денег откупиться перед УДО (а хочется на волю), то надо было служить «хозяину» верой и правдой... Или ждать звонка!.. Не рублями, а десятками тысяч рублей покупалась свобода, и не тридцатю сребренниками измерялось предательство. Дежуривший на плацу дружинник рвал и метал молнии, ускоряя прощение.

– Прах времени!.. – ответил ему «петух» и стыдливо рассмеялся, показывая большие ногти, под которыми чернела грязь.

– Ты в кого это тухлыми пальцами тычешь? – заорал дружинник и ударил «обиженного» в лицо перчаткой. Теплая кровь покатила из носа на бороду, соскользнула вниз и застыла, как штрих, в колее на холодном бетоне плаца. Сила была прямо пропорциональна наглости и обратно пропорциональна сопротивлению.

– «Козел» «петуха» ударил, – тихо шепнул «атасник» соседу по подоконнику.

– Подвинься, – заметил тот. – Я посмотрю.

– Продуй себе дырку на том окне и смотри, сколько хочешь...

Ночью к воротам зоны подъехали четыре зарешеченные машины. Откормленные тюремные собаки лаяли сильнее обычного, провожая в дорогу последний отрицательный контингент мятежного лагеря. Завидя их деловой сытости, им вторили другие собаки: бездомные, беспородные, добрые, со всех теплотрасс и подвалов большого мира... Так «черная» зона стала «красной».

6–14 сентября 2007 года

Великая степь

По правую руку от рыжего паренька – шофёра изнемогал от духоты пожилой офицер и пялил мучнистые от наросшей пыли глаза перед собой в степь, будто б ждал из самого её сухого безжалостного пекла помощи. Надеялся он, что паренёк справится с машиной или что должна же она завестись хоть бы и сама собой – а в то, что застрянут, так и не верил. Паренёк отчаялся, и каждая неудачная попытка завестись прибавляла злости его захваченному врасплох настроению. Он выбрался из кабины, задрал пыльную покатую крышу двигателя и скоро крикнул ждавшему начальнику, не показываясь из-под неё: «Илья Петрович, ничего не сделаешь, заморился, сжарился весь... Нету в радиаторе воды...» – «Ты, сучонок, сколько налил, что на полдороги хватило. Давай что хочешь мне залей и поехали. А то сгорим тут заживо». – «Илья Петрович, я ж не верблюду, чтоб воду про запас возить. И здесь её где мне взять, вы ж гляньте, это ж Африка!» – «Вот сука, угробил мне всё дело! Бегом за водой, если так, лагерь близко. Ничего, добежишь...» – «Илья Петрович, да я-то побегу – у меня и канистра есть, но сжарился мотор, думаю, здесь цеплять надо, не завестись нам самим...» – «И машину угробил! Да ты чего, в морду хочешь?!»

Офицер запыхался, слез на каменистую, будто звенящую от полуденного зноя землю и приткнулся к пареньку. Он увидел чёрное, будто стёртое насухо до черноты, нутро машины, от которого тянуло прогорклым дымком, и обронил, уже упрашивая солдата: «Ну, никак не поправишь?» – «Руки сожгу. Здесь как печка. Сгорело всё, как есть сгорело». – «Ну ты подумай, что делается... Значит, вляпались мы крепко. А до лагеря-то ехать осталась с гулькин нос!» – «Так если сбегать, Илья Петрович? Дадут нам трактор и рванём на буксире с ветерком?» – «Ишь, умник, трактор тебе. Так сразу и трактор. Это до ночи их трактора ждать, будет из нас вобла... Вляпались! Надо зека выводить и

пѣхать до лагеря, а там уж трактор. Поведу, а ты с бабаями оставайся, будешь за главного – один я быстрей, чем этих ещё за собой тащить. За час, глядишь, обернусь. Ну, а вы терпите. Бог терпел – и нам велел».

Когда солдатик согласно кивнул башкой и скрылся по другую сторону автозака, то Батюшков невольно почувствовал, будто б отпустил от себя что-то родное... Он никогда не размышлял над жизнью и всё принимал как есть, сдаваясь безропотно перед тем, что было выше его понимания. Никогда не горевал, но и радовался чему-то редко. Довольствовался тем, что имел, и не желал лучшего. В его комнатухе в общежитии работников режима стояла покрытая грубым солдатским одеялом железная койка; на стену повешены были фотографии матери и отца в пору их молодости; имелся один платяной шкаф, сработанный тут же, лагерными умельцами, и разные вещицы помельче, которые давно вышли из надобности или приобретались бессмыслицей, по случайности, разбросанные по дому без всякого порядка. И так Батюшков обходился в быту, но не считал свой быт скудным и полагал своё хозяйство достаточно серьёзным, потому что был этим сыт, обут, одет и обустроен, чего и требовалось для земной жизни, а что-то оказывалось в его быту даже ненужным – то, чего лишался без сожаления, приобретая по случайности или, как сам говорил, «сдуру». Жил по доброй воле так, как это заведено в казарме или в бараке для подневольных.

В лагерной роте не любили путевых конвоев – полдня в пути до Караганды и полдня в обратную, если повезло, если ничто и нигде не задержало дольше положенного. Лагерное поселение в кулундинской степи жило своей сонливой, почти мирной и нетюремной жизнью. Долгое марево степного лета и беспробудная степная зима, с её снегами выше человеческого роста, мертвящими ледяными ветрами, близким свинцовым непроглядным небом, погружали это местечко будто б в сон. Казалось, что и зло здесь не свершится никогда, потому что круглый год живут люди по жаре или по морозу как во сне, ходят-бродят то жаркими бестелесными тенями, то окутанными паром и стужей призраками. Только командир батальона сновал туда-сюда по степи, по ротам степным, на вѣрткой своей командирской машине, похожей на водомерку, с выгоревшим белёсым верхом из брезента. Надавал выговоров, указок, поволновался – и пропал на день-другой. Толку от него не было. Но будто б надувал он своими перелётами свежий ветерок: прилетит в поселенье, поволнуется – и умахнёт по степной глади.

Людей в поселенье так вот, как по воле ветра, – кого заносило, кого уносило. Сроки и в лагере были строгие, сидели здесь за серьёз-

ное, по многу лет, основательный серьёзный народец, а не шантрапа, кто уж знал, на что идёт, и отсиживал свой срок пряменько, стойко, крепко-накрепко, будто б гвоздь, который вогнали по шляпку. Казалось, что если зека можно вытащить из лагерной барачной доски, куда его всадили, то разве клещами. И когда неожиданно требовалось вытащить кого-то из лагеря да свезти на следствие в тюрьму, в следственный изолятор – это и был путевой конвой, – то фигурка этого снова подсудного человека на глазах гнулась, делая только шаг от зоны, а само то, что начинало происходить, казалось чем-то неправильным: вся эта дальняя чужеродная до тюрьмы дорога.

А без работы захирел в гараже арестантский фургон: он стоял у стены в углу, похожий угрюмостью на ископаемое. Солдаты из рембригады озверевали, когда давали им приказ поставить его на ход, барахтались с ним до ночи, а то и всю ночь напролёт, чтобы поутру застывший фургон был готов тронуться с заключённым и конвоем в путь. Хоть такое дело случалось одно за год и можно было б проехать по всей карагандинской трассе, испить, если начальник раздобрится, кваску, а то и пива в самой-то Караганде, те, кто по службе только и стояли сутками на вышках, мало радовались назначению в путевой конвой, соображая, что надо ехать тряско, много часов, в духоте, закрученным в кузове автозака, будто в консерву, да и занятие это было для вышкарей малознакомое, чужое. Русские крик поднимали, не желая мучиться в конвое, соображая, что да почём, а потому сажали в конвой двух солдат из нерусских, которые молчали и ничего не понимали, были как твари бессловесные – таких отчего-то рука сама тянулась у взводного не пожалеть, засадить в конвой. Эти хоть ныть не будут, будут терпеть – и вот за это терпение двужильное, почти скотское и было их не жалко. Батюшков и сам умел так вот всё стерпеть, будто коняга запряжённая, и к себе самому тоже не имел жалости. Жалко ему было мучить в конвое тех солдат, кто глядел на него заранее как на своего мучителя и уж готовился сдохнуть по пути, соображая, что всё в этом конвое путевом будет им невыгодным – так невыгодно, будто б родиться на свет божий только для того, чтоб умереть.

Ещё весной в лагере, не произведя волнений, свершилось безмолвное, не оставившее никаких следов убийство. Убили заключённого – извели свои же, а труп разнесли на куски и схоронили по зоне, так что отыскалась после чуть не одна голова. Это зверство было другим в урок. Заключённые не иначе как раскрыли между собой человека, что осведомлял оперативную часть. То, что убийство старательно подготовили, не было поэтому, верно, тайной и для оперативников. Зеки ж

привели в исполнение свой приговор тихом и в оперчасти тоже сделали вид, что это была бытовуха, а не вызов яростный режиму. А спустя время отыскался и убийца – он показал голову, зарытую в кучу мусора. Сам дал на себя показания, сознался в убийстве заключённый, который никакого уважения в лагере не имел. Был он ничтожный человек – дурачок – живший кое-как и часто побиваемый своими, так что во рту его было мало зубов. Частенько видели его и с вышек, как он побирался на помойной куче в жилой зоне – накапывал тряпочек, корочек, огрызочков и по-крысиному отбегал с тем ненадолго в сторону, где-то припрятывал, а потом снова брался за работу. Мусорный человек, будто б сам из мусора слепленный. От такого только ждали, что не стерпит и удавится тихонько, а он убийство на себя взял, в убийстве сознался. Тогда и конвоировали его в Караганду, на следствие, где он темнил, держался несколько месяцев, а после стало понятным, что сам себя зачем-то оговорил. То ли вынудили его в лагере сознаться, а в тюрьме уж испугался до смерти, то ли сам он это всё учудил, чтобы из лагеря вырваться, но была ему одна дорога, обратно в лагерь, а там – штрафной за враки да перед зеками ответ держать.

Время едва ли сдвинулось с того дня, как разделали стукача, и только одряхлело, стоя без движения, так что лагерь и окружавшие его степи, и всякая малость – барак это или трава, пожухшая у фундамента барака, – выглядели старей. Илье Петровичу казалось, будто конвоировал в тюрьму заключённого не иначе, как вчера, хотя ничего подробного и не помнилось. И это было только чувство, нажитое сонливými мирными лагерными годами, в которых день походил на день, как след на след. Он ничего не помнил, хотя и не забывал, переставая жить мгновениями, редкое из которых вдруг вонзалось бы так, чтобы останавливался и замирал, как от сердечной боли. Распорядившись с киргизами, которые так и стояли, будто уснувшие, он полез в кузов, чтобы вывести заключённого. Заслышав его, зек ожил в темноте клетки и прильнул изрытым ручейками пота лицом к решётке. «Что, начальник, приехали? Зона? Отмучились?» – «А ты не спеши...» – обронил хмуро Батюшков, чувствуя от говорливости неожиданной зека такую ж невольную тошноту, будто по жаре совали ему в рот ошмёток жирного сала. «Замочек маленький, а вон какую толстую связку таскаешь? Звенят?» – «Положено, вот и таскаю, гляди, разговорчивый какой...» – отбрёхивался Батюшков, хотя мог бы равнодушно, по-конвоирски смолчать.

В голосе зека звучало нетерпение, которого тот не умел скрыть. Илье Петрович удивился про себя. Самому всё стало обыкновенным, и с чего

бы зеку так дожидаться, ведь не на волю ж выпустит он его из клетки, а под конвоем через всю степь поведёт. Преодолевая отвращение, что должен объясняться, взводный вымолвил: «Рано радуешься. Мотор у нас сгорел. До лагеря пешими пойдём». – «А водички дашь?» – заелозил тот у решётки ласковым зверьком, млея от удовольствия, будто б обдало всего счастьем. «Пошёл ты... Не вздумай дурить – пальну в спину-то на раз, как в копеечку, – сказал Батюшков без злобы и отпер наконец клетку. – Остановок не буду делать, слышь, даже по нужде. Если надуркаешь – себе в штаны гадить будешь. Воды нет. Сигарету дать? Можешь побаловаться на дорожку». – «Некурящий я...» – «Вот и хорошо, легче шагать. А я-то смолю по пачке в день. Пора это дело бросать, а то загнёшься так – все лёгкие это курево отнимает. Ну, шагай вперёд... Эй там, принимай! На выход!»

На пяточке у фургона, рождая не страх, а тоску, стояли с автоматами наизготовку, согнутые под их тяжестью, два солдата-киргиза. Тонкие и низкорослые, будто б сажены, только их тому и выучили, что автомат должно направлять от себя и крепко держать в руках. Кругом арестантского фургона колыхался шёлковым пологом ярко-огненный свет. На много километров вперёд в выжженной степи не было видно ни единого зелёного, хоть бы тенистого пятнышка, а только лысели раскиданные тут и там черепа сопков да торчали одиноко заросли саксаула, похожие на обглоданные кости. Батюшков пошарил языком в высохшем рту и оглядел тоскливую свою армию: он был доволен только тем, что все конвоиры стояли, как и положено, по своим местам. Глядя кругом, он поневоле побаивался этой степи: «Змеями пахнет, шкурой их вяленой... Вот угораздило, погодка как на заказ, так хуже ещё не бывало...» Страх закрадывался от мысли, что он уж порядком вымотался, устал, а ведь не рассчитывал, что придется ещё прошагать без воды, в подъём до этой дали угольно-очерченной горизонта, под палящим нещадно солнцем.

Никогда ещё он не ходил в одиночку по степи. Втайне он подбадривал себя, что внушил зеку с первых слов свою волю – дал ему испытать, какой дорожкой они пойдут, без всякого снисхождения, то есть и снисхождение успел проявить, ведь разрешал на дорожку покурить, но дальше-то, гляди, всё в моей власти. Но власть свою он никак и не мог почувствовать. Мучила жажда, морочила голову жара – и всё. На ремнях у киргизов болтались фляги. Батюшков чуял, что нет в них воды, но не утерпел и будто б для порядка проверил: молча притянул к себе за ремень одного – потряс флягу, взялся за другого, а фляги что пустышки, пересохло в них давно. «А у тебя фляги нет? Форсишь?!» –

рвякнул он в сердцах на шофёра, а простить самому себе не мог, что не взял-то в дорогу флягу. Он сроду фляги не носил, как и все офицеры: когда на одном боку кобура торчит, то с другого бока фляжку нацепить – коромысло это уж только чурбан выдержит носить. Ни времени, ни охоты нету болтаться при этой фляжке. Солдат – другое дело, солдату положено. Но вот они и выжрали всю воду, желторотики, дурачье, небось, от Караганды ещё не отъехали, а уже выжрали. Нет воды. Ни капельки. А до лагеря-то пехать и пехать – да ещё виду не покажи, что слабость есть в тебе.

Он забывался, мысли уносили его как по воде. Может, от жажды всё и уплывало, текло, было в сознании и душе таким размыто-водянистым. Он было всё решил, но решимости этой хватило на горстку минут, что утекли как песок. На глазах у зека он отдал своей ненужной больше армии – этой горстке растерянных солдатиков – приказ не разбредаться и ждать. «Дай водички, начальник!» – взмолился зек, думая, верно, что всё же есть вода во флягах у киргизов. «Ещё воду на тебя изводить, – ответил нарочно с благодушием Илья Петрович и заставил себя усмехнуться. – У нас вода только для курящих. А которые некурящие – запивают слюну свою поганую песком».

«Что за ошибка природы, зачем он народился на свет, этот доходной...» – такими мыслями утешал себя на ходу Батюшков, не проронив ещё с зеком по доброй воле ни слова. Арестантский их фургон давно скрылся с глаз. Они были одни в степи – уже за той извилиной горизонта, что чудилась всего с полчаса назад краем земли. Он то и время подгонял зека, чтобы не давать ему продыху, но чувствовал, что уж сам сбавляет устало шаг. Они шли вровень. Батюшков только следил, чтобы зек от него не отставал.

Сколько ни напускал на себя вредности, но начальником конвоя Батюшков был свойским – как и взводным он был свойским для солдат, звание своё маленькое уж полжизни не выпячивал. Он сам принял неуставной вид и разрешил оголиться по пояс зеку, чтобы не душился тот в потном грязном тряпье. Под сапогами мерно похрустывал песок. Воздух потеплел, и небо чуть стемнело, не жгло больше глаз. Зек неожиданно смолк, только они зашагали – и молчал не переставая, а вместо того, чтоб взять да заговорить, насмешливо пялился по сторонам и мотал, как ватной, головой. «Блажной... Как есть блажной... – удивлялся поневоле Батюшков. – Отбили ему, видать, на зоне башку. Ишь, как мотает башкой, ну чисто конь. Небось, конём себя воображает хорошим. Кажется ему, небось, что под уздцы его ведут».

Но коричневая шелудивая спина дышала нищетой, голодом, так что было больно видеть и эту коричневую загара, похожую на засохший сургуч. Зияли, как объедки, обглодки, кожа да кости, но и те – хиленькие, цыплячи. Батюшков и не хотел, но не мог уж взглянуть на зека без жалости, а от близости с ним стало даже холодить, потому что вдруг почудилось, что и молчит зек от голода: молчит, а в то время нестерпимо хочет есть, пить, спать... И взводному сделалось стыдно вспомнить, как заключённый просил у него воды, а он не ответил по-человечески и в издёвку сказал про песок – а что воды во флягах ни у кого не было, будто б пожалел дать ему даже узнать.

Вдруг доходной уж не с насмешкой, а ощерясь пронзительно как скелет, взглянул в упор на него, на своего конвоира... Батюшков застыл, ничего не мог сделать, руки и ноги отнялись. Руки его не слушались, и он ощутил ужас, будто б ясно постиг в тот миг, что лишился рук. Но в то время, как Илье Петровичу почудилось, что застыли они на месте, всё происходило стремительно – так быстро, как только способны люди драться за жизнь. Зек обливался потом, дрожал, но был он быстрее – он уже успел, уже подумал, уже был впереди, отчего и чудилось взводному, что сам-то он застыл обрубок. Отмер он, когда постиг, что падает. А когда уж вскочил на ноги, то зек убежал – был от него метрах в двадцати. Батюшков заорал. Стал выхватывать из кобуры табельный – а фигурка зека растаивала на глазах.

Грохнул выстрел, и Батюшков, после своего ж этого первого слепого выстрела, будто б очнулся: он тяжело дышал, сжимая в руке мёртвой хваткой пистолет. Его взорвала злость, был он подло, тварью самой подлой обманут, и душила только одна яростная ненависть – догнать, раздавить! Когда бросился он за зеком вдогонку, то стало ему так легко, будто переносился по воздуху, почти летел. Батюшков видел его, слышал его – и такая ненависть овладевала всем существом, что зек нужен был ему только живым. Он не слышал, что заорал, и не понимал, куда целил, снова делая выстрел в воздух. А зек бежал и бежал, сверкая взмыленной потной спиной. Он тоже что-то орал. Они, чудилось, не бежали, а мучились друг с дружкой, вытягивая один из другого жилы. По степи аукались их вопли. Взвивалась песчаной мошкой пыль, окутывая бегущих своими клубами.

Зек так и был от офицера метров на двадцать впереди. Он бежал и уже оглядывался, пугаясь, что конвоир или целит в него, или вот-вот настигнет. Их силы выдыхались. Тогда-то, слабея и задыхаясь уж не от ненависти, а будто б давясь глотками воздуха, которые не в силах была сжигать раз от разу рвущаяся на клочья грудь, Батюшков опомнился и

постиг: это совершается побег и он должен стрелять по зеку, чтобы не дать ему уйти. Батюшков мог стрелять – и некого было жалеть, нечего было ждать, ведь и у него самого не было больше сил. «Убьюую!» – взвыл он с немощью, надрывая грудь, и не успел выпрямиться, чтобы открыть пальбу, как зек обернулся и, будто руки да ноги его были вздёрнуты на ниточках, стал плясать перед ним скелетиком, лыбиться и что-то чёрным беззубым ртом своим хрипеть... Он наскочил на зека, сшиб ударом в лицо – и всё было будто б уж кончено. Был он в его руках. Доходной же весёленько лыбился, как пьяный, разбитым ртом, где пузырилась кровь, а Батюшков орал, сидя на его костях, чуть не в лицо ему, звонким от отчаянья и надрывным по-бабьи голосом: «Играешься, сука?! Со мной играешься?! Весело тебе?! Да ты понимаешь, что я тебя убью! Пристрелю тебя здесь как собаку!»

Когда поселение уже замаячило в прохладной померкшей дали мачтами лагерных вышек, усталыми дымными крышами домов, Батюшков испытал давно не посещавшее его чувство, что возвращается он домой, где всё удивительно да свежо и всё-то распахивается ему навстречу. Зек ковылял впереди, обреченно понутив голову в землю, расшатываясь от пинков да тычков, которыми уже навстречу лагерю гнал его без жалости взводный. Они спустились узким, змеиным ущельем меж сопок и вышли на пустынную покатуую дорогу, хоть должны были по ней весь путь свой и пройти. Показались первые домишки, покошенные степными ветрами изгороди из белёсых, как инеем покрытых жердей, то рыхлые, то чахлые огороды, похожая на заросли лопухов пожухлая под солнцем бахча.

Взводный припрятал пистолет в кобуру. На задворках они оба отряхнулись, оправились и шагнули на тесную улочку, где уж ходили по обочине куры, брехали через забор друг на дружку собаки, доносился шум людской со дворов и теплилась к вечеру жизнь. Пройдя как на параде улицу – здесь Батюшков через дом здоровался да раскланивался со знакомцами, – они вышли прямо к вахте лагеря, площадка перед которой была и навроде поселковой главной площади. На площадке этой громоздилась голая бетонная коробка автобусной станции, куда утром и в другой раз к вечеру прибывал автобус из райцентра; подле жалась к бетонным стенам вся сваренная из железа временка – киоск хлебторга; стояли скамьи, как на футбольном поле, три ряда, что было похожим ещё на базар без прилавков. Но этот ряд базарный скамеек был для родственников осужденных, что ручейками текли и текли неведомо откуда в этот степной посёлок на свидания, чтобы им

было где побыть, ожидая когда позовут их с вахты увидеть или узнать о родных.

После у Ильи Петровича было чувство, что произошло всё не с ним, а будто потерял он память: он очнулся, когда уж сдал зека дежурному и стоял в проходе на вахте совсем один. С дежурным они ещё и проговорили с добрые полчаса: Батюшков рассказывал о том, что с ними приключилось, доложил, чтобы отправили на дорогу за застрявшим в степи автозаком трактор, но про побег, сдавая-то зека дежурному, про самое что ни есть главное, что случилось с ним в тот день, о чём и права не имел смолчать, – так и не пришло ему на память сказать. А когда спохватился, то уж испугался, подумалось ему украдкой: ведь никто не знает про побег этот, так лучше пускай и не знают, а то мало ещё чего, вцепятся в каждое слово и жди уж, когда отцепятся, дурачку ж этому никто ни за что не поверит.

Так рассуждал он, думая, что оберегает себя, но если кого и уберёт он, то не себя, а заключённого. Но и это Батюшкову не пришло на ум, что побег – новый для осужденного срок. Будто б сам не свой, конвойный офицер, повывавший на своём веку всё, что на службе положено да ещё и с лишком, так он и не понимал, точно помрачился ненароком умом, как слабоумный, что о подсудном-то деле смолчал. Ему хватило ума только спросить у солдата воды. Тот впустил его в караулку, и он сам по памяти пошагал к умывальнику, где долго и жадно пил, сделавшись от простой воды в конце концов как пьяный. Уйдя с вахты, Батюшков сел на скамью – и сидел один-одинёшенек на длинной, будто дорожка, скамье, дожидаясь возвращения из степи своего конвоя. Открылись ворота. Выехал из лагеря трактор. Он порадовался, но не успел сообразить, что может подсесть да возвратиться за своими сам вместе с тем трактором, а не ждать без толку ещё полчаса. Было Батюшков совсем как пьяница вздремнул, и его разбудил снова гул трактора – но это уж трактор возвращался с автозаком на буксире, и ему только померещилось, что время пролетело как одно мгновенье. Трактор выехал и повернул на роту – потащил автозак в гараж. Батюшков успел увидеть, как рулит автозаком, что катился бесшумно на буксире, его довольный, успевший уже зазнаться своим подвигом солдатик. Тогда Батюшков встал – и побрёл за пыльным их следом в сторону своей роты, шагал и думал бестолково себе под нос: «Летний день – длинный день...»

В казарме он сдал пистолет в оружейную камеру и повинился, недосчитавшись двух патронов, дежурному по роте офицеру, что тоже был взводным и которому из-за дежурства в тот день повезло не ехать

в конвой, – повинился, что сдуру стрелял в степи в попавшуюся на глаза змею. Тот, глядя с сочувствием на пожилого измождённого человека, не стал придирааться, а уважил: «Чёрт с ними, Илья Петрович, не бери в голову – спишем на стрельбище, раз так...»

А наутро всё у взводного болело, будто б избили его или скинули с горы. Ныли ноги. Висли жердями руки. Ломило спину. И с самого утра, проспавшись, он только и мог думать, что о зеке, чувствуя себя теперь не иначе, как преступником. От мысли, что он так вот по глупости своей стал с ним заодно, корчило посильней, чем от боли, но было уж поздно заявлять правду. Он никак не мог понять – почему ж он не стал стрелять? Зачем бежал он с тварью этой наперегонки? Чего ж он, околдовал его, что ли? Батюшков чувствовал, что весь день проклятый вчерашний прожил не по своей воле да так, будто б повелевал им кто-то, всё равно что издеваясь над ним. Он никогда не стрелял ещё в человека, но все годы знал, что не дрогнет и всегда готов выстрелить, даже убить всякую эту тварь. Но вот – тварь эта делала с ним то, что хотела. Как это всё с ним случилось? Какая теперь ему будет жизнь, если ж он долга своего не исполнил – дрогнул, побежал?!

Он заставлял себя думать об этом и всё одно чувствовал, что в том, как был он до этого устроен, что-то непоправимо разрушилось, сломалось... Случилось, что оказался он вовсе не таким, как думал столько лет о себе. За это, верно, испытал он и наказание – изведal сполна свою слабость. Долга он как надо не исполнил и принужден был теперь жить, чувствуя себя уже будто б чьим-то должником, за что-то до гроба виноватым, но этого хозяина не зная – не зная, кто ж держит в своих руках ниточки его судьбы, вины и правил им тогда в степи, заставляя сделать всё наоборот.

ЗА СТЕНОЙ

НЕНОРМАЛЬНЫЕ

Альбина Скрипник

Как в капле воды...

Владимир Константинович Буковский недавно рассказал журналистам¹ о некоем совещании в МВД, состоявшемся несколько месяцев назад. Якобы на нем «было рекомендовано шире применять к оппозиционерам такие приемы, как обвинение в умственной невменяемости, а также статьи УК РФ о наркотиках».

Очень не хотелось бы, чтобы это было правдой... Однако вот уже и сам Буковский назван психопатом, и не где-нибудь в кулуарах, а в британской газете «Daily Mail», напечатавшей 13 августа интервью с представителем Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского, того самого учреждения, где в середине 60-х нынешний кандидат в президенты, бывший диссидент Владимир Буковский проходил психиатрическую экспертизу. Вот уже заточен в психушку краснодарский журналист Евгений Новожилов, много писавший о войне в Чечне. Поводом для его госпитализации стали не только статьи о Чечне, но и попытка разоблачить воспитателей-педофилов, калечащих детей в приюте. От «лечения» в психушке его спас только скандал, устроенный демократической прессой, радио-«голосами» и правозащитниками.

Но самый большой скандал разгорелся вокруг маленькой женщины из города Мурманска. Может быть, потому, что она оказалась хоть и рядовым, но все же членом партии – Объединенного гражданского фронта (ОГФ), а скоро выборы... Однако сути дела это обстоятельство не меняет, наоборот, благодаря широкой огласке известны многие подробности этой госпитализации, по которым можно судить о закономерностях существования и тенденциях развития отечественной психиатрии.

¹ www.kasparov.ru «Тенденция, однако»; www.archdomjour.ru «Случай с Ларисой Арап – не единственное свидетельство возрождения карательной психиатрии».

О недобровольной госпитализации мурманской правозащитницы Ларисы Ивановны Арап в психиатрическую больницу этим летом писали газеты и журналы США, Великобритании, Германии. Парижская «Libération» в номере от 1 августа опубликовала статью «Возвращение принудительного помещения в психбольницу в России». Международный комитет защиты свободы и гражданского общества выпустил специальное заявление, в котором говорится, что «использование методов карательной психиатрии не имеет ничего общего с общепринятым в цивилизованном мире поведением». А президент российской Независимой психиатрической ассоциации Юрий Савенко сказал: «Мы на пороге масштабного использования психиатрии в немедицинских целях».

Началась мурманская история еще в 2004 году. У нас есть возможность узнать ее суть от самой потерпевшей.

– В 2003 году, – рассказала Лариса Арап корреспонденту газеты мурманского отделения ОГФ «Марш несогласных», – в нашем жилищно-строительном кооперативе были вскрыты серьезные финансовые махинации. Мы провели собрание жильцов, и те избрали меня новым председателем... Я и не могла предположить, что за такое своеволие (бывшее) руководство ТСЖ начнет травлю против меня и моей семьи. Цепь дальнейших событий не поддается описанию. То нападение в подъезде, то звонки по телефону с угрозами убийства, то взломанная дверь в квартиру. Я писала в милицию и прокуратуру, но отовсюду получила отписки. Тогда я обратилась в ФСБ. Трижды сотрудники ФСБ вызывали меня к себе и предлагали молчать о финансовых нарушениях шефа нашего кооператива.

С накопившимся стрессом женщина обратилась за помощью в военную поликлинику Северного флота по месту работы, а там уже ждала разрядка врачам: в психушку! Было это в середине мая 2004 года.

– Мой муж нанял адвоката, пытаюсь освободить меня оттуда. Два судебных слушания по рассмотрению моего дела состоялись спустя лишь два месяца после моего «ареста». Через три дня после суда меня выпустили из больницы. Но и сейчас продолжают угрозы...

Тогда Ларисе повезло: суд, в который дважды (!) обращались психиатры с требованием держать ее в больнице в недобровольном порядке, им в их требованиях отказал. Что, знаете ли, случается совсем не часто. Гораздо чаще судьи решают дело так, как хотят психиатры, полностью доверяя их мнению. Но, видно, на этот раз доктора не смогли даже толком обосновать, зачем с медицинской точки зрения нужно держать в больнице новоиспеченного председателя ТСЖ. В то время госпитализация Ларисы Арап была типичным случаем.

Напомню, что советские руководители всегда (начиная с Ленина) использовали психиатрию в карательных целях. За это в 1983 году наших психиатров исключили из Всемирной психиатрической ассоциации (то, что они якобы сами вышли, узнав, что на VII Всемирном конгрессе им готовится обструкция, – типичное советское лукавство). А в 1989 году их снова приняли в ВПА на том основании, что Россия стала демократической страной. Н-да. Но психиатры остались те же. И в постсоветские времена, когда разнарядок сверху не поступало (во всяком случае, мы об этом не знаем), многие из них охотно брали заказы со стороны и госпитализировали тех, кто мешал преступникам красть общественные или государственные деньги, являлся свидетелем преступления, которое надо скрыть, или просто имел квартиру, на которую претендуют мошенники.

Таких «больных» в психушках довольно много, и Лариса Арап была одной из них. Она пробыла в психиатрической больнице два месяца. А впечатления от увиденного в таких учреждениях всегда рождает у нормальных людей желание что-то изменить и защитить права содержащихся там людей. Поэтому она без колебаний согласилась дать интервью газете «Марш несогласных», когда журналисты попросили рассказать об условиях содержания пациентов в психбольнице.

Статья под названием «Дурдом» появилась в газете 8 июня 2007 года. В ней приводился рассказ Ларисы Арап, очевидца описываемых событий:

– Там, в больнице, я увидела разных людей, и была удивлена, что среди них много нормальных, но... как с ними обращались: кричали, избивали, привязывая к кроватям, ставили капельницы, после которых люди становились как зомби; насиловали, уводя по ночам в неизвестность, а утром возвращали в палаты истерзанными.

Встретилась в больнице с девушкой Аней. Она побывала в Апатитах. В больницу попала после того, как у нее на глазах был убит родной брат. Следствие не желало раскрыть преступление. Свидетельницу направили в психбольницу.

Женщина из Полярного, владелица большой недвижимости, попала в психбольницу по требованию неизвестных людей, которым теперь позволено управлять ее собственностью... Однажды, когда она попыталась дозвониться до адвоката, ее скрутили, куда-то увели. Вернули в палату неузнаваемой. Сколько мы ни просили ее рассказать, что с ней делали, она сказала только одну фразу: «Пригрозили, если расскажу, то разберут на органы, как некоторых других». Во сне несколько ночей подряд она стонала, кого-то молила о пощаде...

Маленькую девочку изнасиловали какие-то подонки в школе во время занятий. Мать прибежала в школу к директору. Но элитной школе не нужны такие скандалы. Была вызвана «скорая», и мама пострадавшей была закрыта в психушке...

Как только был напечатан тираж, 800 экземпляров газеты с этим интервью редакция разослала чиновникам областной администрации. Но ответом было гробовое молчание властей, только прокуратура начала интересоваться... личностями журналистов, написавших статью.

А 5 июля Лариса Арап поехала в Североморск, в поликлинику по месту своей регистрации, чтобы получить копию заключения медицинской комиссии для переоформления водительских прав. За месяц до этого она полностью прошла медкомиссию, и была признана здоровой всеми врачами, в том числе и психиатром. Когда Лариса зашла в кабинет психиатра Марины Рекиш, та спросила:

– Это вы написали статью «Дурдом»?

Лариса кивнула.

– Подождите немного в коридоре, – сказала психиатр и куда-то убежала.

Потом она объясняла, что была вынуждена вызвать милицию и санитаров, потому что Лариса Арап буйствовала (разбросала у нее на столе бумажки и пыталась сорвать занавески) и чрезвычайно опасна для окружающих. Странно только, что доктор отправила столь буйную даму в коридор, где было полно людей.

Почему принято верить, как гласу Божьему, всему, что говорят психиатры? Я вообще не верю в эту историю с занавесками. Потому что однажды читала историю болезни женщины, которой поставили тяжелый психиатрический диагноз и лишили дееспособности. Сначала я недоумевала: «На каком основании?» Описание личности и поведения больной базировалось на житейских сплетнях соседок и родственников, с которыми у женщины был затяжной конфликт. Но потом увидела фразу: «Говорит, что слышит какие-то голоса». «Ну, все, – подумала я, – тут ничего не исправишь. „Голоса“ для психиатра – это чистая шизофрения». И спросила ее:

– А какие вы слышите голоса?

– Так в том-то и дело! – заволновалась она. – Никаких голосов я сроду не слыхала! И не говорила ничего такого! А они написали, и все. Теперь я сумасшедшая, кто мне поверит?

И заплакала...

В ожидании врача Лариса, чтобы скоротать время, позвонила с мобильного телефона своему риэлтору, занимающемуся обменом ее квартиры, потом мужу. В этот момент к ней кинулись милиционеры, заломили руки и потащили в машину «скорой помощи». Сквозь треск вырываемого из рук мобильника муж Ларисы, Дмитрий Терешин, услышал крики и шум борьбы. Совершенно потрясенный, Дмитрий помчался на машине в поликлинику Североморска. Но Ларисы там уже не было. Тогда он позвонил в Мурманск дочери Таисии и рассказал о похищении матери. Тая вместе с мужем бросились в приемный покой городского психдиспансера, куда отвезли мать. Но и там ее не застали. Ларису уже увели в палату.

Таисия рассказывает, что они стали расспрашивать дежурного врача Юлию Игоревну Копыю, на каком основании госпитализирована их мать. Но врач сказала, что не намерена ни перед кем отчитываться, а если Таисия и ее муж будут настаивать, то она очень легко и им оформит принудительную госпитализацию. Тут вдруг Юлия Игоревна швырнула в лицо Таисии газету со статьей «Дурдом» и разгневанно воскликнула, что таких вещей, как эта статья, быть не должно, что это ненор-маль-но! Копыя кричала:

– Никто не имеет права писать о том, что происходит в психбольницах! Это наши внутренние взаимоотношения с больными! За эту статью ваша мать долго будет здесь лежать, а может быть, вообще никогда не выйдет...

Тогда Таисия села писать заявление с просьбой сообщить диагноз и причины насильственной госпитализации матери. Копыя тут же написала на нем своей рукой, что разглашать врачебную тайну не намерена. Таисия спросила:

– С каких это пор близким родственникам запрещено знать о диагнозах своих родных?

Но врач молча удалилась.

Таисия не могла понять: где она находится? В больнице? Тогда почему ей не разрешают увидеть мать, состояние которой, как говорят врачи, «удовлетворительное»? В какой больнице станут насильно держать пациента, если он отказывается от лечения и родственники требуют отпустить его домой? Ведь врачи не имеют права удерживать человека, даже если отказ от лечения или операции грозит ему смертью. Ему подробно расскажут о последствиях его отказа, попросят расписаться и – отпустят! Потому что он имеет право распоряжаться собственной жизнью. (Замечу, что человек, у которого подозревают психическое заболевание и даже действительно больной, должен иметь те же права, пока он не лишен дееспособности.)

А может быть, это особая разновидность тюрьмы? Но и тюремщик не станет орать на родственников заключенного, пришедших его навестить: «Будешь задавать много вопросов, открою пустую камеру и посажу!» Не станет, потому что знает – закон не позволит ему этого сделать. А психиатрам, получается, закон позволяет лишать людей свободы по своему усмотрению, орать на посетителей, ругаться матом, избивать больных, издеваться над ними?

Таисия была права в том, что закон действительно дает психиатрам очень большие права, позволяя многие вопросы решать по своему усмотрению. К сожалению, те, кто писал этот закон, не учли, что в психиатрических больницах работает много безнравственных людей. Просто в силу того, что здесь им предоставлена масса возможностей для проявления патологических свойств характера, таких как садизм и жажда власти. Если же у человека нет абсолютно никаких нравственных установок, он и издевательства над больными будет называть «нашими внутренними взаимоотношениями с пациентами».

То, что сказала Таисии Копыйя, вовсе не новое слово в психиатрии. В США и странах Западной Европы прошло немало судебных процессов, на которых психиатров судили за издевательства над пациентами и сексуальное насилие. И они пытались уверить судей, что насилие над детьми или женщинами, перенесшими тяжелую психологическую травму, это... разновидность психотерапии.

Не только дочери Ларисы угрожали психиатры. Руководитель мурманского ОГФ и доверенное лицо Ларисы Арап Елена Васильева рассказала, как «бушевал» Евгений Николаевич Зенин, главный врач областной психбольницы (находящейся в Апатитах), куда позже перевели Ларису:

– Елена Борисовна, я требую публично подтвердить факты тех истязаний детей, которые были отражены на страницах вашего издания! Вы должны извиниться за публикацию и признать, что они не подтвердились.

Странно, ей-богу! Прокурорская проверка еще не проведена, а журналистские расследования показали, что факты как раз подтвердились! Почему же Евгений Николаевич требует извинений «за ложь»? На том простом основании, что у него в заложниках находится Лариса Арап?

Он абсолютно уверен, что официальные проверки факты не подтвердят. Юристы говорят: «Если бы прокуратура всех так проверяла, как проверяет психиатров, тюрьмы стояли бы пустые. Они приходили бы к преступнику и спрашивали: „Ты убил?“ – „Не-е“. И писали бы: „Проверка

показала, что факты не подтвердились”». Как правило, проверяющие из прокуратуры не опрашивают пострадавших, потому что те – сумасшедшие, и не слушают журналистов, раскопавших компромат, потому что из журналиста в нужный момент тоже можно сделать психа невменяемого. Они интересуются обстоятельствами дела только у «авторитетных» психиатров, которые, как правило, и виноваты в злоупотреблениях.

6 июля, на следующий день после госпитализации, Ларису осмотрела врачебная комиссия. К этому времени женщина была так заколота неизвестными ей препаратами, что увидела подошедших к ней врачей как бы сквозь густую пелену тумана. Они молча постояли и ушли. Потом оказалось, что это было освидетельствование. Врачи написали, что пациентку необходимо лечить в недобровольном порядке.

Позже Лариса рассказала, что вечером ее избili санитары. Потом ее раздели догола, положили на клеенчатый матрац и туго привязали к кровати – руки и ноги врозь. В таком положении женщину держали больше суток, хотя родственники предупреждали врачей, что у Ларисы серьезное заболевание позвоночника. Эта пытка называется «фиксация». До привязанного никому нет дела: никто не даст ему попить, не подложит судно, если только не найдется поблизости сердобольный человек из больных. Страдальцев сумасшедшего дома могут «фиксировать» не только на сутки, но на недели, и даже на месяцы!

7 июля обеспокоенные родственники потребовали встречи с Ларисой. Тогда ее сняли с «вязки» и вывели показать родным. Женщина была в синяках, не могла стоять и с трудом говорила. Чтобы не мучить ее, муж взял Ларису на руки, отнес в постель и потребовал прекратить накачивать жену разной дрянью до решения суда о недобровольной госпитализации.

По закону оставить «лечиться» в психушке насильно можно только по решению суда. Кавычки здесь потому, что насильно невозможно вылечить человека и сделать его счастливым. Разве это не очевидно? Оказывается, нет. Ведь принимаются законы о насильственном лечении, отвлекаются от дела судьи, выезжая в психушки, чтобы судить людей, которые никаких преступлений не совершали. И даже наоборот – преступления были совершены в отношении многих из них.

По закону заседание суда о недобровольной госпитализации должно состояться в течение восьми суток после поступления человека в больницу. Суд над Ларисой Арап состоялся только через двенадцать суток. Ее друзья и родственники говорят, что, судя по поведению врачей, его бы и вовсе не было, если бы не их протестующие крики. Но даже опре-

деленные законом восемь суток – это очень много! И сутки много. Мне рассказывали люди, которых по разным причинам кто-то решил закатать в психушку, что там их сразу же начинали колоть и давать таблетки, доводили до невменяемости, а потом демонстрировали суду. «За трое суток меня так закололи, – рассказывала одна из этих жертв, – что, когда привели на суд, я волочила ноги, все было как в тумане, язык вываливался изо рта, как ни старалась я держать его на месте».

Когда человек совершает преступление, находясь не в своем уме, вместо тюрьмы его отправляют в психбольницу, и это называется *принудительным* лечением. А если он никаких преступлений не совершал, то его решением суда приговаривают к *недобровольному* лечению. Разные слова нужны юристам, чтобы отличить преступника от невинного страдальца. Но, по сути, и то, и другое «лечение» носит карательный характер и является заключением, а не лечением.

Для того чтобы судьи действительно видели, кого они приговаривают к заключению в психушке (а это обычно хуже тюрьмы), «обвиняемый» до суда вообще не должен попадать в руки к психиатрам. Если он действительно буйный – не проблема, пусть посидит в милицейском «обезьяннике». Такое правило могло бы гарантировать, что во время суда у здоровых людей язык не будет вываливаться изо рта.

Лариса в знак протеста объявила голодовку. С одной стороны, это был удачный ход: в течение пяти дней голодовки никакими препаратами ее не кололи и даже два раза дали позвонить домой. Но с другой... психиатры расценили голодовку как еще одно доказательство психического заболевания и подвергли Ларису принудительному кормлению.

Пока Лариса мучилась в психушке, ее товарищи буквально весь мир подняли на уши. В кабинетах мурманских чиновников трезвонили междугородние и международные звонки, и разные люди требовали от них отчета, в городе что-то вынюхивали немецкие, американские, скандинавские журналисты, питерские правозащитники терпеливо объясняли мурманским чиновникам и администрации психбольницы, сколько раз они нарушили закон в отношении Ларисы Арап. Главврач областной больницы Е.Н. Зенин был несказанно удивлен такими претензиями и поделился с Еленой Васильевой, что «такого у них еще не было» (имея в виду жалобы на незаконность их действий) и госпитализации проходили «по накатанной колее, без всяких там прав пациентов».

Прибыла группа московских психиатров под руководством президента Независимой психиатрической ассоциации Юрия Савенко. Они приехали по просьбе Уполномоченного по правам человека в РФ Вла-

димира Лукина для того, чтобы провести независимую экспертизу. Осмотрев Ларису Арап, они сообщили:

– Да, Лариса серьезно больна. У нее тяжелый невроз, который развился во время пребывания в психиатрической больнице. Заболевание может быть вылечено за пять-шесть дней, проведенных в домашней обстановке, в окружении близких. Поэтому Лариса не только не нуждается в недобровольном продолжении лечения, но лечение в стационаре только ухудшит ее состояние. И уж конечно, она не представляет никакой угрозы для себя и окружающих.

Но суд проигнорировал это заключение. Это был уже второй суд. Первый приговорил Ларису Арап к «лечению» в мурманском ПНД на том основании, что она якобы «опасна для себя и окружающих» (статья 29, пункт «а» Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»). А второй суд вынудили провести правозащитники в областной больнице, куда позднее перевели Ларису из ПНД. Скандал к тому времени был уже в самом разгаре, и психиатры решили быть осторожнее, прося согласия суда госпитализировать Арап в недобровольном порядке по пункту «в» (состояние здоровья больного ухудшится, если он будет оставлен без психиатрической помощи). Такое утверждение, согласитесь, довольно трудно опровергнуть. И хотя столичная комиссия сумела это сделать и даже доказала обратное, судья принял сторону местных психиатров.

Как ни уверяла Лариса, что понимает, что ей надо лечиться после перенесенных стрессов и что будет строго следовать указаниям докторов, – суд был непреклонен. А ведь в законе определенно сказано: «...если человек готов получать амбулаторное лечение по месту жительства, основания для лечения в стационаре по ст. 29 „в“ отпадают!»! Но Ларису Арап не хотели выпускать на волю: оставалась еще одна опасность – опасность появления еще какой-нибудь публикации, вроде той статьи «Дурдом».

20 августа психиатры все же отпустили возмутительницу спокойствия мурманских болот. Они сохранили лицо и, преисполненные достоинства, сказали все еще стоящей на ушах мировой общественности:

– Ну, вот теперь, когда мы ее хорошо подлечили, она может продолжать лечение амбулаторно.

Так удалось спасти от невменяемости, до которой ее непременно долечили бы в психушке, одну маленькую женщину. Но я все продолжаю думать о той злополучной статье «Дурдом». Кто спасет остальных узников?

ГРАЖДАНСКАЯ КОМИССИЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Тел.: 8 (812) 764-30-39;
8 (812) 331-95-40;
8-904-513-94-32

Электронная почта: cchrspb@mail.ru
Веб-сайт: www.cchr.spb.ru

Гражданская комиссия по правам человека (ГКПЧ) работает в Санкт-Петербурге с 1998 года. Цель комиссии – разоблачение нарушений прав человека в области психиатрии. Комиссия регулярно проводит различные просветительские акции и кампании для просвещения людей о вреде, причиняемом психиатрией, собирает подписи под петициями против различных деструктивных инициатив психиатров, проводит передвижные информационные выставки в Санкт-Петербурге.

За время с 1998 по 2006 год в ГКПЧ СПб обратилось около 1000 человек с жалобами о нарушении их прав психиатрами, из которых задокументировано более 200 случаев злоупотреблений со стороны психиатров.

В сентябре 2003 года психиатры института им. Сербского подготовили поправки для внесения в действующий закон «О психиатрической помощи...», нарушающие несколько основополагающих статей Конституции в отношении прав человека. Одна из них касалась определения тяжелого психического расстройства: «Тяжелым психическим расстройством называется такое, которое лишает лицо способности дать осознанное согласие на предлагаемую психиатрическую помощь, а именно: лечение (ст. 11), освидетельствование (ст. 23), госпитализацию (ст. 29) либо отказ от нее». Другая же давала бы психиатрам возможность проводить недобровольное лечение без санкции суда в течение 10 дней.

Усилиями ГКПЧ СПб и России этот законопроект был остановлен на этапе рассмотрения.

В 2004–2005 годах доклад исполнительного директора ГКПЧ С.-Пб, содержащий подробный обзор положения дел в отечественной психиатрии и предложения по усовершенствованию этой области, был разослан депутатам Законодательного собрания Санкт-Петербурга, депутатам Государственной Думы РФ, сотрудникам Аппарата Президента Российской Федерации.

В 2006 году в апреле в Москве состоялся психиатрический форум, организованный фондом «Внимание», на котором предлагалось начать в РФ ставить детям диагноз СДВГ (синдром дефицита внимания и гиперактивности) и назначать лечение сильнодействующими наркотическими препаратами, например риталином. Туда также были приглашены психологи и педагоги. ГКПЧ провела большую разъяснительную работу среди спонсоров этого форума, в результате которой многие из них отказались спонсировать это мероприятие. Также было проведено множество акций со сбором подписей против постановки данного диагноза, и эти подписи были направлены в Комитет здравоохранения, Государственную Думу. А в сам день форума ГКПЧ организовала пикет, и все посетители форума были осведомлены о вреде этого психиатрического «лечения».

С 2004 года ГКПЧ проводила по всей стране выставку «Разрушенные жизни – разоблачение психиатрии». Она проводилась в Законодательном собрании Ленинградской области, Петропавловской крепости, в выставочном зале «Смольный», внутреннем дворике пятизвездочного отеля «Невский Палас», Доме кино и Музее скульптуры, в Москве в «Грузинском доме» на Арбате, Российской государственной библиотеке, в стенах Государственной Думы РФ, Московском Доме журналиста. В декабре 2004 года выставка была приглашена на конгресс «За права человека против диктатуры», а также демонстрировалась в других местах.

В конце 2006 года в России открылась новая выставка – «Психиатрия. Индустрия смерти», содержащая гораздо больше информации о психиатрии, в том числе 14 документальных роликов, показывающих историю и действительность психиатрии.

Елена Васильева

Возобновление психиатрических репрессий

Вот события последних двух дней в подробном изложении.

В четверг мы ждали прилета независимой комиссии. Сегодня Юрий Савенко, председатель комиссии, с уверенностью сказал, что отсутствие билетов на утренние полупустые самолетные рейсы – это происки тех, кто не хотел, чтобы комиссия приехала вовремя. Адвокат Ларисы тоже не смог добраться вовремя. Словом, все они вылетели в Мурманск в четверг вечером.

По техническим причинам самолет был задержан и прилетел в Мурманск вместо 22.00 в 00.30. В аэропорту мы сообщили членам комиссии, что на пятницу экстренно назначен суд о продолжении принудительного лечения Ларисы.

Людмила Виноградова, психолог, член комиссии, предложила изменить планы. Оказывается, члены комиссии были приглашены с утра в Мурманский облздравотдел. По телефону чиновники уверяли, что они все успеют сделать за пятницу – и в Мурманске встретиться, и Ларису освидетельствовать, и с документами ознакомиться. Но до Апатитов ехать 3 часа на машине. А суд был назначен на 11.00. Члены комиссии решили, несмотря на усталость, выехать в Апатиты в 5.30 утра. В дороге они познакомились со всеми документами. Особенно их «порадовали» выводы КЭК, которые легли в основу решения суда от 18 июля. Цитирую: «...комиссия установила у пациентки расстройство психики. "Меня связали и избili" – это бредовое состояние» и т.п. (Не имею права печатать без согласия родственников, но там все в том же духе.)

В 9.00 мы приехали в больницу и вместе с немецкими тележурналистами вошли в приемную главного врача. Нас по всем признакам не ждали.

Главный врач и его заместитель попытались нас выставить, но вовремя одумались. Журналистов попросили покинуть здание больницы – это право врачей, и мы его не оспаривали. Разрешили остаться наблюдателю от центрального офиса ОГФ, мне как доверенному лицу и родственникам, дочери и мужу.

В течение получаса главный врач с заместителем скрупулезно изучали документы и полномочия комиссии, после чего был объявлен вердикт: комиссия и адвокат Ларисы из Петербурга Дмитрий Бартедьев идут к Ларисе. Главный врач сначала был против моего присутствия, но затем согласился с доводами адвоката о том, что Лариса находится в неведении и не может знать, что они – члены независимой комиссии. И только если я лично представлю их Ларисе, она поверит.

В отделении я представила Ларисе каждого члена комиссии и адвоката. Дмитрий Бартедьев приступил к своим обязанностям и, к неудовольствию главного врача, предложил Ларисе выйти из кабинета вместе с ним. Он объяснил Ларисе ее права и обязанности, в частности, он объяснил, что закон позволяет Ларисе сделать выбор: проводить освидетельствование в присутствии врачей этой больницы или без них. Лариса попросила проводить обследование без врачей больницы. Я ушла, следом за мной отделение покинули и руководители в белых халатах.

Освидетельствование длилось полтора часа. Без пяти одиннадцать во двор больницы въехала машина с судьей и прокурором. И в 11.00 начался суд. Я и наблюдатель от ОГФ были допущены на слушания, журналисты – нет.

Ларису посадили посредине кабинета главного врача на жесткий неудобный стул. Она просидела так до самого вечера (суд закончился после 18.00 с перерывом на 1 час).

Зачитав исковое заявление, суд приступил к работе.

Судья попросил членов комиссии предъявить дипломы об образовании и подтвердить суду свою компетентность. Эксперты объяснили, что не знали о судебном слушании и потому дипломов с собой не имеют. Ссылка на доверенности от Лукина суд не посчитал доказательством компетенции и полномочий врачей. По счастливой случайности у Владимира Прокудина оказались с собой необходимые дипломы, подтверждающие все его звания и регалии.

Подробно описывать все я не в состоянии, но сразу резануло уши то, что лечащий врач настаивал на принудительном лечении Ларисы, поскольку она отказывается принимать лекарства и не считает себя больной. Адвокат опроверг эти доводы, поскольку 4 августа Лариса

написала заявление на имя главного врача с просьбой перевести ее на дневной стационар, где указывала, что готова принимать лечение и прекращает голодовку. Это заявление принял заместитель главного врача, а на копии сделал пометку о принятии. Заместитель главврача отреагировал неожиданно. «Я не помню этого заявления, может оно затерялось. Я не помню, что подписывал, может, это не я», – пробурчал он. Главный врач сказал примерно то же: «Возможно, я не увидел его в папке, я в понедельник был в Мурманске и не успел разобрать почту». Лариса подтвердила, что готова продолжать лечение по рекомендациям независимой комиссии. Лечащий врач не смог ответить на несколько вопросов адвоката, и судья пыталась подсказывать ответы, задавая наводящие вопросы врачу.

Затем судья долго выспрашивала Ларису по поводу приведенных фраз из анамнеза, на основании которых врачи ставили ей диагноз.

– Вы утверждали, что вас в 2004 году беспокоила бессонница, почему?

Лариса вкратце рассказала об истории с кооперативом.

– Обращались ли вы в прокуратуру?

– Да, – ответила Лариса.

– Какие приняты меры?

– Никаких.

– Действительно ли взламывали дверь вашей квартиры? Действительно ли на вас в подъезде нападали?

– Вы говорили, что у вашего мужа обнаружили жучки в животе...

– Это кто такое придумал? Я говорила, что в 2004 году мы решили проверить розетки, поскольку подозревали возможность прослушки.

– Вы состоите членом ОГФ, расшифруйте, что это такое, – попросила судья.

– Объединенный гражданский фронт.

– Чем он занимается?

– Защитой конституционных прав людей.

– Давно ли в нем состоите?

– Больше полугода.

– Какова ваша должность в этой организации?

– Я рядовой член, помогаю готовиться к акциям, организовывать разные мероприятия.

Лариса спокойно ответила на все, в том числе нелепые и откровенно провокационные вопросы, причем иногда очень подробно.

Затем объявили перерыв на час, и в 15.00 суд продолжился. Вызывали свидетелей, мужа и дочь Ларисы. Им задавали почти те же вопросы

про 2004 год, и каждый из них подтвердил слова Ларисы о том, что у них испортились отношения с соседями из-за той истории и они приняли решение переехать, чтобы положить конец всяким склокам и слухам.

Затем слово дали экспертам. Владимир Прокудин резюмировал суду вывод о том, что в 2004 году Лариса не была больной и что ее госпитализация была вообще ничем не обоснованной. Он утверждал, что Лариса обязательно должна быть выписана из больницы, поскольку диктат со стороны докторов, с которым она столкнулась, не будет способствовать ее выздоровлению, что члены комиссии, обследовав ее, обнаружили болезнь, которую можно вылечить, состояние Ларисы улучшится за 4–6 дней, но только в домашних условиях, в окружении родных и близких. Ознакомившись с назначениями, он видит, что они сделаны правильно, но существуют более действенные современные препараты, которые можно применять дома. Лариса, по мнению комиссии, не представляет угрозы для себя и окружающих и не нуждается в принудительном продолжении лечения. Она полностью доверяет выводам экспертов и готова принимать все необходимые препараты в домашних условиях. Лариса несколько раз подтвердила суду, что понимает, что ей надо лечиться после перенесенных стрессов, и она будет серьезнейшим образом следовать указаниям столичных докторов.

Эксперт был максимально тактичен, а главный врач во время заседания вел себя нервозно, пытался всем навязывать свое мнение. Главврач начал перебивать эксперта, ставя под сомнение его компетентность, а заодно и компетентность других членов комиссии.

Эксперт констатировал:

– В течение всего дня я наблюдаю Ларису. Это спокойная, образованная женщина, она ведет себя достойно. Нормальному человеку трудно перенести такое напряжение, как этот суд, а она не теряет самообладания, спокойно отвечает на все вопросы.

Главный врач парировал:

– Я ее наблюдаю с 27 июля, а вы с ней общались менее 40 минут.

Прокудин поправил:

– Более полутора часов беседы нашей комиссии было достаточно, чтобы определить диагноз и понять, может ли Лариса Ивановна представлять угрозу для себя и окружающих, желает ли она принимать лечение, будет ли следовать нашим указаниям. И наш вывод: Лариса Ивановна должна быть немедленно выписана из больницы.

Адвокат Дмитрий Бартенев очень обстоятельно и подробно перечислил все обстоятельства, которые с точки зрения закона суд обязан учесть при принятии решения. Подробно остановился на том, что Ла-

риса находится не в том состоянии, когда ее необходимо принудительно лечить. Адвокат попросил суд принять решение о немедленной выписке Ларисы из больницы.

Перед вынесением решения мы вышли в коридор. Я еще утром купила Ларисе клубнику, и она с огромным удовольствием ее ела. «Как я хотела клубники, спасибо, что привезла». Она очень надеялась, что произойдет чудо, хотя сказала мне: «Лена, они не выпустят меня отсюда».

Решение огласили. Экспертные заключения специалистов независимой комиссии не были приняты во внимание. Ларису тут же увели три медработника. Она сдерживалась, как могла, чтобы не расплакаться.

В коридоре бушевал Евгений Николаевич:

– Елена Борисовна, будьте точны в мелочах, именно с маленькой полуправды начинается большая ложь. Я требую публично извиниться за публикацию в вашем издании и признать, что факты, приведенные в статье, не подтвердились. Вы боитесь в этом признаться, потому что карточный домик, построенный вами на переживаниях вашей коллеги и ее родных, рухнул.

«Заело пластинку», – подумала я, в тысячный раз за день услышав эту тираду. Людмила Виноградова вздохнула с иронией: «Кажется, у него бредовое состояние».

Выводы комиссии, я думаю, мы скоро узнаем.

Забегая вперед, могу сказать словами Юрия Савенко: «Принудительная госпитализация Ларисы абсолютно незаконна и безосновательна... На примере Ларисы Арап мы увидели, что карательная психиатрия возвращается из 37 года». На мой вопрос, правильно ли я поступила, когда привлекла внимание прессы к Ларисе, он ответил: «Вы все очень правильно сделали. Вы – героическая женщина. И я понимаю, насколько вам сейчас трудно и сложно». Спасибо за добрые слова, а то приходится читать кучи писем, среди которых попадает такое...

Наблюдатель от ОГФ не могла успокоиться: «Это же с ума можно сойти. Дурдом какой-то». Все чувствовали опустошенность и надвигающуюся безысходность... над всей страной...

P.S. Пресс-конференцию с комиссией из десятка приглашенных мурманских СМИ посетил только один телеканал – Северо-Западное вещание. По иронии судьбы, уходя после пресс-конференции, я столкнулась с одним журналистом ГТРК. Он мне сказал:

– Приказ главного нашего начальника не рассказывать в регионе о Ларисе звучит примерно так: «Нечего терять время и связываться с этими сумасшедшими».

И о политике для тех, кто утверждает, что это – политический пиар.

Да, мы от ОГФ Мурманской области направляли заявление в прокуратуру. То, что статья «Дурдом» вышла в свет именно в нашей газете, – это факт, но не политика. А то, что меня не допустили на пресс-конференцию 1 августа, так как «Елена Васильева является членом Объединенного гражданского фронта» (слова А. Рубина, заместителя начальника Комитета по здравоохранению Мурманской области) – это политика!

Мы пытаемся спасти человека, а они – честь мундира, и это политика.

Я неоднократно беседовала и с главным врачом, и с его замом по лечебной части. И предлагала по-человечески: переведите вы Ларису назад в Мурманск на дневной стационар, и все стихнет. Но нет. Должно быть только так, как они решили (какие там права человека, на черта им федеральные законы!). И они упорно продолжают нарушать законодательство, не боясь уголовной ответственности. Вот это политика!

Это политика безнаказанности и вседозволенности. Последним решением суда был нанесен сокрушительный удар по нервам Ларисы. Сотворили эти врачи благо? Нет! Они даже представить не могут, что есть такие статьи уголовного закона, как причинение существенного вреда здоровью.

Сознательное издевательство над человеком – это политика.

*12 августа 2007 года
Мурманск*

Юрий Савенко

История Ларисы Арап, или Как поместить любого в психиатрическую лечебницу?

5 июля 2007 года активистка Объединенного гражданского фронта (ОГФ) Лариса Арап была принудительно доставлена в стационар психоневрологического диспансера г. Мурманска в сопровождении милиции «в возбужденном состоянии» из кабинета участкового психиатра, к которому она обратилась за справкой для вождения автомобиля. По утверждению представителей Фронта, Лариса Арап психически здорова и в помощи психиатров не нуждалась. Тем не менее она была госпитализирована в недобровольном порядке в соответствии с п. «а» ст. 29 Закона «О психиатрической помощи» как представляющая непосредственную опасность для себя и окружающих. 18 июля Ленинский районный суд г. Мурманска санкционировал это решение. 26 июля, неожиданно для родственников и ее самой, Лариса Арап была переведена в Мурманскую областную психиатрическую больницу, которая расположена в 250 км от Мурманска в г. Апатиты. 6 августа на фоне мощной кампании протеста администрация больницы обратилась в суд с просьбой продлить принудительное лечение Ларисы Арап по п. «в» ст. 29, согласно которой оставление без психиатрической помощи может нанести «существенный вред здоровью вследствие ухудшения психического состояния».

За время пребывания в стационаре Лариса Арап неоднократно выражала протест против своего недобровольного лечения, объявляла голодовки. В последнее время она не отказывалась от лечения, обращалась к руководству больницы с просьбой перевести ее в дневной стационар, обещала принимать назначенное лечение. С аналогичными просьбами обращался муж Ларисы, гарантируя оказание содействия

Текст, размещенный на сайте НПА, был обрезан по отмеченной линии, что полностью меняет его смысл.

в лечении Ларисы дома. Однако 10 августа городской суд г. Апатиты вопреки аргументации нашей комиссии дал санкцию на принудительное лечение Ларисы Арап в психиатрическом стационаре, что позволяет врачам больницы не выписывать ее в течение 6 месяцев.

Шум в международной прессе по этому поводу стал действенным фактором дальнейшего развития событий, вызывая контрреакцию властей. Является ли этот случай использованием психиатрии в политических целях? Этот вопрос взбудоражил столь многих, что сама эта реакция уже делается положительным фактором.

По предложению Независимой психиатрической ассоциации России Уполномоченный по правам человека Владимир Лукин создал специальную комиссию для независимого освидетельствования Ларисы Арап и оценки обоснованности ее недобровольного стационарирования.

9–11 августа 2007 года комиссия из членов НПА России (психиатров Ю.С. Савенко и В.Н. Прокудина и медицинского психолога Л.Н. Виноградовой) вопреки целому ряду препятствий посетила Мурманскую областную психиатрическую больницу, сумела изучить материалы дела и медицинскую документацию, провести клинко-психопатологическое исследование Ларисы Арап (до неожиданно назначенного суда) и принять участие в судебном заседании.

Комиссия установила, что у Ларисы Арап действительно имеются психические расстройства, требующие лечения, и подтвердила диагноз, который был поставлен в 2004 году.

Психиатры Мурманской областной ПБ согласились, что внесенное ими изменение «приступообразной» формы течения на «непрерывную» является преждевременным и не может быть обосновано. Однако действия психиатрической службы Мурманской области существенно нарушили права Ларисы Арап. Прежде всего, принудительное стационарирование в психиатрический стационар 5 июля 2007 года было необоснованным, поскольку она не представляла «непосредственной опасности» ни для себя, ни для окружающих. Никаких примеров и признаков такой опасности приведено не было.

Грубая форма стационарирования, с привлечением сотрудников милиции и применением насилия в приемном покое, нанесла моральный и психический ущерб Л. Арап, вызвала реакции протеста – от «попыток рвать занавески» до трех голодовок, которые упорно выдавались главным врачом за «непосредственную опасность для себя и окружающих». Доводы о необходимости лечения, которые не доносятся до больного в психотерапевтической форме, и грубая принудительность не

только препятствуют полноценному лечению, но и обостряют подозрительность, отчужденность, недоверие.

Судебное решение Ленинского районного суда г. Мурманска о госпитализации Л.И. Арап в психиатрический стационар без ее согласия было вынесено 18 июля 2007 года, то есть спустя 13 дней после ее помещения в стационар, а не 7, как требует закон «О психиатрической помощи». При этом с первого дня Л.И. Арап получала лечение психотропными препаратами, использование которых сильно напугало и саму Ларису, и ее родственников. Перевод Л.И. Арап 26 июля 2007 года в Мурманскую областную психиатрическую больницу, расположенную в г. Апатиты за 250 км от ее места жительства, был проведен без согласования с родственниками и без предварительного уведомления Ларисы Арап и противоречил требованиям Закона о лечении в наименее ограничительных условиях, по возможности по месту жительства. Лариса оказалась оторванной от своих близких, что также ухудшило ее психическое состояние и течение заболевания.

Суд, длившийся почти 7 часов и предлагавший обеим сторонам найти компромиссное решение, уступил требованию прокурора и администрации больницы. Между тем продолжение принудительного лечения Ларисы Арап в настоящее время грубо противоречит мнению комиссии и согласию Ларисы на амбулаторное лечение по месту жительства, подкрепленному готовностью семьи оказывать ей всяческое содействие. Это удалось сделать не пустым обещанием благодаря атмосфере полного доверия к рекомендациям нашей комиссии. Достигнутый терапевтический эффект подвергся испытанию психотравмой в связи с отказом от перевода на амбулаторное лечение, что было продиктовано явно не медицинскими соображениями. Рвение дошло до обесценивания главным врачом на судебном заседании (в присутствии больной!) той терапии, которая обеспечивает возможность надежной амбулаторной терапии. Между тем дочь Л. Арап за интервью в защиту матери была уволена с работы.

Решение суда будет оспорено в кассационной инстанции. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Владимир Лукин обещал взять дело Ларисы Арап под свой личный контроль и оказывать ей поддержку на всех этапах дальнейших судебных разбирательств.

Добившись решения суда, удовлетворившего амбиции местной администрации, врачи больницы заверили нас, что очень быстро переведут Арап на амбулаторное лечение. Однако международный ажиотаж вокруг этого дела задел амбиции и центральной власти, прежде всего психиатрической, в лице Государственного центра социальной и

судебной психиатрии им. Сербского. 16 августа в прямом эфире радиостанции «Говорит Москва» история с Л. Арап в течение часа обсуждалась членом экспертной комиссии Л.Н. Виноградовой и заместителем директора Центра им. Сербского З.И. Кекелидзе. Ведущий Роман Доброхотов, выбирая Л.Н. Виноградову, колебался, кого пригласить для дискуссии с ней: представителей антипсихиатрии или государственной психиатрии. Дело в том, что позиция НПА России является взвешенной – мы против полицейской психиатрии, но и против антипсихиатрии, которая отождествляет полицейскую психиатрию со всей психиатрией и вообще не признает психиатрию наукой.

В результате все увидели агрессивную воинственно-начальственную манеру представителя руководителя Центра им. Сербского, который начал с возмущения: «Как! Здесь нет психиатров? Разве я могу обсуждать с вами диагноз, лечение, осложнения? Вы работали когда-нибудь в психиатрии?» – «Да, работала много лет в Институте психиатрии, но мы не только не вправе обсуждать по радио диагноз и лечение, что вы, конечно, знаете. Главное, что не в этом дело. Мы не оспариваем ни диагноз, ни лечение. Все дело в грубых правовых нарушениях». Было хорошо видно, что представитель Центра Сербского не знал и не интересовался никакими подробностями этого дела, широко освещенного в прессе, но мнение о нем, притом непреклонное, уже имел. Он даже не выслушал результаты работы комиссии. Наоборот, грубо перебивал оппонента, говорил в сторону, переходил на личности, подменяя доводы нахрапистым стилем и пиаром своего недоброй славы учреждения, которое «по зову сердца» помогает всем пострадавшим, регулярно проводит день открытых дверей и т.д. и т.п. И намеренно заполнял время проблемами, не имеющими к Л. Арап никакого отношения. Это отражало и характерное отсутствие всякого интереса и участия к судьбе конкретной больной, в истории которой, по его мнению, полностью права больница, так как амбулаторная терапия может вызвать «злокачественный нейролептический синдром», а отделений по его лечению почти нигде нет. То есть оседлал свою привычную тему, не имеющую отношения к заявленной проблеме.

Такая позиция Центра им. Сербского – этого «министерства психиатрии», откровенно проводящего политику полицейской психиатрии, ясно сформулированную в предназначенной для широкого читателя книге директора этого центра Т.Б. Дмитриевой «Альянс права и милосердия», – крайне неблагоприятна для разумного исхода истории Ларисы Арап и идет вразрез с призывом Уполномоченного по правам человека решить этот вопрос в течение ближайшего времени, не до-

жидаясь апелляции, что было бы на благо и больной, и больнице, и даже престижу страны.

Символично, что этот призыв и само разбирательство дела Ларисы Арап прозвучали 14 августа на очень представительной, с участием десятков отечественных и зарубежных органов СМИ, пресс-конференции в газете «Комсомольская правда», посвященной мрачному юбилею трагедии 1937 года.

Руководство Центра им. Сербского до сих пор апеллирует к Комментарию к закону «О психиатрической помощи», составленному в 2002 году и не отвечающему духу самого Закона, принятого в 1992 году. В соответствии с этим Комментарием, отражающим традиции полицейской психиатрии (которой решительно противостояли все классики отечественной психиатрии и которая задачу психиатрии видит в защите общества и государства от психически больных, а не в защите этой самой уязвимой во всех отношениях категории граждан от общества и государства), все пункты ст. 29 – «а», «б» и «в» – равнозначны, а слово «непосредственная» излишне. Знак равенства между непосредственным риском убийства, самоубийства или тяжелых физических повреждений и растратами, загулами, подрывом своей репутации, порчей имущества и т. д. отражает установку авторов Комментария на грубую расширительность недобровольных мер.

После трех попыток Государственного центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского на протяжении пяти лет (1998–2003 гг.) вынести на думские чтения поправки и дополнения такого рода к Закону, которые НПА России и широкой общественности удалось успешно оспорить, эти поправки были окончательно сняты с обсуждения.

Поэтому важно подчеркнуть, что комментарии к закону «О психиатрической помощи» писались авторами отклоненных поправок, а сами комментарии не имеют статуса нормативных правовых актов. Поэтому ссылки на этот Комментарий 2002 года отражают установки, отвергнутые в 2003 году, когда было отклонено их правовое закрепление.

Дело Ларисы Арап, уже далеко не первое и не самое грубое, оказалось прецедентным – куда пойдет отечественная психиатрия или, вернее, куда ее поведет власть? Несомненно, что мы стоим на пороге возможного широкомасштабного использования психиатрии в политических целях, для чего уже не требуется распоряжений властей. Все технологии давно отработаны и наготове. Это будет происходить автоматически.

От власти требуется сейчас окрик в адрес ее слишком рьяных исполнителей, не считающихся с имиджем страны.



Общероссийская общественная организация «НЕЗАВИСИМАЯ ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ РОССИИ»

НПА России – негосударственная профессиональная и правозащитная организация, создана в марте 1989 года. С октября 1989 года является членом Всемирной психиатрической ассоциации.

В настоящее время НПА России насчитывает около 600 членов в 54-х регионах страны – от Чукотки и Владивостока до Мурманска и Калининграда.

Приоритеты Ассоциации выработаны на основании анализа профессиональных причин злоупотребления психиатрией в 60–80-е годы. Это:

- разгосударствление, демополизация и децентрализация психиатрической службы;
- реальное укоренение правовой основы психиатрии;
- утверждение новой научной парадигмы с учетом примата клиницизма и феноменологического метода.

С момента организации Ассоциации были созданы общественная приемная и независимая экспертная комиссия, которые ведут 3 раза в неделю бесплатный прием всех, кто считает что их права были нарушены в связи с психиатрией. За 15 лет работы консультации получили более 8 тысяч человек. Экспертная комиссия НПА добилась права на предоставление ей медицинской документации, включения ее членов в государственные судебно-психиатрические экспертные комиссии.

С 1991 года НПА издает ежеквартальный профессиональный «Независимый психиатрический журнал».

НПА положила начало регулярным открытым клиническим разборам и семинарам по правовым и правозащитным вопросам психиатрии, по социальной реабилитации психически больных, по взаимоотношению психиатрии и религии. Наиболее представительными стали ежегодные Консторумские чтения памяти выдающегося российского психотерапевта Семена Консторума.

Независимая позиция НПА позволила ей в течение 15 лет держаться строго научной и ровной гражданской позиции, противостоять попыткам использования психиатрии в немедицинских целях.

Приемная НПА находится в Российском исследовательском центре по правам человека по адресу: Москва, Колпачный пер., д. 7, стр. 2, рядом с Покровскими воротами (м. «Китай-город» или «Чистые пруды»). E-mail: info@npar.ru

НА ТОМ СТОЮ

ЗАЩИТНИКИ

Максим Прытков

«Дружба» вышла боком

Последние два десятилетия изменили в нашей жизни все. Трансформировали представления, порядок, нормы и интересы. Людей и государство, его охранников и их антагонистов, «гражданское население» и людей в погонах. Результаты и последствия этой трансформации мы ощущаем на себе ежедневно.

Скажи кому лет тридцать назад, что люди, не связанные с криминальным миром (не ушедшие, по словам барда, «из подворотен ворами»), будут испытывать страх (да что там страх – временами панический ужас) перед человеком в серой милицейской форме... Что презрение и ненависть станут отличительными чертами отношения большинства к наследникам дяди Степы и Анискина... Что само понятие о нормальном, честном, живущем по закону и защищающем людей милиционере, сначала станет анекдотичным, а потом и вовсе исчезнет из представлений населения России, как небыль...

Милиционеров не существует, они никогда не существовали – вот что говорит нам реальность. Есть «менты», довольствуйтесь этим. И вместе с сомнительным, но хлестким термином, вырвавшимся из зоны и низкопробных «бешеных»-«крашенных»-«ряженных» в мягких обложках, на жителей нашей части суши полилось все, без чего, уж извините, никак.

«Менты», пусть так. Им, выходцам не с Марса, а из таких же граждан, дюже понравилось. Не всем, заметим: как и на гражданке среди них тоже встречаются несогласные. Но кто ж таких отщепенцев спросит? Во все времена модно и продвинуто быть «несогласным» с властью и ее борзостями, но куда маршировать несогласным, когда против

них логика реальности? Таким, как известно, в лучшем случае успеть бы вовремя сойти на обочину...

Остальные – естественно приспосабливаются. Им даже становится хорошо. Нормально. Шкура «мента» прирастает быстро. Трансформация – она погон не различает и корежит всех. И все становятся достойными друг друга. Логика реальности.

Но еще есть и те, кто реально защищает право. Это правозащитники – действительные, а не мнимые. И это – уцелевшие «в битвах с логикой» сотрудники правоохранительных органов.

Как показывает опыт и как свидетельствует практика работы Комитета против пыток, объединение этих двух столь различных сил, их совместная кропотливая работа способны принести реальные плоды: укрепить закон и порядок, восстановить нарушенные права и интересы, удержать хаос всего «внеправового» в каких-то допустимых рамках. Да и просто помочь людям. Конкретным. Искореженным, хамоватым, порой даже и отвратительным, но – людям. Гражданам, чьи права и свободы не должны умаляться по определению – вне зависимости от того, насколько кто-то из этих граждан может быть по-человечески неприятен.

Таков закон. И его торжество в любых, самых нечеловеческих условиях современной России и современного мира – единственный путь к сохранению самого института права, к «удержанию Хаоса», к сохранению, если хотите, самого человека как разумного субъекта нашей трансформированной, но все еще живой реальности.

На этом пути – пути защиты Права и Закона – есть и неудачи, есть и успехи. Скоординированность действий, взаимное уважение, высокий профессиональный уровень участников – вот те условия, которые становятся жизненно необходимыми для достижения положительного результата.

В этом смысле значительны и показательны события лета 2006 года в курортном Сочи, их последствия и сегодняшняя ситуация.

Эти события наглядно демонстрируют и распространенную, увы, систему отношений граждан с милицией, и уровень правосознания офицерского состава МВД, и усилия специалистов из прокуратуры, по настоящему готовых работать «на Закон», – ответственных, высокопрофессиональных юристов, и работу правозащитников, реально защищающих нарушенные права простых людей.

События эти показательны для России вообще. Они при всей неоднозначности возможных интерпретаций говорят нам, что на самом деле не все еще потеряно и за преступлением все-таки последует наказание... Если постараться. Если очень постараться...

Итак, по порядку...

Летом прошлого, года, точнее 21 июля, в известную в Краснодаре правозащитную организацию «Матери в защиту прав задержанных и заключенных» позвонил корреспондент газеты «Вечерний Краснодар» Титов. Он рассказал о том, что в поселке Нижнее Макопсе, что в Лазаревском районе Сочи, в ходе проведения некоей милицейской спецоперации с участием сотрудников ОМОНа, были избиты местные граждане, в том числе несовершеннолетние.

Для того чтобы проверить эту информацию и объективно подтвердить или опровергнуть сообщение журналиста, группой российских правозащитных организаций, которые давно сотрудничают в сфере борьбы с практикой пыток, было решено создать и отправить в Макопсе «сводную мобильную группу» юристов-правозащитников. Такие группы – СМГ – новый и довольно интересный инструмент, придуманный для того, чтобы привлекать как можно больше специалистов из разных организаций для общественного расследования наиболее громких и массовых случаев нарушения милиционерами закона.

По прибытии на место к юристам из СМГ с заявлением о проведении общественного расследования и оказания юридической помощи обратилась местная жительница Астхик Мелконян. Давая объяснения, она рассказала, что ночью 19 июля 2006 г. она находилась у себя дома в Сочи, в поселке Нижнее Макопсе, когда около полуночи ей позвонила ее знакомая Валентина Челикян и сообщила о том, что около территории детского оздоровительного комплекса (ДОК) «Дружба» сотрудниками ОМОНа задержан ее несовершеннолетний сын Геворг Мелконян и что омоновцы собираются увезти его в РОВД. Территория ДОК «Дружба» находится примерно в трехстах метрах от ее дома, и Мелконян вместе с мужем через несколько минут прибежала к воротам детского комплекса. Там она увидела два автомобиля «УАЗ» и автобус. Вокруг машин было много сотрудников милиции в зеленой камуфлированной форме (часть из них были в масках). Скоро вокруг машин собрались местные жители. Мелконян, обращаясь к сотрудникам ОМОНа, потребовала объяснить происходящее и выдать ей сына Геворга и тринадцатилетнего племянника Артема, который должен был быть вместе с Геворгом. Сотрудники ОМОНа ответили женщине отка-

зом. Поняв, что автобус собирается отъезжать, она встала перед автобусом и заградила ему дорогу. К ней также присоединились другие женщины, но все они были оттеснены сотрудниками ОМОНа. После этого она с мужем поспешила к себе домой. Взяв документы, удостоверяющие личность детей, Астхик, вместе с сестрой, племянником Гургеном и мужем поехала в РОВД Лазаревского района. Там, во дворе отделения милиции, женщина увидела стоящих вдоль забора детей. У них был подавленный вид, на некоторых одежда была разорвана и испачкана. Среди них был и несовершеннолетний сын Астхик Мелконян Геворг, но племянника, Артема Оганесяна, среди детей не было.

Зайдя в здание, она увидела Артема, стоящего у стены около стола. Он был босиком. С ним разговаривала какая-то женщина в милицейской форме. Мелконян сразу обратила внимание на то, что у Артема подавленный вид, а на шее, в районе кадыка – большой синяк. Одежда на мальчике была потрепана и испачкана. Осмотрев племянника, она увидела, что он весь в кровотокающих ссадинах, у глаза синяк, а на спине, в районе лопаток, два красных пятна, напоминающие след от ботинка.

В документе, подписанном ею в здании РОВД, она указала, в каком состоянии нашла Геворга и Артема. Там же Геворг жаловался ей на плохое самочувствие. Во дворе РОВД оказался участковый, отвечающий за квартал, в котором живут Мелконяны. Он посоветовал матери написать заявление.

Вскоре Геворгу стало хуже, он потерял сознание и был увезен на «скорой» с подозрением на сотрясение мозга.

Артем чувствовал себя не так плохо, и госпитализировать его не стали, но в это же утро в больнице его внимательно осмотрели медицинские работники и зафиксировали телесные повреждения. По ночам стали выявляться последствия перенесенного стресса: мальчик стал очень плохо спать, часто просыпался, вздрагивал во сне. Плюс – постоянный страх перед сотрудниками милиции.

Муж Астхик, Израил, рассказал, что он ночевал с сыном в больничной палате, так как Геворг боялся оставаться один, думая, что снова придут милиционеры и продолжат избиения.

Юристами СМГ был опрошен несовершеннолетний Артем Оганесян (он сам родом из Ростова и приехал к своим родственникам Мелконянам на лето). Он рассказал, что 18 июля, около 23.00 он вместе со своим 17-летним двоюродным братом Геворгом находился в кафе

«Оазис», расположенном на морском побережье. В это время в кафе забежали сотрудники милиции в зеленой камуфлированной форме и без объяснения причин стали бить посетителей, уложив их предварительно на пол лицом вниз. Геворг успел перепрыгнуть через ограду кафе и крикнул Артему, чтобы он делал то же самое. Но Артем его не послушал и пошел к выходу, где стоял один из омоновцев. Артем сказал милиционеру, что он несовершеннолетний и ему 13 лет. Но омоновец его не выпустил и заставил лечь вместе с остальными мужчинами. Оганесян, лежа на земле, видел, как омоновцы перебросили одного из задержанных через ограду кафе и этот человек сильно ударился о камни при падении. После того как всех мужчин уложили на землю, сотрудники ОМОНа стали ходить по спинам задержанных. По спине Артема тоже прошлись один раз. Затем милиционеры стали задавать вопрос «кто из Ростова?». Артем поднял руку. После чего один из сотрудников ОМОНа поднял Оганесяна за волосы и нанес ему несколько ударов, сказав, что «зря он поднял руку». Через некоторое время Артема подняли и отвели к туалету в кафе, где в течение двух-трех минут двое омоновцев били подростка по ребрам. Затем его снова отвели к остальным и снова положили на гальку. Сотрудники ОМОНа поняли, что Артем и Геворг братья, и стали бить их обоих, заставляя рассказать о том, что произошло в этом кафе 17 июля 2006 года. Геворг вступился за брата и сказал сотрудникам ОМОНа, чтобы они били его, а не Артема, так как Артему всего 13 лет. В ответ на это один из сотрудников ОМОНа закричал: «Молчать, гнида черножопая» – и нанес несколько ударов ногами по лицу и телу Геворга. Через некоторое время Артем услышал, как кто-то скомандовал: «Кто был 16-го числа – тех в «уазик», остальных в автобус». После этого всех задержанных стали поднимать и, загнув руки за спину, стали переводить к воротам ДОК «Дружба». Артем видел, что к тем людям, которые не могли быстро передвигаться, сотрудники ОМОНа применяли электрошокеры. К Геворгу также применялся электрошокер. Около ворот в ДОК «Дружба» всех задержанных стали рассаживать в автобус. В автобусе омоновцы сказали, чтобы армяне подняли руки. Руки подняли Оганесян, Мелконян и еще двое неизвестных Артему парней. Всем им пообещали, что за это они получат вдвойне. Вскоре автобус поехал. Оганесян слышал, как по дороге один из омоновцев предложил завезти всех в лес и там с ними «разобраться». На это предложение другой омоновец возразил тем, что это невозможно, так как следом едет целый автобус родителей.

По приезде в РОВД Оганесяна завели в здание, где женщина в милицейской форме записала его данные в какой-то документ. После

этого Оганесяна отпустили, и он находился около РОВД. Вскоре после этого его брату Геворгу стало плохо, и его из отдела милиции забрала в больницу «скорая помощь».

Рассказ о событиях той ночи дополнил охранник детского лагеря Николай Сердюк. 18 июля он заступил на дежурство на КПП лагеря.

По его словам, около одиннадцати часов вечера к воротам подъехал «уазик» – «таблетка» с милицейскими номерами синего цвета. Сердюк вышел за ворота, чтобы спросить, кто и зачем приехал. Навстречу ему с водительского места вышел мужчина в камуфлированной форме зеленого цвета и без объяснения причин нанес ему удар в лицо. Потом стал бить по затылку и по всему телу. Затем Николая затолкали в машину. Еще через несколько минут в эту же машину силой затащили еще двух людей. Это были Эдуард Адамян и Иван Михайлов. С ними Сердюк разговаривал около КПП до приезда машины. Сердюк видел, что на переднем пассажирском сиденье сидит мужчина в гражданской одежде, шортах и тапочках. Нос у него был перебит. Этот человек на вопрос Сердюка о причинах его задержания, ничего не говоря, ударил Николая в висок. Машина в это время ехала по территории комплекса к 10-му корпусу. Около него задержанных вытащили из машины, и Михайлова завели в другую, которая ехала следом. Сердюка и Адамяна сбили с ног и стали избивать ногами. Потом их посадили в ту же машину, что и Михайлова. Чуть позже их снова привезли к КПП и выкинули из автомобиля. Сердюк увидел, что около КПП собралось много жителей поселка, и он стал кричать, чтобы жители звонили родителям и родственникам отдыхающих, иначе всех здесь поубивают. Сотрудники ОМОНа тут же сбили его с ног и стали избивать. Во время избиения к нему несколько раз применялся электрошокер, в результате чего Николай потерял сознание. Очнулся он только в автобусе на полу, почувствовав, что на нем кто-то стоит. Он сделал попытку подняться, но ему не дали, и тот, кто на нем стоял, пригрозил, что если он будет дергаться, то «еще раз получит». И к нему снова применили электрошокер.

Затем автобус поехал в РОВД. Там Николаю предложили написать бумагу о том, что он никаких претензий к сотрудникам ОМОНа не имеет. Он, естественно, стал возражать. Тогда один из омовцев ударил мужчину по почкам. Николай закричал, что подпишет все, что скажут, только бы не били. Через некоторое время после того, как Сердюк написал соответствующую расписку, всех задержанных стали отпускать.

В подтверждение своего рассказа Николай передал правозащитникам медицинскую справку о проведении ультразвукового исследо-

вания почек от 22 июля 2006 года. Из заключения врача, проводившего исследование, следует, что у Сердюка обнаружена субкapsулярная гематома левой почки.

Слова Сердюка подтвердил и Михайлов, также пострадавший от «спецоперации».

В рамках предварительной проверки, которую провели правозащитники из сводной мобильной группы, было опрошено множество свидетелей – жители поселка, родители и родственники пострадавших, а также сами пострадавшие – А. Гобань, Е. Максимов, Л. Адамян, Е. Бондаренко, Н. Абушов, Е. Мартынова, Р. Адамян.

Многие из тех, кто общался с юристами из СМГ, подтвердили факт проведения специальной операции сотрудниками ОМОНа на территории детского лагеря, а также факты незаконного применения к жителям поселка и работникам «Дружбы» физической силы и специальных средств на территории кафе «Оазис» и непосредственно в самом лагере. Было зафиксировано наличие телесных повреждений и следов от применения электрошокеров на задержанных гражданах.

Из заявлений опрошенных становилось понятно, что «мероприятие», проведенное сотрудниками ОМОНа, не имеет ничего общего с профилактической операцией (как успели окрестить в СМИ эти события руководители ГУВД Краснодарского края, спасая извращенно понимаемую «честь мундира»). По мнению пострадавших и свидетелей, «мероприятие» стало обычной мезьей «правоохранителей» за то, что 17 июля (за день до побоища) в том же кафе «Оазис» двое сотрудников ОМОНа, находящиеся не при исполнении служебных обязанностей и будучи «в состоянии алкогольного опьянения» (а попросту говоря, изрядно «на бровях»), повздорили и по современному быдлачому обычаю подрались с неизвестными из Ростова. В результате банальной пьяной кабацкой драки милиционеры получили «телесные повреждения». Как следует из объяснений граждан, сотрудники ОМОНа и не скрывали истинного смысла этой своей «операции», объясняя очевидцам, что применяют силу, потому что «два дня назад на этом месте были избиты наши сотрудники».

Анализ собранного материала проверки дал юристам из сводной мобильной группы (говоря сухим и официальным языком права) основания **предполагать**, что сотрудники ОМОНа, выступая в официальном качестве и находясь при исполнении своих должностных обязанностей, совершили действия, явно выходящие за пределы их должност-

ных полномочий, а именно: осуществили задержание и доставку в отдел милиции граждан без законных оснований и при этом незаконно были применены физическая сила и специальные средства. Эти действия повлекли за собой существенное нарушение прав и законных интересов граждан. Проверкой также установлено, что многие граждане получили серьезные телесные повреждения. Двое граждан (Адамян и Мелконян) до сих пор находятся на стационарном лечении в городской больнице. Таким образом, в действиях сотрудников ОМОНа УВД города Сочи, принимавших участие в проведении спецоперации на территории пос. Нижнее Макопсе, **усматриваются признаки преступления, предусмотренного п.п. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ** – «превышение должностных полномочий, совершенное с применением насилия и спецсредств».

Подобные действия также указывают на наличие **признаков нарушения:** ст. 3 (Запрет применения пыток и жестокого обращения и наказания) и ст. 5 (Право на свободу и личную неприкосновенность) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Несовершеннолетний Артем Оганесян в своем объяснении указывает на то, что сотрудники ОМОНа выявляли среди задержанных представителей армянской национальности и избивали с особой жестокостью. Это обстоятельство подтверждается также объяснениями Адамяна Р.А., Мартыновой Е.В. и косвенно подтверждается объяснениями супругов Малконян, которым рассказывал об этом их сын Геворг.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что часть незаконных действий сотрудниками ОМОНа была совершена не только по мотивам мести, но и по мотивам национальной дискриминации. В этих действиях усматриваются признаки преступления, предусмотренного **ст. 282 УК РФ – «Возбуждение национальной вражды» в части унижения чести и достоинства по национальному признаку.**

Подобные действия также указывают на признаки нарушения **ст. 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод – «Запрещение дискриминации»**, а также нарушении Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания».

Так гласит заключение предварительной проверки, подготовленное специалистами под началом руководителя сводной группы, сотрудника Комитета против пыток Олега Хабибрахманова.

В ходе дальнейшего общественного расследования, которое начали проводить правозащитники, большинство этих предположений подтвердилось.

Как правило, представители общественных организаций, проводящие расследование тех или иных массовых милицейских «специальных операций», сталкиваются с откровенным нежеланием главного контрольного органа – прокуратуры – проводить эффективное официальное расследование. Ну, нет такого желания, и все. Пишите жалобы, заявления в суд и вышестоящему начальству... И отказное вам постановление в руки, и вперед в Европейский Суд или куда там вы, правозащитники, обычно бегаєте кляузничать. А мы своих не сдаем. Даже «сукиных детей»...

Как правило, примерно так и рассуждают следователи и прокуроры. Сотрудничеством равных и заинтересованных в торжестве закона здесь и не пахнет. Примеры – станица Бороздиновская, Ивановское, Бежецк, Благовещенск.

Сводные мобильные группы, в состав которых входили юристы из известных правозащитных организаций, таких как Комитет против пыток, фонд «Общественный Вердикт», «Человек и Закон», проводили общественные расследования по событиям в этих населенных пунктах. Во всех этих случаях правозащитники, к сожалению, очень часто сталкивались с неспособностью и нежеланием местных органов прокуратуры эффективно расследовать жалобы граждан на пытки со стороны сотрудников правоохранительных органов. В нарушение всех норм УПК и приказов Генеральной прокуратуры уголовные дела возбуждались с большим опозданием, следственные действия проводились несвоевременно и нецелесообразно, систематически нарушались права заявителей и потерпевших. Все эти нарушения привели к тому, что многие доказательства оказались утраченными. В результате допущенной волокиты производство по большинству этих дел продолжается до сих пор, а перспектива этих расследований, мягко говоря, вызывает тревогу.

В случае со «специальной операцией» в Сочи ситуация сложилась принципиально иная.

Еще во время проведения предварительной проверки юристами СМГ было установлено, что прокуратурой Лазаревского района города Сочи, в соответствии с УПК, было незамедлительно возбуждено уголовное

дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 286 УК РФ. Часть заявителей были признаны потерпевшими. Неотложные следственные действия были произведены вовремя. Правозащитники уже летом 2006 года констатировали, что «ведение официального расследования на настоящий момент соответствует критериям быстроты и своевременности... Оснований предполагать, что официальное расследование проводится неэффективно, на настоящий момент не имеется».

Отметим, что полное и всестороннее расследование происшедшего было затруднено тем, что большинство сотрудников ОМОНа действовали в масках, никому не представлялись и не предъявляли никаких документов. Кроме того, большинство потерпевших и очевидцев не были местными жителями и уехали из поселка в течение 7–10 дней после происшествия. Ситуацию значительно осложнило и то обстоятельство, что многие потерпевшие и свидетели, услышав в первые дни после происшествия комментарии официальных лиц ГУВД Краснодарского края, сделали вывод о том, что никто из виновных милиционеров не будет наказан и, опасаясь мести со стороны сотрудников ОМОНа, решили никуда не обращаться и не давать никаких показаний сотрудникам прокуратуры.

Несмотря на все эти обстоятельства, органами прокуратуры Краснодарского края были предприняты все предусмотренные законом меры для полного, всестороннего и объективного расследования данного происшествия.

Уголовное дело было возбуждено незамедлительно в точном соответствии с требованиями УПК РФ и приказами Генерального прокурора РФ.

В дальнейшем, следственной бригаде во главе со старшим следователем прокуратуры Краснодарского края Юрием Зинишей удалось провести предварительное следствие, отвечающее всем критериям эффективности, определенным в решениях Европейского Суда по правам человека. В ходе следствия своевременно были проведены все следственные действия, направленные на установление всех лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности по этому делу. Кроме того, были предприняты все необходимые действия для установления всех потерпевших и свидетелей. Несмотря на большой объем работы, следствие велось достаточно быстро, что позволило получить и закрепить доказательства, которые со временем могли быть утрачены. Кроме того, такие быстрые сроки проведения следствия предусмотрены решениями Европейского Суда как важный критерий эффективного расследования.

Вопрос о том, виноваты ли милиционеры, привлеченные к уголовной ответственности, конечно, будет решать суд. Тем не менее уже сейчас юристы из правозащитных организаций заявляют, что оценивают действия сотрудников прокуратуры, осуществлявших предварительное следствие по данному делу, как высокопрофессиональные, высокоэффективные и полностью соответствующие требованиям закона.

Результаты были достигнуты, конечно, во многом благодаря тому самому «сотрудничеству равных», которое оказало значительную помощь следствию. Успех пришел благодаря эффективности налаженного руководителем следственной бригады взаимодействия с сотрудниками правозащитных организаций.

Именно на стадии предварительного расследования при проведении первоначальных следственных действий юристы сводной мобильной группы российских правозащитных организаций тесно сотрудничали с руководителем следственной бригады Краснодарской краевой прокуратуры Юрием Зинишей.

Юристы-правозащитники непосредственно работали с жителями поселка Макопсе и смогли выявить большое количество пострадавших и свидетелей, что представлялось очень важным и одновременно сложным, ввиду того что многие проживали в поселке временно, проводя свои отпуска на этом курорте. Только благодаря тесному взаимодействию удалось своевременно получить официальные показания, а также провести ряд других следственных действий, в том числе экспертиз, позволивших установить степень причиненного противоправными действиями вреда здоровью.

Эффективное расследование, проведенное органами прокуратуры по факту массового нарушения прав человека сотрудниками милиции, позволило значительно снизить остроту негативной реакции пострадавших и их родственников. Такая позиция Краснодарской прокуратуры сыграла позитивную роль в укреплении авторитета правоохранительных органов и органов государственной власти в целом, а кроме того, способствовала формированию в общественном сознании имиджа прокуратуры как государственного правозащитного органа, эффективно защищающего права и свободы граждан.

Кроме того, именно такое эффективное расследование соответствует обязательствам, предусмотренным Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, и способно продемонстрировать партнерам России по Совету Европы, что Российская Федерация в лице органов прокуратуры не на словах, а на деле отстаивает права человека, конституционные права граждан.

В самом начале этого года, 31 января, прокуратурой Краснодарского края было закончено предварительное расследование по уголовному делу № 622869, возбужденному по факту превышения должностных полномочий сотрудниками ОМОНа УВД города Сочи при проведении мероприятия в ночь с 18 на 19 июля 2006 года на территории поселка Нижнее Макопсе Лазаревского района. Уголовное дело с обвинительным заключением в отношении 8 сотрудников ОМОНа направлено в суд. Сейчас в Лазаревском районном суде идет рассмотрение этого дела, вызвавшего интерес СМИ и широкий резонанс в обществе.

Естественно, правозащитники не бросили потерпевших после окончания следствия. В рамках судебного процесса интересы граждан, признанных пострадавшими, представляет адвокат Николай Шаховалов, действующий на основании соглашения с правозащитниками.

А в конце сентября сотрудники Медицинского реабилитационного центра Комитета против пыток работали в Сочи с потерпевшими гражданами для устранения возможных негативных последствий для здоровья людей, оказавшихся жертвами действий сотрудников милиции в детском лагере. Для таких граждан будет организован курс реабилитационных мероприятий. Возможно, что в случае необходимости некоторые потерпевшие будут направлены непосредственно в Реабилитационный центр Комитета против пыток в Нижнем Новгороде.

Увы, превратно понятая «честь мундира» оказалась важнее объективности для руководства ГУВД края. До сих пор (хотя после событий в «Дружбе» прошло уже больше года, а государство официально предъявило милиционерам обвинение, которое сейчас рассматривается в суде) милицееское начальство в своих интервью средствами массовой информации продолжает сообщать ложные сведения о произошедшем, пытаясь представить действия сотрудников милиции как некую «законную реакцию», вызванную якобы какими-то «неправомерными действиями» гражданских лиц из числа отдыхающих и местного населения.

Стремление защитить своих сотрудников – понятно и нормально. Стремление защитить «своих» от закона, поставить их вне общества, а скорее над обществом более всего угрожает законности. Мы надеемся, что в результате судебного разбирательства будет дана оценка не только преступным действиям непосредственных исполнителей – милиционеров, устроивших демонстративную «карательную операцию» (разборку «по-понятиям») в маленьком курортном поселке Нижнее Макопсе. Руководство Краснодарского ГУВД, допустившее превраще-

ние спецподразделения МВД в преступную группу (фактически в банду), также должно ответить за результаты своей руководящей работы. Мы надеемся, что судом будет дана оценка действиям сотрудников пресс-службы Краснодарского ГУВД, на протяжении года умышленно распространявших ложную информацию о случившемся, пытавшихся представить потерпевших – толпой пьяных хулиганов, а арестованных омоновцев – борцами с терроризмом, «столкнувшимися с неадекватной реакцией отдыхающих».

События в Сочи остались бы без внимания общественности и милиционеры, возможно, не были бы привлечены к ответственности и поныне, а потерпевшие наверняка остались бы один на один со своими проблемами, если бы не оперативная реакция прокуратуры и правозащитников – их совместная слаженная работа, их общие усилия по защите нарушенных прав и законных интересов граждан.

В таком сотрудничестве – залог торжества закона и гарантия реализации прав и свобод жителей России.



+7(8312)331404
+7(8312)336101
+7(8312)343481
г. Нижний Новгород
ул. Кожвенная д.11, оф.303
komitet@pytkam.net



Комитет против пыток – известная российская некоммерческая организация, работающая в сфере защиты прав человека. В настоящее время Комитет имеет официальный статус межрегиональной общественной организации.

Штаб-квартира Комитета против пыток находится в Нижнем Новгороде, представительства действуют в Чеченской Республике, Республике Марий Эл и Республике Башкортостан. Кроме того, КПП имеет отделение в Оренбургской области.

В 2000 году Комитет был основан рядом известных нижегородских правозащитников, в том числе нынешним руководителем организации Игорем Каляпиным, в Нижнем Новгороде, как правозащитная организация, задачей которой стало осуществление общественного контроля за ситуацией, связанной с проблемой распространения практики применения пыток и жестокого обращения в России и оказание профессиональной юридической и медицинской помощи жертвам пыток.

Основным направлением деятельности Комитета вот уже семь лет является юридическая работа с жалобами на применение пыток, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, в рамках которой проводится общественное расследование по заявлению потерпевшего, представление его интересов в суде и органах следствия, оказание помощи в получении компенсации, а также, в случае необходимости, в проведении медицинских реабилитационных мероприятий. Методика общественного расследования по жалобам на применение пыток и жестокого обращения является собственной уникальной разработкой Комитета против пыток.

В рамках общественного расследования юристы Комитета проводят самостоятельное, независимое расследование, при этом его результаты используются как допустимые доказательства в рамках официального следствия, а затем в судебном процессе.

Наличие профессионального юридического подхода к решению задач по защите прав и законных интересов граждан – «визитная карточка» организации. Этот подход, успешно реализуемый на протяжении всего времени существования Комитета, стал залогом успеха организации.

За время работы специалисты КПП проверили более 600 заявлений о нарушении прав человека, провели сотни расследований, добились от государства и его агентов выплаты многомиллионных компенсаций гражданам, пострадавшим от незаконных действий сотрудников правоохранительных органов. Кроме того, в результате усилий юристов организации, по дошедшим на настоящий момент до суда и приговора делам о пытках, осуждено более 30 представителей правоохранительных органов.

Отдельным чрезвычайно важным и во многом не имеющим системных аналогов в российском правозащитном сообществе механизмом защиты нарушенных прав граждан, успешно применяемым Комитетом, является работа высокопрофессиональных юристов-сотрудников Комитета по представлению интересов российских граждан в Европейском Суде по правам человека в Страсбурге. В настоящее время специалистами по европейскому праву Комитета подготовлено и направлено в ЕСПЧ 30 жалоб.

По самой известной из них, жалобе «Михеев против Российской Федерации», в январе 2006 года Судом было вынесено положительное решение, в котором признано нарушение Российским государством Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод, кроме того, в пользу Михеева взыскано с РФ 250 тысяч евро компенсации. На сегодня это крупнейшая из компенсаций, взысканных ЕСПЧ с России.

Активно действующий, авторитетный, расширяющий свое присутствие в российских регионах Комитет против пыток – это сегодня крупнейшая правозащитная организация страны, специализирующаяся на профессиональном исследовании проблемы применения пыток, расследовании жалоб на их применение и оказании юридической и медицинской помощи их жертвам.

Межрегиональная общественная организация
«Комитет против пыток»
www.pytkam.net
komitet@pytkam.net

Россия, 603001, Нижний Новгород,
ул. Кожевенная, д.11, офисы 207-304
тел: +7(831)4331404, +7(831)336101, +7(831)4343438

Максим Прытков

«Закон и порядок» по-прокурорски

Считается, что в мире есть хрестоматийные истины, общеизвестные и банальные, чья ценность неоспорима. Многие готовы с этим спорить. Правы ли они – судить не возьмусь. Однако в рамках современной правовой системы, в рамках норм права, ставших интернациональными, такие истины, безусловно, есть. Концепция прав человека, лежащая в основе современного европейского и – шире – официально признанного международного права, относится именно к таким банальным и общеизвестным истинам.

Естественно, ее ценность в том, и только в том, что она общепризнана сообществом государств и в таком качестве может выступать и выступает универсальным регулятором и индикатором взаимодействия всех субъектов правоотношений.

Россия как член ООН (то есть одна из основателей правовой системы современного мира), более того, как страна, принадлежащая к европейской правовой системе, естественно, де-юре признает значение и верховенство норм, изложенных и во Всемирной Декларации прав человека, и в Уставе ООН, и в Европейской конвенции по защите прав человека.

К сожалению, де-юре не всегда совпадает с де-факто. Зафиксированные в этих документах права (в том числе права ребенка, в том числе права лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование) далеко не всегда самоочевидны для представителей правоохранительных органов.

Подтверждением тому служит довольно неприятная история, произошедшая с одним нижегородским подростком как раз в начале этого года. История эта оказалась в центре внимания правозащитников из Комитета против пыток, областной прокуратуры и многочисленных

журналистов. История эта, надо сказать, еще не закончена. Она еще развивается, меняется и продолжает сказываться на повседневной жизни непосредственных участников. Поэтому было бы ошибкой делать какие-либо окончательные выводы. Просто то, о чем вы прочтете, происходит сейчас. Вот так о стандартные и общепринятые правовые нормы вытирают ноги некоторые представители правоохранительной системы; именно так уважаются в стране права личности и именно такие представления о государстве и праве поневоле формируются у простого автозаводского паренька Димы Андропова...

На свою беду Дима гостил зимой у родственников в небольшом городке Павлово, что близ Нижнего Новгорода. Что семнадцатилетнему пареньку делать на отдыхе? Друзья, дискотеки, девушки...

Речь, повторюсь, о совершенно обычном, «среднестатистическом», если хотите, подростке из рабочего района.

Впрочем, не будем забегать вперед. В изложении матери Дмитрия, Марины Георгиевны, которая обратилась за помощью в Комитет против пыток, заявив о незаконном применении физической силы к ее сыну со стороны сотрудников милиции и прокуратуры Павлово, события января выглядели следующим образом.

В конце декабря 2006 года ее сын Дмитрий отправился в г. Павлово к бабушке на зимние каникулы.

7 января вечером Марине Георгиевне позвонила ее старшая дочь Оксана и сообщила о том, что Дмитрия забрали в милицию. Андропова-старшая и ее знакомый, некий Шканакин, поехали в Павлово выяснять, что случилось. Пока они ехали из Нижнего до Павлова, Марине Георгиевне позвонил двоюродный брат, который успел выяснить, что Дмитрия сильно избili в милиции. Андроповы, уже будучи, мягко говоря, «встревоженными», наконец добрались до дежурной части ОВД г. Павлово, чтобы выяснить, где находится Дмитрий. Там им ответили, что подростка в отделении нет и не было.

Там же, в отделении, к Андроповым подошел неизвестный мужчина в штатском и сказал, что их сын изнасиловал несовершеннолетнюю и что мать должна заплатить девушке деньги. Немного погодя из здания милиции вышел мужчина в форме и сообщил Марине Андроповой, что Дмитрий находится в прокуратуре. Андроповы направились в прокуратуру. Было уже около десяти часов вечера. Прокуратура была закрыта, и на требования Андроповых никто не ответил. Вскоре Марине позвонил уже упоминавшийся нами двоюродный брат и сообщил, что

Андронов-младший находится у него в машине, что ему плохо и что парня надо везти в больницу.

Через десять минут Андроновы и Шканакин подъехали к Павловской центральной районной больнице. Там мать наконец-то встретилась с сыном, которого уже осмотрел хирург. Врач поставил ему диагноз – «ушиб брюшной стенки». Доктор также рекомендовал обратиться к специалистам по месту жительства, так как у Андропова была нижегородская прописка и с собой не было медицинского полиса. В разговоре с медсестрой приемного покоя Марина Георгиевна узнала, что врачи уже позвонили в милицию и сообщили о поступлении больного, которого избил сотрудник правоохранительных органов.

Затем Марина Андропова, Дмитрий и Ольга вместе со Шканакиным поехали в милицию написать заявление по факту избиения Дмитрия. По словам Андроповой, было уже почти 11 вечера. Так как Дмитрий – несовершеннолетний, он и мать дали объяснения инспектору по делам несовершеннолетних в детской комнате милиции. Там же Андропова написала заявление по факту избиения сына сотрудниками милиции. Получив на руки направление на медицинское освидетельствование подростка, семья наконец-то уехала из Павлова.

На следующий день М. Андропова позвонил заместитель прокурора Павловского района господин Яхъяев и поинтересовался, прошел ли Дмитрий медицинское освидетельствование¹.

Марина сказала ему, что она вместе с детьми как раз собирается туда ехать. Яхъяев попросил привезти ему акт освидетельствования, как только Андроновым его выдадут. После полудня Андроновы подъехали к месту, где должно было быть проведено медицинское освидетельствование (по черной иронии, это здание городского морга). Странно, но врач почему-то отметил не все травмы подростка, в частности «забыл» указать гематому на левой стороне головы Андропова. Тем не менее другие телесные повреждения оказались отмечены.

После этой процедуры в городском морге, Андроновы поехали в прокуратуру к Яхъяеву. Чиновник забрал у М. Андропова справку из ЦРБ от 7 января 2007 года и акт освидетельствования. Возможно, наивные Андроновы и ждали от прокурорского работника начала рассле-

¹ Кстати говоря, следователь прокуратуры Яхъяев на протяжении нескольких лет разваливал знаменитое «дело Алексея Михеева», впоследствии проигранное Российской Федерацией в Европейском Суде. Именно работу следователя Яхъяева Европейский Суд расценил как нарушение ст. 13 ЕКПЧ.

дования по факту избияения Дмитрия, однако вместо этого получили разъяснение знатока и блюстителя законов. Яхъяев сказал матери подростка, что «если бы девушке было хотя бы семнадцать лет, то он бы закрыл дело ее сына; но так как она несовершеннолетняя, то мать должна идти и заплатить девушке деньги». Кроме того, Яхъяев пообещал держать Андронову «в курсе».

Специалисты Комитета против пыток начали по заявлению Марины Георгиевны предварительную проверку, в ходе которой опросили и самого Дмитрия, и его приятеля Игоря Горохова, с которым Дмитрий вместе развлекался во время каникул.

Дмитрий рассказал, что в канун того несчастливого дня, 6 января, он пошел на дискотеку в клуб «777» и возвратился домой только около 4-х часов утра. В начале 5-го часа ему позвонили на сотовый телефон неизвестные и попросили приехать к клубу «Спартак», потому что «так будет лучше». Андронов ехать отказался и лег спать. После этого ему звонили еще несколько раз, но он не брал трубку. Список входящих телефонных звонков у Андропова имеется. Дальше начался детектив, который был бы даже забавен, не приведи он к печальным последствиям.

7 января около 12.00 Андронову позвонил незнакомый мужчина и попросил приехать на улицу Чапаева, мотивируя это тем, что есть возможность заработать деньги. Подросток выйти из дома отказался. Затем ему позвонил уже приятель, Горохов Игорь, и также попросил его прийти на улицу Чапаева, так как «так будет лучше». Андронов согласился, вышел из дома и направился на Чапаева. Через некоторое время Горохов отправил Андронову SMS-сообщение, в котором предупредил Дмитрия о том, что на улице Чапаева Андропова ждут сотрудники милиции. В связи с этим Андронов зашел к своему знакомому Лапину Андрею, который является сотрудником милиции в г. Нижний Новгород. Зайдя к Лапину, Андронов вкратце описал тому ситуацию и попросил пойти на улицу Чапаева вместе с ним.

Около 15.00 Андронов и Лапин подошли к оговоренному месту встречи. Там Дмитрий увидел стоявшего Горохова, в нескольких метрах от которого у «выбивалки» сидели двое мужчин и пили пиво.

Андронов подошел к Горохову и поздоровался с ним. Вместе они подошли к сидевшим у «выбивалки» мужчинам. Андронов протянул руку одному из них, одетому в спортивную куртку, чтобы поздороваться. Неожиданно тот схватил Андропова за шею. Затем, уточнив, как парня зовут, предложил «прогуляться», не отпуская при этом.

Они отошли на несколько метров, и тут мужчина неожиданно начал бить Андропова по животу, не забывая спрашивать, понял ли Дмит-

рий, за что его бьют. «Бытовуха», скажет читатель. Мужик перепил пивка и навалял подвернувшемуся под руку пацану. Так бы оно и было, если бы не одно важное обстоятельство. «Хлебнувший пивка» мужчина в спортивной куртке не забыл представиться Андронову заместителем начальника уголовного розыска г. Павлово.

Избиение между тем продолжалось. Мужчина матерился и угрожал посадить Дмитрия в «петушатник», откуда тот выйдет «не человеком, а чмо». В ход пошла и пластиковая бутылка из-под пива, которой досталось по голове и Дмитрию, и находившемуся рядом Игорю. На беду парней мимо проходили двое их знакомых, которые несли в руках боксерские перчатки. Разошедшийся замначальника УГРО отобрал одну из перчаток и, надев ее, принялся молотить Дмитрия и Игоря, так сказать, «профессионально».

В этот момент к «выбивалке» подошел еще один мужчина. Он взял вторую боксерскую перчатку, надел ее на свою руку и несколько раз ударил Андропова по голове и в челюсть. От удара Дмитрий зубами рассек себе губу. Кроме того, подросток в ходе избиения пытался закрываться руками, и от этого удары приходились по рукам Дмитрия. На руках образовалось несколько синяков.

После того как компания «устала» избивать парня, Андронову сказали: «Если бы не твой брат, ты бы здесь и остался. Беги к этой девушке, вставай на колени, проси прощения и думай, где взять деньги». Под «братом» подразумевался пришедший с Дмитрием Лапин.

Затем один из двух избивавших Дмитрия мужчин вызвал по телефону милицейский «УАЗ». В машину сели Андронов, Лапин, Горохов, заместитель начальника УГРО и второй мужчина. Машину вел сотрудник милиции в форме.

Подъезжая к РОВД г. Павлово, «приятель» замначальника сказал Андронову и Горохову: «Если кому скажете, я вас уничтожу». Подростки утверждают, что сказано это было весьма серьезно. Андронов воспринял угрозу реально. У здания РОВД г. Павлово из машины вышли Андронов, Лапин и «приятель». Андропова отвели в дежурную часть РОВД. Там его посадили в камеру, отобрав предварительно мобильник. При этом никаких документов о задержании Андропова и изъятии у него вещей не составлялось. На просьбу позвонить матери Дмитрий получил отказ.

Пребывание в камере продолжалось 2 часа. Она, к счастью, оказалась пустой, Дмитрий был там один. Спустя два часа Андропова забрал из камеры неизвестный ему сотрудник в форме. При этом

подростку вернули телефон. Посадили в «уазик» и отвезли в прокуратуру.

Там «приключения» продолжились.

В кабинете, куда отвели Дмитрия, по его словам, уже сидели пьяные мужчины, ранее избивавшие парня. Тот из них, что не представился Дмитрию, приказал парню сесть за компьютер и напечатать то, что ему продиктуют. Дмитрий сказал, что печатать ничего не будет и вообще он – несовершеннолетний – не может находиться в прокуратуре без матери. Андропова вновь начали бить. Он испугался и согласился печатать под диктовку. Диктовали ему «признание» в избиении и изнасиловании девушки. Андронов печатать отказался. Тогда мужчина вывел Андропова в коридор, где ударил его рукой по лицу, сказав: «Ты что, распи...й, делаешь?! Где хочешь, ищи денег. Ты знаешь, что с такими на „малолетке“ делают?..» Вернулись в кабинет, и Андронов стал печатать свое «признание» под диктовку, уже не вникая в суть того, что ему надиктовывали. Написанное Дмитрий подписал и получил милостивое разрешение «валить отсюда». «У тебя есть три дня, чтобы найти деньги», – сказали парню.

Друг Андропова, Игорь Горохов, которому тоже досталось, рассказал в КПП, что 7 января его прямо из дома милиционеры отвезли в РОВД. Там в одном из кабинетов Игоря стал бить неизвестный ему сотрудник. Затем сотрудник повел Горохова в свой кабинет, на двери которого парень увидел интересную табличку: «Заместитель начальника ОУР Ким».

В кабинете Ким стал расспрашивать Горохова о местонахождении Андропова и о том, как его можно найти. Горохов ответил, что не знает, где находится Андронов.

Затем Игоря отвели в камеру дежурной части, где он просидел 30 или 40 минут. После этого Горохова отвезли на экспертизу в Павловскую центральную районную больницу, а потом доставили обратно в РОВД в кабинет заместителя начальника ОУР Кима.

В кабинете Ким стал оскорблять Горохова «грубой нецензурной бранью» и стал требовать, чтобы Горохов рассказал, где находится Андронов. Горохов говорил, что этого не знает.

Тогда Ким вновь начал избивать парня. В кабинет между тем вошли двое – родственник Горохова Лазарев Владимир и мужчина, представившийся следователем прокуратуры Семиковым. Горохов попросил Лазарева привезти в РОВД из дома мобильный телефон, в котором был сохранен телефонный номер Андропова.

Примерно через 10 минут Лазарев привез Горохову его телефон. Оставшись в кабинете один, Горохов направил Андронову SMS-сообщение о том, что он находится в милиции.

Затем в кабинет зашел Семиков и стал расспрашивать Горохова о случившемся в ночь с 6 на 7 января. Горохов говорить отказался. В кабинет вернулся отлучавшийся Ким и опять принялся бить Игоря, заставляя позвонить Андронову и уговорить того на встречу. Горохов позвонил и уговорил. Дальнейшее нам известно. После событий на улице Чапаева Игоря Горохова отвезли не в РОВД, а в прокуратуру. Там, в кабинете Семикова, Игорь давал объяснение о том, что якобы произошло в ночь на 7-е число. Это объяснение Семиков печатал на компьютере. Разговаривая с Семиковым, Горохов чувствовал у того сильный запах спиртного изо рта. Видимо, пить в одиночку доблестные мужи из прокуратуры не приучены, и во время беседы «заботливый» сотрудник прокуратуры Семиков предложил несовершеннолетнему Горохову выпить водки.

Наконец, подписав объяснение, Игорь Горохов был отпущен домой. Уже вечером вместе с родителями Игорь отправился в РОВД, где написал заявление о незаконных действиях сотрудников правоохранительных органов. Это заявление он отдал в дежурную часть РОВД. При этом никто из милиционеров не счел нужным объяснить Горохову, что подобное заявление следует направлять в прокуратуру, так как в нем фигурируют сотрудники милиции.

Специалистами Комитета были опрошены многочисленные свидетели, в том числе Андрей Лапин и мальчишки, у которых избивавшие Андронова «позаимствовали» боксерские перчатки. Все опрошенные подтвердили обстоятельства, рассказанные Дмитрием и Игорем.

Надо сказать, что, с точки зрения «конспирации», место, где били подростков, сотрудники «правоохранительных органов» выбрали весьма неудачно. «Выбивалка» для ковров расположена в центре большого двора, окруженного пятиэтажками. Так что свидетелей событий, многие из которых знали лично и Андронова, и Горохова, набралось порядочно.

Далее события развивались следующим образом. 8 января 2007 года на основании постановления и.о. дознавателя Павловского РОВД в помещении Павловского отдела СМЭ экспертом Е. Кожевниковым в присутствии М. Андроновой была произведена судебно-медицинская экспертиза Д. Андронова. В ходе экспертизы у Андронова Д.А. были зафиксированы кровоподтеки спины и правого плеча, а также ссадина правого бедра.

В этот же день, по словам матери Игоря Горохова, ее сын также прошел медицинское освидетельствование. Однако акт освидетельствования, со слов Гороховой, был передан Гороховым заместителю городского прокурора Яхъяеву, поэтому сделать выводы о наличии или отсутствии у Горохова телесных повреждений не представилось возможным. Тем не менее с 10 по 24 января Игорь Горохов находился на лечении в поликлинике МСЧ «Павловский автобус» с диагнозом «сотрясение головного мозга, ушиб верхних конечностей и позвоночника». Данный факт подтверждается справкой.

С 11 по 23 января 2007 года Дмитрий Андронов также находился на лечении в городской клинической больнице № 40 (Нижний Новгород) с диагнозом «сотрясение головного мозга», что подтверждается медицинской документацией.

С 15 по 22 февраля 2007 года Дмитрий Андронов лечился в Дзержинском госпитале ветеранов войн с диагнозом «синдром вегетативной дистонии на фоне сотрясения головного мозга», что подтверждается медицинской документацией.

Андропова обратилась с заявлением о применении насилия к ее сыну 8 января.

После этого начался так называемый прокурорский «пинг-понг».

29 января 2007 года павловским городским прокурором Лебедевым было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

16 февраля 2007 года данное постановление было отменено первым заместителем прокурора Нижегородской области, и материал был направлен на дополнительную проверку.

26 февраля 2007 года старший следователь прокуратуры Нижегородской области Ушаков вынес повторное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

1 марта 2007 года заместителем прокурора Нижегородской области данное постановление было отменено и возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 Уголовного кодекса РФ («превышение должностных полномочий с применением насилия»).

24 июля 2007 года старший следователь прокуратуры Нижегородской области Патяева вынесла постановление о прекращении уголовного дела № 145408 «за отсутствием в действиях сотрудников правоохранительных органов состава преступления».

Вот так. И уважаемую госпожу Патяеву совершенно не интересует тот факт, что доводы Дмитрия Андропова и Игоря Горохова о применении к ним насилия сотрудниками правоохранительных органов подтверждаются медицинскими документами, а также показаниями целого ряда лиц, которые своими глазами видели, как подростков избивали сотрудники правоохранительных органов.

Более того, юристами КПП в ходе проведения общественного расследования не получено сведений о том, что Андронов и Горохов оказывали какое-либо сопротивление сотрудникам правоохранительных органов или оказывали иное противодействие, которое могло явиться основанием для применения физической силы.

Доказательств того, что насилие к Дмитрию и Игорю применялось именно сотрудниками правоохранительных органов, собрано достаточно. А так как избивание парней было продолжительным и производилось с целью получения признательных показаний, можно утверждать, что насилие по отношению к указанным лицам являлось пыткой.

Проведя всестороннее расследование, юристы-правозащитники пришли к выводу о том, что **«в ходе общественного расследования собраны достаточные данные, подтверждающие, что к Андронову Д.А. и Горохову И.Г. 07 января 2007 года применялись пытки, а также бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.**

Исходя из анализа сведений, полученных в ходе общественного расследования, можно сделать вывод о том, что в отношении Андропова Д.А. и Горохова И.Г. государством была нарушена ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод».

Прокуратуре же, видимо, никакие Европейские конвенции – общепринятые и общезначимые – даром не нужны.

Дело об избивании подростка она возобновлять не собиралась. А вот сострепанное на скорую руку дело об «изнасиловании» развернула очень быстро.

Уже 26 февраля 2007 года постановлением судьи Павловского городского суда в отношении несовершеннолетнего Дмитрия Андропова, «обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 131 и 132 УК РФ», была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

С 26 февраля 2007 года по 2 марта 2007 года Дмитрий Андронов содержался в ИВС при РОВД г. Павлово, а 2 марта 2007 г. его перевели в следственный изолятор ИЗ-52/1, который находится в Нижнем Новгороде.

9 марта 2007 года судебная коллегия по уголовным делам Нижегородского областного суда, рассмотрев жалобу защитника Дмитрия, отменила постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и приняла решение об освобождении подростка. Это определение областной суд вынес около 15 часов дня 9 марта 2007 года.

В 16 часов того же дня мать Дмитрия Андропова, законный представитель Дмитрия, а также работник Нижегородского областного суда лично доставили кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда в следственный изолятор ИЗ-52/1.

Однако в нарушение ч. 2 ст. 22 Конституции Российской Федерации, согласно которой содержание под стражей допускается только по судебному решению, и ч. 1 ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой право на свободу может быть ограничено только судом и только на основании закона, администрация учреждения, где содержался Дмитрий, не освободила несовершеннолетнего из-под стражи. На неоднократные требования матери о немедленном освобождении сына представители СИЗО ответили отказом, мотивируя это тем, что «рабочий день закончился», и пояснив при этом, что отпустят парня только утром в понедельник, 12 марта.

К этому времени с момента вынесения судом определения об освобождении прошло бы уже 65 часов. После сообщения защитника Андропова о том, что администрация следственного изолятора отказывается освобождать несовершеннолетнего Дмитрия Андропова, сотрудниками Комитета было принято решение немедленно выехать в СИЗО. Вечером 9 марта 2007 года сотрудники Комитета против попыток вместе с матерью Дмитрия Андропова и его защитником после получения в СИЗО отказа выполнить решение Нижегородского суда об освобождении подростка проинформировали прокуратуру области о том, что администрация СИЗО отказывается выполнять распоряжение суда. Информация о незаконных действиях сотрудников изолятора была доведена до ГУВД Нижегородской области. Руководитель Отдела по связям с общественностью ГУВД полковник А. Горбатов, получив соответствующую информацию, обратился к руководству ГУФСИН.

В результате всех этих действий 10 марта 2007 года в 10 часов утра Дмитрий Андронов был освобожден. Естественно, позиция администрации СИЗО, которая отказывалась выполнить решение суда и освободить Дмитрия сразу по получении документов из Нижегородского областного суда, явилась грубым нарушением действующего за-

конодательства. В результате действий сотрудников следственного изолятора несовершеннолетний подросток незаконно пробыл под стражей почти 20 часов.

В апреле при поддержке Комитета против пыток Мария Андропова, которая, кстати говоря, все время нахождения сына под стражей держала объявленную голодовку, подала иск о компенсации морального вреда Дмитрию.

23 мая 2007 года Советский районный суд Нижнего Новгорода удовлетворил требования истца в полном объеме и обязал Министерство финансов России (в лице Управления Федерального казначейства по Нижегородской области) выплатить Дмитрию Андронову компенсацию морального вреда в размере 35 тысяч рублей.

Однако Управление Федерального казначейства с решением не согласилось и обжаловало его в судебной коллегии по гражданским делам Нижегородского областного суда. Нижегородский областной суд отменил постановление судьи Фирсовой и направил дело на новое рассмотрение в Советский районный суд.

И вот совсем недавно, 21 сентября, повторно рассмотрев дело, Советский районный суд постановил взыскать в пользу истца 20 тысяч рублей с ФСИН РФ в лице Управления Федерального казначейства.

Сейчас работа по делу подростка продолжается. Компенсация вреда, нанесенного Андронову ФСИН, – случай, конечно, уникальный, по крайней мере, для Нижегородской области. Однако главная задача для сотрудников КПП в деле Андропова сейчас – добиться возобновления уголовного дела по факту избиения подростка. Предстоит ежедневная трудоемкая работа для того, чтобы «убедить» прокуратуру соблюсти нормы закона.

Впрочем, к такой работе правозащитникам из Комитета не привыкать. Ведь только по состоянию на конец сентября 2007 года в производстве подразделений КПП находится 177 дел о пытках.



Центр содействия реформе уголовного правосудия

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

Центр содействия реформе уголовного правосудия – старейшая правозащитная организация, которая занимается проблемами заключенных, уголовного правосудия и исполнения наказания.

Центр был создан в 1988 году бывшими политзаключенными при поддержке академика Андрея Сахарова.

Директор Центра – Валерий Абрамкин – бывший политзаключенный, сегодня – член Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

Центр осуществляет разработку законодательных и других предложений, направленных на гуманизацию условий содержания заключенных, на проведение тюремной и судебной реформ, внедрение в пенитенциарную практику альтернативных методов наказания, на сокращение численности тюремного населения России.

В последние годы Центр ведет большой проект по социальному сопровождению несовершеннолетних правонарушителей.

Ведется **пропагандистская и информационно-просветительная работа**, призванная обеспечить общественную поддержку реформаторским силам.

Центр выпустил сотни книг, брошюр (в том числе серии «Знай свои права!»), буклетов, листовок и плакатов, подготовил более тысячи публикаций, аудио- и видеосюжетов для СМИ.

Нашу **еженедельную радиопередачу «Облака»** о проблемах заключенных (выходит на волнах «Радио России» с 1992 года) слушает 25% взрослого населения России.

Работу Центра всесторонне отражает **сайт** <http://www.prison.org>

Здесь вы найдете информацию о тюремных нравах и обычаях, о судьбах известных арестантов, о сегодняшнем положении в местах заключения, о своих правах на защиту, о важнейших текущих изменениях в законодательстве и многое другое.

Внимание! На сайте публикуется новая серия брошюр Центра: «Нормативно-правовые акты для уголовно-исполнительной системы». В нее вошли в том числе брошюры «Правила внутреннего распорядка ИУ»; «Правила внутреннего распорядка СИЗО»; «УДО и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания».

Сергей Ходорович

Люди Русского фонда

Журнал «Неволя» предложил опубликовать мой доклад, на что я с благодарностью согласился. К докладу приложен список имен людей, принимавших участие в работе Фонда.

Я прошу прощения у каждого из этого списка за то, что не мог оповестить заранее и получить согласие на публикацию.

Ваш С. Ходорович.

(Доклад был прочитан в Италии в Милане в декабре 2003 года на конференции «Праведники в ГУЛАге»)

В 1974 году русский писатель Александр Исаевич Солженицын учредил «Русский Общественный Фонд помощи узникам совести и их семьям», на что пожертвовал все существовавшие на то время и все будущие гонорары за «Архипелаг ГУЛАГ». Это было время, которое теперь называют застойным. Чтобы понять, как функционировал Фонд, и представить себе волонтеров Фонда, необходимо обернуться и взглянуть на годы подкоммунистического существования страны.

В феврале 1917 года в России произошла революция. Царь отрекся от трона, создано Временное правительство, продекларированы все мыслимые гражданские свободы, но в стране нарастал хаос. Непрекращающийся кризис власти закончился тем, что вооруженным путем ее захватили коммунисты и держали семьдесят лет. Режим, установленный в стране коммунистами, не имеет аналогии во всей предыдущей истории человечества. Конечная его цель – построение коммунизма во всем мире. Они никогда не упускали ее из вида и для начала принялись строить его в России. Ленин указал своим соратникам, что главный вопрос – это вопрос власти. Это указание вождя было усвоено, и от первого дня до последнего коммунисты уничтожали всех, кто, по их мнению, мог угрожать

абсолютности их власти. Но количество убитых и замученных в лагерях (по различным подсчетам, приводятся цифры от 30 до 60 миллионов жертв) однозначно показывает, что только для сохранения и укрепления власти, убитых слишком много. Очевидно, что должна была быть и другая причина. И эта причина была. Коммунисты определили, что для построения коммунистического общества, необходимо переделать самого человека, создать нового человека, годного быть членом, этого самого коммунистического общества. Новый человек должен был быть безрелигиозным, безнациональным и не иметь представления о частной ответственности. Задача «создать нового человека» выглядит откровенно дьявольской, и именно от этой задачи коммунисты не отступались никогда, пока держали власть, пока не покинула их дьявольская сила и пока они не рухнули, в три дня превратившись в труху. Тех, кто переделке не поддавался, они уничтожали. Были определены, по социальному признаку преимущественно, категории людей, не пригодных для построения коммунизма, переделке не подлежащие, – эти люди были обречены и безжалостно уничтожались.

Коммунисты победили в Гражданской войне, и к середине двадцатых годов в стране не осталось сил, которые могли бы угрожать их абсолютной власти. После Гражданской войны причиной репрессий, массового уничтожения людей была не борьба за власть, а формирование нового человека. Сначала оказалось необходимым разрушить человека, вытравить из него Божественное начало, а уже потом... Впрочем, что потом, было не совсем ясно.

Всякий, кто помогал родным репрессированного, поддерживал с ними дружеские отношения, сам подвергался репрессиям. Сочувствие, сострадание, милосердие были осуждаемы как порок, достойный наказания. От друзей, сотрудников репрессированного требовали его публичного осуждения. Принуждали детей отречься от родителей. Естественно, люди сопротивлялись, и это ожесточало террор коммунистов против народа. Наибольшую стойкость проявили люди верующие, и они-то подвергались особым репрессиям все годы советской власти. В этот период христианских, прославленных Церковью святых мучеников за веру Христову в России оказалось больше чем за всю ее предыдущую историю.

Тогда же, в двадцатые годы, запрещена всякая благотворительная деятельность. Были уничтожены комитет помощи голодающим (ПОМГОЛ), Фонд помощи политическим заключенным, который возглавляла Екатерина Пешкова, Церкви запретили заниматься благотворительностью. Мрак сгустился. Люди уже только в одиночку могли со-

противляться растлению. Силы были не равны, и большинство не выдерживало и сдавалось. Тем большее впечатление производят случаи, когда люди выдерживали и оставались самими собой.

В пятидесятые годы казалось, что в стране достигнуто полное единогласие. Не то чтобы сопротивление, но даже открыто высказанное идеологическое несогласие режиму случались крайне редко. Страна накопила огромный военный потенциал, лагерь коммунистических стран неуклонно расширялся, «призрак коммунизма» бродил уже не только по Европе, но и по остальным странам мира. Тем не менее, несмотря на успехи и достижения, начался закат режима. Со второй половины пятидесятых годов стали появляться отдельные люди и группы несогласных, которые отваживались требовать от режима изменений, а то и просто не признавали права на существование коммунистического режима. Власти, как всегда, отвечали репрессиями. Но теперь репрессии порождали новых протестантов, и находились люди, которые не шарахались от репрессированных, но продолжали поддерживать с ними дружеские отношения, поддерживали, как могли, их семьи. То есть в обществе стали появляться слабые дуновения свежести, стали просачиваться чистые роднички... Это время получило название «хрущевская оттепель».

В шестидесятые годы инакомыслие в СССР стало фактом общественной жизни. Для огромной страны количество инакомыслящих было ничтожно мало, но их требования становились известны по всей стране, за ними наблюдали, их слушали, и имена многих из них были известны людям во многих странах остального мира. Власти никогда не вступали с ними в диалог, но избавиться от них не могли. С 1965 года власти начинают «закручивать гайки», ужесточают законодательство, устраивают «громкие процессы» над инакомыслящими. Но репрессии уже не дают прежнего результата, инакомыслие набирает силу, сокращая годы существования противоестественного, абсурдного коммунистического режима. Теперь мы знаем, что сроку этому режиму оставалось двадцать лет. Для истории – это не срок, но для человека...

Время, конечно, было другое, и семьи арестованных не оказывались в вакууме, как ранее, им помогали, но, напоминая, что по-прежнему тот, кто продолжал общаться с преследуемым, хотя уже и не рисковал сам быть арестованным, но оказывался в поле зрения чекистов и также мог лишиться работы, не получить жилплощадь, быть отчисленным из университета и т. д. Иначе говоря, те, кто не боялся помогать, как правило, сами нуждались в помощи. Деньги нужны были на адвоката, на передачи, посылки заключенным. При огромных расстояниях в нашей

стране особенно дорого обходились поездки родственников на свидания с заключенными. Были энтузиасты, которые регулярно проводили сборы среди знакомых, но денег постоянно не хватало.

В 1974 году произошло событие, которое трудно переоценить. Александр Исаевич Солженицын – человек, жизнь которого впрямую оказала зримое влияние на историю второй половины двадцатого века, не только СССР, но и всего мира, который называет себя писателем, но явно не вмещается в это определение и этим названием не исчерпывается. Все гонорары за книгу «Архипелаг ГУЛАГ» он пожертвовал на помощь гонимым, учредив для распределения этих средств Русский Общественный Фонд помощи узникам совести и их семьям. Но даже этих значительных средств было недостаточно для обеспечения нормальной жизни гонимым и их семьям. И продекларированной задачей Фонда было «помочь физически выжить», большее Фонд гарантировать не мог. С момента образования Фонда и до настоящего времени его президентом является Наталья Дмитриевна Солженицына, человек с ясным умом, очень эмоциональный, с крепкими не по-женски нервами, наделенная огромной энергией и работоспособностью. Без такой опоры в жизни А.И. Солженицыну едва ли удалось бы сделать то, что он сделал. В 1974 году Александр Исаевич Солженицын был арестован, лишен гражданства и под охраной вывезен из страны. Наталья Дмитриевна с четырьмя детьми и своей матерью уехала вслед за ним. И первым распорядителем Фонда на территории СССР стал еще один человек-легенда, Александр Гинзбург. На него легла, казалось бы, непосильная задача – сделать функционирование Фонда реальностью. Нужно было, чтобы помощь реально доходила до тех, кому она предназначалась. Александр Гинзбург справился со всеми сложностями – помощь нуждающимся доходила регулярно. При нем сложилась структура Фонда, от которой затем не отступали следующие распорядители (до распада СССР распорядителями поочередно были семь человек: Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Татьяна Ходорович, Кронид Любарский, Арина Гинзбург, Сергей Ходорович и Андрей Кистяковский).

Власти не сразу отреагировали на появление Фонда. Ничего подобного их Уголовным кодексом предусмотрено не было, и ни под одну статью Фонд не подходил. А. Гинзбурга арестовали только в феврале 1977 года, и хотя ему не инкриминировали впрямую работу Фонда, но отношение властей к Фонду сложилось, и в прессе Фонд стал квалифицироваться как незаконная организация, существующая на деньги западных спецслужб с целью борьбы с советской властью. Такая фор-

мулировка угрожала каждому, кто принимал участие в работе Фонда, с применением к нему статьи Уголовного кодекса, предусматривавшей наказание вплоть до смертной казни. В дальнейшем следователи широко пользовались, ведя допросы подсудимых, угрозой применения этой статьи, и в двух случаях она была инкриминирована волонтерам Фонда, но, слава Богу, без смертной казни.

Я принимал непосредственное участие в работе Фонда довольно длительное время, и далее я буду говорить как свидетель его деятельности. Забот у Фонда было непомерно много, под его опеку попадали подсудимые, отбывающие срок в тюрьмах, лагерях и ссылках, поднадзорные, узники психиатрических лечебниц и оставшиеся малолетние дети, престарелые родители всех этих категорий репрессированных.

Кроме Русского Общественного Фонда помощи узникам совести и их семьям, который оказывал помощь всем на территории СССР, кто преследовался по разным вариантам инакомыслия, по политическим, а то и просто непонятым мотивам, независимо от их национальной, религиозной принадлежности, от их политических взглядов и места проживания, были фонды и группы-центры помощи гонимым с более узкими рамками. Например, Фонд помощи узникам Сиона, который брался помогать людям, репрессированным за попытки выехать в Израиль. В СССР было много различных религиозных сект, и, как правило, в каждой секте были фонды для поддержания узников из своих единоверцев. Наш Фонд постоянно согласовывал с ними свои действия.

Известную сложность представляло слежение за тем, чтобы помощь доходила до каждого подопечного, чтобы кто-то не выпал из нашего поля зрения и не остался без помощи. Каждого вновь обнаруженного гонимого нужно было закрепить за кем-либо, кто будет оказывать ему помощь. Нужно было иметь список всех подопечных и регулярно вносить в него изменения. Естественно, что этот список не должен был попасть в руки властей. Нужно было составлять списки необходимых лекарств, добывать эти лекарства, хранить и доставлять тем, кому они предназначались. Те же хлопоты с продуктами для передач и посылок заключенным, для снабжения едущих на свидание родственников. Нужно было находить и оплачивать адвокатов, доставать билеты на поезда, самолеты и пароходы едущим на свидание. Особо важно было помогать зацепиться за жизнь тем, кто, отбыв срок заключения, освобождался и по приговору не имел права жить в больших городах. Как правило, нужно было кому-то сопровождать женщин, едущих на свидание с детьми, пожилых родителей. Фонд практиковал посылки к праздникам Рождества и Пасхи всем детям своих подопечных, и это было

непросто делать. Все это осложнялось вообще крайне низким уровнем жизни и негодным бытом в нашей стране, а главное, неудовольствием властей и их карательных органов деятельностью Фонда. Однако все это делалось. Делалось самоотверженными, абсолютно бескорыстными усилиями многих людей. Напомню, что работа в Фонде, которой участники его отдавали все свои силы, никак не оплачивалась, не было ни одной оплачиваемой должности, включая распорядителя Фонда. Впрочем, и должностей-то никаких не было. Распорядитель Фонда был выделен из прочих своим названием главным образом для того, чтобы Фонд не был безликим, чтобы было к кому обращаться тем, кто нуждался в помощи. Ну, и координировать довольно разнообразную деятельность Фонда должен был конкретный человек. Это было братство, скрепленное родством душ и невыносимыми обстоятельствами жизни в тоталитарном государстве.

Я знал этих людей. Время, когда я был среди них, – лучшее время моей жизни. Часть активных волонтеров Фонда были как бы понуждаемы обстоятельствами к участию в его работе, это были родственники репрессированных и сами репрессированные, отбывшие свои сроки, но ожидающие следующих. Это обстоятельство конечно же несколько не умаляет их стремления сострадать и помогать гонимым. Но уж абсолютное восхищение вызывают те – а их было большинство, – у кого не было этих побудительных мотивов, и все же они рисковали своей свободой и жизнью. Их имена не были известны общественности в свободных странах, откуда приходила моральная поддержка преследуемым. От всевозможных внесудебных преследований они были абсолютно не защищены. А преследования велись широко: лишение работы, избивание «неизвестными» во дворах и на улицах, зачастую третирование их детей в школах и многое другое. Очень любили органы рассылать угрозы от «неизвестных» письмами и по телефону. Но самой излюбленной мерой воздействия была имитация попытки изнасилования девушек и женщин, как правило, сопровождавшаяся избиванием. Ни в одном из многих и многих таких случаев преступники не были обнаружены милицией.

К этому своему рассказу я прилагаю список имен людей, которые принимали участие в работе Фонда. Естественно, никакого формального «членства» в Фонде не существовало, и список, составленный уже теперь, никак не может быть исчерпывающим. Я надеюсь, что интерес к этому историческому времени, к людям, которые жили в нем, не угаснет, и список будет дополняться.

Люди все эти разные, нет какого-либо признака, который был бы общим для всех. Были среди них люди глубоко верующие, церковные,

но были такие, которые отваживались аттестовать себя неверующими. Вот такой была филолог по образованию, кандидат наук Лина Туманова. Ей было более сорока лет. Она была одинока и больна базедовой болезнью. Невозможно себе представить, до какой степени она была погружена в дела и жизнь тех, кто нуждался в помощи. Кроме подопечных, которые были закреплены за ней от Фонда, она постоянно находила еще кого-то, кому помогала. Она жила в Москве, а все пути в нашей стране проходят через Москву, и ее квартира была заполнена едущими на свидание (они обязательно на день-два и больше останавливались в Москве, где им активно помогали экипироваться для дальней дороги) или приехавшими в Москву с хлопотами о своих репрессированных близких. Лина ходила с ними по разным учреждениям и магазинам, кормила их, ездила с некоторыми на свидания. Сколько я ее помню, она всегда основательно, с полной самоотдачей кому-то помогала. Когда у нее случались затруднения, она делилась ими с фондовцами, и в ее глазах всегда была как бы простодушная уверенность, что ей конечно же помогут выйти из встретившегося затруднения. Никакого следа позы, претензий на что-либо, а также растерянности, испуга, просто сомнений в ней не было вовсе. Она была человек естественный и милый. Ее арестовали в 1984 году. В тюрьме у нее обнаружили рак, болезнь быстро прогрессировала, и власти сочли за лучшее выпустить ее до суда на свободу. Она умерла в течение нескольких месяцев после освобождения, в возрасте 45 лет.

Разумеется, у Фонда не было своего помещения, официального адреса, где бы в шкафу помещались документы картотеки, отчеты и т. д. Все это рассеянно хранилось у разных людей, а если учесть, что телефоны у всех прослушивались, то по телефону о делах Фонда говорить было невозможно. Встречи были необходимы, встречались у кого-либо на квартире на импровизированных вечеринках. Я помню две такие квартиры, то есть я помню их значительно больше, но особенный след оставили две. Семья Подъяпольских. Григорий Сергеевич и Мария Гавриловна – геофизики, жизнь их была полностью погружена в стихию правозащитной деятельности. Григорий Сергеевич был членом Инициативной группы защиты прав человека, образованной в 60-х годах. Они регулярно, на протяжении многих лет, по средам устраивали в своей квартире чаепитие с пирогами. На этих «средах» собиралось каждый раз по несколько десятков человек. Всегда был кто-нибудь, кто ехал со свидания или на свидания, освободившиеся из заключения обязательно появлялись там. Наверное, трудно отыскать кого-либо из московских инакомыслящих, кто не бывал бы на этих «средах».

А еще Нина Петровна Лисовская – всегда спокойная, с ясным взглядом, не очень молодая. Очень основательный работник Фонда. Под ее опекой, естественно, со многими помощниками, были все те, кто находился в ссылках. Она знала про них все и чуть ли не со всеми, хотя это трудно представить, вела переписку. В ее довольно просторной квартире по пятницам тоже были чаепития. Но это были строгие чаепития. Особо ничего не готовилось, чай был и то, что приносили с собой гости. Но главное отличие было в том, что у нее по пятницам собирались только работники Фонда и еще всегда кто-либо из подопечных Фонда. Здесь тоже атмосфера была непринужденная, но с явным уклоном в деловую сторону. Народа собиралось поменьше, чем на «средах», но здесь обсуждались все проблемы Фонда, и затягивались эти чаепития до глубокой ночи, а то и до раннего утра. Нина Петровна очень эффективно проводила опеку ссыльных, но делала это настолько спокойно, неброско, что не давала властям никакой зацепки для уголовного преследования, и она не подверглась аресту. Естественно, обыски у нее проводили, на допросы ее вызывали, но так чего-то и не добрали, и дела уголовного не получилось. Однажды недалеко от станции метро ее избили неизвестные, так и оставшиеся неизвестными. Она перенесла это спокойно, как само собой могущее быть, и продолжала все так же скрупулезно заботиться о своих подопечных.

На протяжении семидесятых годов власти ужесточали борьбу с инакомыслием. Волонтеры в основном ко всему были готовы. Иногда все-таки были случаи, когда некуда было деться от собственного бессилия. Так, однажды совсем молодую девушку, имитируя попытку изнасилования, избили. Били по голове, повредили мозг, она осталась инвалидом. И ничего мы не могли поделать.

Обо всех рассказать невозможно, но еще одного человека из многих и многих необычных людей я успею назвать, поскольку это уж впрямую меня лично касается. Это Иван Монигетти и его жена Таня. Я не был с ними знаком до своего ареста в 1983 году. Это было время, когда коммунисты, уже подступив к краю, делали последние безумные усилия добить инакомыслие. Страшноватое андроповское время. Иван и Таня – молодые музыканты. Иван – виолончелист, ученик Ростроповича, он уже проявился как необычайно талантливый исполнитель. Карьера его была впереди, но молодому музыканту необходимы концерты. В СССР концерты, особенно заграничные, могли давать только проверенные, не запятанные сомнительными знакомствами люди. Но Иван и Таня познакомились с моей женой после моего ареста. Нашему сыну тогда было 10 лет, и всякая дружеская поддержка была нелишней. Иван

и Таня, уезжая на каникулы, брали его с собой. И до конца коммунистического режима Ивана не выпускали за границу. Но режим рухнул, и Иван Монигетти стал виолончелистом с мировым именем.

Можно, конечно, сказать, что это обычная порядочность. Да, конечно, но у нас в стране обычные человеческие качества сделали большой редкостью. Именно с этим-то и боролись коммунисты, сея смерть и ужас страха. Они далеко продвинулись на этом поприще, достигли больших результатов, калеча души людей, но, как показывают приведенные примеры, не победили.

Фонд продолжает существовать. Семья Солженицыных вернулась на родину, и Наталья Дмитриевна продолжает быть его президентом. Фонд расширил поле своей деятельности и, кроме материальной помощи отдельным людям (постоянную помощь от Фонда получают около трех тысяч бывших узников совести ГУЛАГа в России и странах СНГ), оказывает помощь церковным приходам, помогает изданию религиозных и мемуарных книг, выделяет гранты для работы архивистов по программе «Мартиролог», присуждает литературную премию.

Фонд учредил и оплачивает обширную Программу помощи библиотекам, которая является сейчас единственной в России. В 2002 году по этой программе несколько тысяч библиотек в России и странах СНГ безвозмездно получили более 60 000 книг.

Сейчас Фонд под названием «Русский Общественный Фонд Александра Солженицына», работает легально и заботы его доходят до тысяч людей, обездоленных, искалеченных немислимым «социальным экспериментом», который коммунисты проделали с нашей страной.

Мы, свидетели и участники прошедших дней, должны озаботиться, чтобы наше время не стало провалом в памяти людей. Но новые события и грозные проблемы наполняют мир, и вновь и вновь нужно противостоять злу. Чтобы всегда делать правильный выбор, давно известен рецепт, который выглядит предельно простым, но следовать ему крайне трудно – нужно думать о Царствии Божием, и остальное приложится. Необходимо культивировать в себе Страх Божий. Если же, противостоя злу, мы не увидим ценности выше, чем свобода личности и Права Человека, мир не выстоит.

Люди, участвовавшие в деятельности Фонда:

Абрамкин Валерий
Абрамкина Екатерина

Алексеева Лиза
Алексеева Людмила

Альбрехт Владимир
Аман Ив (*Hamant Yves*)
Бабёнышев Александр
Бабёнышева Сарра
Бабёнышева Инна
Арманд Елена
Баева Татьяна
Бахмин Вячеслав
Бахмина Татьяна
Блехер Леонид
Богораз Лариса
Бойцова Людмила
Боннер Елена
Борисов Вадим
Ботвинник Нозми
Бухарина Надежда
Великанова Ксения
Великанова Татьяна
Вильчинская Зинаида
Винс Петр
Гаенко Вадим
Галецкий Ростислав
Гаяускас Балис
Генкин Сергей
Гинзбург Александр
Гинзбург Арина
Горбаль Микола
Гривнина Ирина
Григорьянц Тамара
Гримм Юрий
Гримм Софья
Давыдов Егор
Давыдова Валерия
Даниель Александр
Дашкевич Ярослав
Дзядко Виктор
Зайцева Любовь
Зайцева Ольга
Закс Юлия
Закс Сарра

Закс Борис
Зелендинова Вера
Зиман Лев
Зисельс Ирена
Зисельс Иосиф
Иванова Татьяна
Игрунов Вячеслав
Иофе Вениамин
Иофе Лидия
Йофе Надежда
Йофе Ольга
Калугина Оксана
Каллистратова Софья
Каледа Анна
Каплун Ирина
Киселев Юрий
Кистяковский Андрей
Ковалев Иван
Коваль Белла
Коган Вера
Коган Игорь
Корсунская Ирина
Костерина Елена
Кравченко Наталия
Красивская Алена
Красивский Зиновий
Кристи Ирина
Лавут Александр
Лавут Сима
Ланда Мальва
Лашкова Вера
Лебедева Татьяна
Леденёва Татьяна
Леонтьев Дмитрий
Лисовая Вера
Лисовская Нина
Литвинова Флора
Любарский Кронид
Любич Татьяна
Медведовский Леонид

Медведовская Марина	Смирнов Алексей
Мешко Оксана	Смирнова Любовь
Милетич Николай	Смолкин Валерий
Михайлов Борис	Смушкевич Борис
Михайлова Наталия	Солдатова Людмила
Молдовер Валерий	Солженицын Александр
Мурженко Любовь	Солженицына Наталья
Некпелов Виктор	Сорокина Соня
Некпелова Нина	Стасив Олена
Орлова Анна	Столярова Наталия
Орлова Раиса	Таненгольц Церина
Орлов Александр	Таненгольц Лев
Осипова Татьяна	Татищев Степан
Печуро Евгения	Твердохлебов Андрей
Плетнева Татьяна	Терновская Людмила
Плющ Татьяна	Терновская Ольга
Подрабинек Александр	Тимачёв Виктор
Подрабинек Алла	Трусова Татьяна
Подрабинек Сусанна	Туманова Лина
Подъяпольская Анастасия	Федорова Наталия
Подъяпольская Мария	Фёдорова Полина
Попов Кирилл	Федякина Роза
Пореш Татьяна	Филатова Ирина
Прокофьева Анна	Ходорович Михаил
Проценко Павел	Ходорович Татьяна
Репин Валерий	Ходорович Сергей
Репина Елена	Цитовская Елизавета
Романова Августа	Чапковский Игорь
Ронкина Ирина	Чердынцев Иван
Руденко Раиса	Шабан Эльдар
Румшиская Марина	Шемаханская Марина
Румшиский Борис	Шиханович Екатерина
Рыжов Алексей	Шиханович Юрий
Салова Галина	Шиханович Аля
Санникова Елена	Шрагин Борис
Сахаров Андрей	Эпштейн Марианна
Светов Феликс	Якир Ирина
Светова Зоя	Ярым-Агаев Юрий
Сиротенко Елена	

80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВАЛЕНТИНА СОКОЛОВА

Александра Истогина

О Валентине Соколове

О Валентине Соколове известно немного. И все же история запомнила странного Валентина З/К (именно так он подписывал свои стихи с гулаговских пор). Запомнила история удивительного поэта, назвала классиком тюремной поэзии и сохранила о нем следующее.

Родился Соколов 24 августа 1927 года в городе Лихославле, дивное место в Калининской области. Говорят, что его учителем словесности была Нина Иосифовна Панэ, внучатая племянница Пушкина. Вторая строчка биографии – Московский институт стали.

Громкоголая Москва, новое мировоззрение, первые стихотворения...

Валентин Соколов служил в 240-й гвардейской минометной дивизии, когда его настиг первый арест. В канун 1948 года на политзанятиях у Соколова отобрали листок со стихами. Они послужили отправной точкой первого дела, да и всей судьбы в целом.

С того самого дня Валентин Соколов – «политический». Тридцать пять лет лишения свободы – Соколов собирал их постепенно. Его втапывали «в сон, в смерть, в ужас», держали в тюрьмах, лагерях и психушках, почти непрерывно издевались то «краснопогонники», то «люди в белых халатах».

Вот как он описан в деле № П – 47937: «Соколов Валентин Петрович – высокий (180 см), фигура худощавая, плечи опущенные, волосы светло-русые; глаза серые; лицо овальное, лоб высокий; брови дугообразные, нос большой, тонкий; рот большой, углы рта приподняты; губы толстые, верхняя приподнята, подбородок прямой; уши большие, овальные; мочка уха отдельная».

Осталось мало фотографий Соколова, но на всех – красивое выразительное лицо, все более скорбное и собранное. Второй арест (29 мая 1958 года якобы на 15 суток – по Указу «Об ответственности за мелкое хулиганство») превратился в 10 лет – так решил Ростовский областной суд 29 августа 1958 года. В Дубровлаг Соколов прибыл 13 октября 1958 года. Эти годы особенно насыщены стихами.

Выйдя из лагеря 31 августа 1968 года, Соколов поселился в Новошахтинске. Работал на шахте помощником стволового. В 1970 году, на одном из собраний обругав начальство, получил год по ст. 206 ч. I, а 24 октября 1972 года Ростовским же судом приговорен к 5 годам – по ст. 206 ч. II.

По окончании срока он отказывается от советского паспорта и требует выезда в любую страну свободного мира, что расценивается как болезнь. Его не выпустили вовсе, заслав в психушку Черняховска, а потом Новошахтинска, где в «красный день календаря» – 7 ноября 1982 года – в курилке в 14.30 Соколов умер от инфаркта.

Похоронили Соколова на городском кладбище, где несколько лет спустя его поклонники отыскали позабытую могилу, поставили простой крест, написали памятные строки... У Валентина Соколова не было ни стола, ни архива – он раздаривал стихи, они переписывались, запоминались, пересылались на волю, так или иначе распространялись, хранились.

Его слова – слова человека красивого, чистого, тонкого. Вот те, что удалось собрать – тут целые стихотворения, рабочие наброски, отрывки из поэм... Вещи, которые он дарил сокамерникам и писал на оборотах писем к друзьям, которые считал неплохими и «не на уровне»...

В эту ночь серебром размерцались снега,
Голубым перелитые лаком.
В эту ночь арестант оторвался в бега,
Тот, что часто смеялся и плакал.

Перед ним расступились стальные ряды,
И луна не звенела в решетках.
И остались за ним голубые следы
Отражением мертвенно четким.

И по этим еще не отцветшим следам
Мчались люди пустыней безбрежной.
И с далеких высот золотая звезда
Им мерцала лукаво и нежно.

Все быстрее и быстрее ускорялся их бег.
Чье-то сердце горело во мраке.
Через час на снегу голубой человек
И над ним голубые собаки...

1949

Ветер над лагерем вьюжит,
Бьется в охранные будки.
Если рука не заслужит,
Жрать не получат желудки.

Золотом блещет обложка.
Юности книга раскрыта.
Между страницами ложка
С грязным куском антрацита.

1950

Он землю с небом примирил
Чудесной музыкой наполнил
Раструбы голубиных крыл
О тихих радостях напомнил
Мильонам жалких горемык
Он возвратил нам Божий лик
От нас в былое ускользавший
Он муки крестные познавший
В любви воистину велик
Дитя поставивший в основу,
Любовь к Евангельскому Слову
Он нам, несчастным, преподавал
Чтоб ни один из нас не падал
Чтоб брата брат смиреньем радовал
Смирненно радуясь страдал
Не оставляй нас, Сыне Божий!
Прости нам нашу слепоту!
Не оставляй нас, Сыне Божий,
От нас ушедший в высоту, -
Не оставляй нас, Сыне Божий!

1982

«Не оставляй нас, Сыне Божий...» – так заканчивается последнее известное стихотворение Валентина З/К, написанное в Черняховской психбольнице, может быть, в январе 1982 года. Во всяком случае, оно послано на волю в письме от 14 февраля 1982 года. Это конец. Или начало.

...Так поэт – всегда образчик
 Красоты нестройным толпам.
 Я пройду по сонным ОЛПам
 Как бунтующий отказчик.
 И советам буду вреден
 Даже тем, что существую.
 Даже тем, что, худ и бледен,
 Я пою и торжествую!
 («Я бы тоже мог на воле...», 1954)

Уже в ранних стихах Соколова ничего не преувеличено: был он человек бесстрашный, неукротимый, редкостный даже среди бывалых экзков. Он до конца остался непримирим к режиму насилия и ненависти (а первую «десятку» получил еще в 1948-м). Ничто не могло смягчить его неприятия. В юности понял он, что такое Сталин и даже Ленин, что такое система в целом, растоптавшая человека. Он знал уже тогда, что «страшная страна» – это не Россия, а СССР, видел все «без очков и без бинокля» и писал об этом **всю** жизнь – в тюрьме и на воле, прямо и резко, а потому был ненавидим режимом до конца.

И вот режима нет, а поэт есть. Живут его стихи, обреченные, казалось бы, на полное забвение. Почти чудом вышла книга «Глоток озона» (М., 1994), небольшая, но явившая по сути нового поэта. «Профессионалами» замеченная подозрительно слабо, читателя обрела сразу. Ведь писал Соколов не только о нарах и БУРах. Он тончайший лирик, философ, глубокий человек.

Золотая лампада луны
 Золотой ободок тишины
 И тяжелыми ветками сжат
 В одно целое грезит мой сад
 На зелёной ладони листа
 Неподвижно стоит высота...

Умопомрачительный лагерный срок – 35 лет, «с детских лет до седины», – не сделал Соколова угрюмым мизантропом. Его жизнь – явление поразительной цельности, верности себе, верности человеку и человечности. В том числе и в творчестве. «Он и сел за стихи, и умер за стихи, душу положив за них, как за други своя» – это из предисловия книги, и это суть случившегося.

«Глоток озона» мы делали с Анатолием Леонидовичем Лейкиным, главой агентства, который проявил огромную увлеченность, едва только прочел стихи Соколова. Книга вызвала явный резонанс, появились рецензии, она быстро разошлась, много раздали. В литературных кругах хранили глубокое молчание, что не удивляло: такое явление, как Валентин Соколов, трудно игнорировать, но и место в литературном процессе, в литературной иерархии (а как же без этого-то?!) найти для него непросто да и не хочется...

Однако книгу заметили на Лубянке, и мне позвонил человек оттуда, предлагавший... ознакомиться со вторым делом Соколова и **стихами** в нем. Звали этого человека Владимир Александрович Гончаров. Лубянский архивист. Сразу согласилась, но, поскольку без посторонней помощи я не могу передвигаться, предложила поехать Леониду Кузьмичу Ситко, от которого и узнала впервые о Соколове: они «пересеклись» в Дубровлаге, а когда Ситко выходил на свободу, Валентин З/К подарил ему несколько школьных тетрадок со стихами.

Чуть отвлекусь. За рубежом Соколова печатали неоднократно. Еще при жизни в «Русской мысли» от 29 октября 1981 года появилась даже статья Бориса Вайля, знавшего Соколова по Дубровлагу. Но до 1986 года напечатать его, как говорится, дома было решительно невозможно.

Итак, Лубянка. Дело 1958 года. Около 300 стихотворений, почти все неизвестные, а главное – сплошь автографы. Соколов, выйдя после первого срока, записал сочиненное в Воркутинских лагерях. Огнеопасно, но хотел, чтобы сохранилось. Вариантов немного, скорее графические, нежели текстовые, то есть именно тогда Соколов уходил от привычного прямоугольника, видевшегося ему, может быть, слишком похожим на решетку. Графика его стихов своеобразна, содержательна и «просто» красива...

На ладони
Принимаю судьбы ваши,
Понимаю
И дыханьем пальцы ваши
Согреваю

Тише, вкрадчивей рыданья
 Скоро зори
 Скоро зори щедро хлынут
 В ваше горе
 И растает ваше горе
 Да, растает
 Что до неба вырастает
 Да, растает
 Скоро зори щедро хлынут,
 Зори! Зори!
 («Гротески», 1959)

Валентин Соколов преодолел все и остался поэтом.

Начав с относительно безыскусных стихов, к которым сам впоследствии относился чересчур скептически, он достиг вершин образной и смысловой выразительности. Так, интонация его – не плавная, но и не ломаная, а редкостно гибкая, исподволь создающая образ и **звук** стихотворения в целом. Он новатор, но предан традиции, понимаемой не эпигонски, а творчески. Его поэзия исполнена энергии, добра, красоты и преклонения перед высшей силой, именуемой Богом.

Не признания он ждал, а падения режима, погубившего столько жизней, обезобразившего целую страну, и, хотя многого и сейчас бы не принял, свобода слова самоценна. Не стоит с этим спорить. Потеряем – поймем, но зачем же по порочному кругу, да еще так самозабвенно?..

Вернулся я, долго я гнался
 За теньями теми, что время
 Моё осквернили и жили
 Как боли во мне прилив
 Оставил я поле, где пели
 Метели и снегом пылили
 И жаждали, чтобы согнулся
 Сломался...

Не сломался и даже не согнулся, а сделал мир прекраснее, укрепив веру в человека, в непоколебимость его воли к добру, чистоте, поэзии.

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 447
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 15.10.2007 г.
Отпечатано в типографии ИЗПЦ «Алгоритм».

Тираж 2000 экз. Заказ №
Распространяется бесплатно